

Счастливого

ПО
НОВОМУ
СТЯЛОЮ

ОЛЬГА ГОРДИШКИНА

Аннотация к книге "Новый год по новому стилю"

Никогда не забывайте писать письма Дедушке Морозу. Иначе он сам решит, что вам подарить. Лучше бы по совету дочки попросила новое платье! Нового мужа мне не надо, мне бы со старым разобраться. Я не готова начать жить по новому стилю! Но кто меня спрашивает...

Умные отжигают с боссами на корпоративах, а я - на детской ёлке!

И почему он молчит про своих одиннадцать кошек?

-
- [Новый год по новому стилю](#)
  - [Глава 1.1 "Я люблю Новый год"](#)
  - [Глава 1.2 "Восточные сладости"](#)
  - [Глава 1.3 "Заявка в друзья"](#)
  - [Глава 1.4 "Ему там не икается?"](#)
  - [Глава 1.5 "Лизавета"](#)
  - [Глава 2.1 "Непристойное предложение"](#)
  - [Глава 2.2 "Все слова, слова, слова..."](#)
  - [Глава 2.3 "Не выбирая выражений"](#)
  - [Глава 2.4 "В зимнем купальнике"](#)
  - [Глава 2.5 "Подари мне, дедушка..."](#)
  - [Глава 2.6 "Госпожа Вербова"](#)
  - [Глава 2.7 "Папа на каникулы"](#)
  - [Глава 2.8 "Ба, какие люди!"](#)
  - [Глава 2.9 "Нечаянная Любовь"](#)
  - [Глава 3.1 "Кровожадный божок"](#)
  - [Глава 3.2 "Переписка по собственному желанию"](#)
  - [Глава 3.3 "Несладкий выбор"](#)
  - [Глава 3.4 "Странная квартира"](#)
  - [Глава 3.5 "Ответ Деда Мороза"](#)
  - [Глава 3.6 "Нетронутый чай"](#)
  - [Глава 4.1 "Танцы у плиты"](#)
  - [Глава 4.2 "Пять минут — вылет"](#)
  - [Глава 4.3 "Внук деда Мороза"](#)
  - [Глава 4.4 "На чужой территории"](#)
  - [Глава 4.5 "Непропущенный разговор"](#)
  - [Глава 4.6 "Лиза, чего ты боишься?"](#)
  - [Глава 4.7 "Неродная родная кровь"](#)
  - [Глава 4.8 "Новогоднее настроение"](#)
  - [Глава 5.1 "Елочный папа"](#)
  - [Глава 5.2 "Вот вам, Елизавета Аркадьевна, и сладкий пунш"](#)
  - [Глава 5.3 "Я — пантера"](#)
  - [Глава 5.4 "Стишок для Деда Мороза"](#)
  - [Глава 5.5 "У кого есть совесть?"](#)

- [Глава 5.6 "Десять минут — это много или мало?"](#)
  - [Глава 5.7 "Дед-домовец"](#)
  - [Глава 5.8 "Гордость без предубеждений"](#)
  - [Глава 5.9 "Новогодняя ночь"](#)
  - [Глава 6.1 "С Новым годом!"](#)
  - [Глава 6.2 "Разбитая семейная жизнь"](#)
  - [Глава 6.3 "Здесь или не-здесь, вот в чем вопрос"](#)
  - [Глава 6.4 "У взрослых мужчин и у маленьких девочек вопросы одинаковы"](#)
  - [Глава 6.5 "Вопрос от будущего свёкра"](#)
  - [Глава 6.6 "Кто кому два сапога"](#)
  - [Глава 6.7 "Где ты была сегодня, Лизка?"](#)
  - [Глава 6.8 "Принцип "Дурак-сам-дурак" в действии"](#)
  - [Глава 6.9 "Позабыто все на свете"](#)
  - [Глава 7.1 "Последняя лепта"](#)
  - [Глава 7.2 "Сами с усами"](#)
  - [Глава 7.3 "Для полного счастья не хватает кошки"](#)
  - [Глава 7.4 "Баба Тома"](#)
  - [Глава 7.5 "Я тебя люблю"](#)
-
-

Новый год по новому стилю

Ольга Горышина

Глава 1.1 “Я люблю Новый год”

Я люблю Новый год! Я люблю Новый год! Я люблю Новый год... Если повторить это раз сто, то Новый год обязательно полюбит тебя в ответ. С мужчинами такое не проходит. Но ведь не все то, что мужского рода — мужчина? Например, отец моей дочери? Это будет лучший Новый год в моей жизни. Эхтер!

И я нажала на клавишу, отправляя годовой отчет с рабочего майла. Все! Я захлопнула крышку ноутбука и уставилась в пустоту. За пустотой существует мир, но пустота меня в него не пускает. Ничего, буду делать праздник из пустоты. Из ничего. Я же женщина! И я в ответе ещё за одну прекрасную феечку, которую сама же подарила миру пять лет назад.

И мы все в ответе за праздник, который сами же себе не устроили. Украшенный город — действительно будто другая вселенная. Но дома уже неделю стоит нарядная искусственная елочка с шариками, которые мы смастерили вместе с Любашей, а на странице Вконтакте обновлена аватарка — где мы с дочкой обе нарядные улыбаемся подле елки в замечательном кукольном театре, куда ходили три дня назад на зимнюю сказку. Да и вообще вся страница по просьбе моей мамы пестрит фотографиями Любви Каменцевой. Жаль, конечно, что от меня у нее даже нет фамилии. Пошла вся в отца — и голубые глаза, и светлые волосы, а у меня черная шевелюра и карие глаза. Настоящая ведьма.

Да, пусть Кирилл и дальше считает, что я его приворожила, чтобы остаться в Питере. А что не так? Приворожила, как любая женщина, но не дурманящими зельями, а природной ведьминской красотой. Я до сих пор великолепно получаюсь на портретах, которые делает его отец. Ими тоже полнится моя страница. Я посчу их для моей семьи, частью которой Кирилл давно не является, а не потому, что желаю доказать бывшему мужу, что он что-то там потерял, разведясь со мной. Я принципиально не удаляю его из друзей. Пусть удаляется сам, если не желает, чтобы я портила ему новостную ленту своей рожей.

Да и черт с ним! Я не жду новогоднего чуда, что Кирилл изменится. Я вообще ничего не жду. Мне просто хочется, чтобы этот ужасный год наконец закончился. Что принесет следующий не так уж и важно. Хуже уже всяко не будет. Будем тихонько выгребать. Всеобщими усилиями: я, свекр и дочь. Впервые за нашим новогодним столом будет всего три человека. Уже полгода, как бабушки нет с нами, а я все слышу, как свекровь гремит на кухне посудой. Сейчас бы с закрытыми глазами простила ей пунктик стерильной чистоты, вернись она к нам с того света. Нет, не в качестве рабсилы. Мне тяжело тащить семью, но я справляюсь. Я действительно полюбила ее, как ... бабушку! Она родила моего бывшего мужа в сорок пять лет, но ведь семьдесят один год — еще не возраст, чтобы останавливалось сердце. Я нашла ее утром в коридоре по дороге в туалет... И у меня все вылилось слезами.

— Бум-бум, бом-бом...

Это лейтмотив последних дней уходящего года: звук дождя, гулкое уханье сердца в пустой груди, и рождественская песня, играющая в наушниках, чтобы не разбудить деда и

внучку от дневного сна. Чужая песня. Иностранная.

— Бум-бум...

На дворе декабрь, а на душе промозглый ноябрь: как и за окном, холодно и дождь, но я давно уже не плачу вслух — и даже про себя не плачу. За этот год я убедилась в том, что могу быть сильнее обстоятельств. Никто не испортит мне встречу Нового года. Ни погода, ни два гада в лице моего бывшего мужа и почти уже бывшего начальника.

— Мамочка, ты написала Деду Морозу, что тебе нужно новое платье? — сурово спросила вчера моя дочка, разглядывая на экране ноутбука наши с ней фотографии.

Боже, что за голос у моей пятилетки? Любаше бы мужиков в добровольцы записывать, а не мать отчитывать за нежелание выглядеть на все сто. А судьи кто? В моей жизни остался один лишь мужчина — свекр.

— Дедушке Саше я нравлюсь и в этом платье, — ответила я спокойно, спуская дочку с колен на пол.

Дедушка Саша, со слов бабушки Тани, знал толк в бабах, а они знали толк в нем. Природа перепутала Александра Юрьевича при рождении с быком производителем. Ему хотелось бабу всегда и везде, и свекровь дала ему полную свободу, только бы каждые пять минут не тащил в постель ее. А вот сын их не был быком, он вырос простым засранцем. Избалованным сыном престарелых родителей. Все ему нужно было подавать на блюдечке с голубой каёмочкой.

Если бы Кирилл просто бегал на сторону в мою тяжелую беременность, то я бы закрыла глаза и простила измену, но он свалил от меня к другой тетке, заявив, что не готов к отцовству. Александр Юрьевич был даже в большем шоке от поступка сына, чем я. А свекровь выходка сына просто подкосила. Она угасала на глазах, до последнего помогая мне с ребёнком, пока я зарабатывала деньги на еду. Когда Любаше исполнилось полгода, Кирилл ушел от меня и из родительской квартиры с вещами и с концами, отказавшись поддерживать нас материально, если я не уеду к маме в Ижевск. Только я, кажется, выиграла от развода. Пусть по паспорту я остаюсь с его фамилией и девочкой, но хочу все решать сама и совершенно не хочу платье. Новое платье будет у Любаши, потому что она — наша принцесса.

Птичка унесла письмо для Деда Мороза. Значит, Новый год точно придёт к нам в дом. В противном случае я притащу его к нам силком!

— Санта бэби... — лилось теперь из наушников...

Музыка английская, радость тоже не отечественного разлива. Я не теряла времени даром — подтягивала язык, потому что не имея диплома об окончании вуза в бумаге, я должна буду показывать потенциальным работодателям свою компетентность делами в шуршащей бумаге. Я без пяти минут безработная! Английский будет жирным плюсом в

резюме!

— Я забыла о пустяке, — пелось в песне: — О кольцо...

Дальше шла игра слов: «ring» означает на языке Шекспира не только кольцо, но и телефонный звонок. Лирическая героиня просила Санту не перепутать слово в контексте. Свое обручальное я давно снесла в ломбард и благополучно забыла его там, поэтому моим новогодним подарком стал телефонный звонок. Приняв его, я услышала женский голос:

— Лиза, у меня для тебя плохие новости...

— Чурчелы не высохли?

Глава 1.2 "Восточные сладости"

Звонила менеджер и по совместительству моя подруга. Нет, наоборот: все же дружить мы начали значительно раньше. С Лией я столкнулась в поликлинике в день грудничков и помогла молодой маме третьего ребенка отлучиться по маленькому, а она помогла мне по большому: после развода выручила с работой.

Традиционно к новому году армянка и русская девушка с ведьминской внешностью готовили чурчелы и гозинахи, в русском народе больше известные как козинаки. Но Лия стойко отстаивала своё произношение, демонстрируя знания грузинского языка во всей красе.

— Вах! Вах! Вах! — говорил в таких случаях ее русский муж. — С ней лучше не спорить.

Какая разница, как называются грецкие орехи в мёде правильно, потому что остаются грецкими орехами в мёде в любом случае! В прошлые выходные, пока дети играли, мы с Лией нанизывали орехи на длинные нитки. В эту субботу я приходила уже помогать варить виноградное тесто для их обмазки. Попробовав домашних чурчхел, вы никогда не сможете утолить жажду покупными — тут я с Лией согласна на все сто! Возможно, в Грузию они вкусные даже из магазина, но в ближайшее время лично я туда вряд ли попаду.

Я стояла над кастрюлей, в которой мы уже прокипятили с сахаром виноградный сок, и просеивала муку, пока Лия размешивала все миксером. В прошлом году мы пытались проводить манипуляции над огнём, и наш миксер устал — хотя мы испугались, что сдох окончательно, но он отдохнул и заработал. Прямо как человек! Но в этом году мы все же решили не пытаться судьбу.

Пока Лия стояла над плитой, мешая своё варево большой деревянной ложкой, я резала отломавшиеся от чурчхел орехи.

— Если Гришка тебя уволит, он просто дурак! — выросла она у меня за спиной, неся на лоджию кастрюлю, чтобы охладить ведьминское варево.

Да, после трех лет до меня вдруг дошло, что мы маемся дурью, нарезаая орехи ножиком, как испокон веку делали все кавказские женщины, а потом уйму времени тратили на выскребание шелухи, чтобы та не горела. В этот раз я взяла мясной тесак и начала махом рубить целую кучку, а потом через сито просто-напросто просеяла всю лишнюю ореховую муку.

— А это пойдёт на сациви, — важно заявила Лия. — Безотходное производство! Так и надо работать!

Да, с учётом, что орехи у нас были нового урожая, вечерней лошастью из Грузии, то выкидывать даже шелуху было жалко. С магазинными они тоже не шли ни в какое

сравнение! Лия обжаривала орехи, я — топила мёд и сахар, а за нашими напряженными спинами надрывался телефон.

— Катя! — истошно звала Лия свою младшую дочь, закрывшуюся в комнате с моей.

Услышала, пришла, подала маме телефон. А лучше бы пропустили звонок. Звонил наш Гришка — конечно, по срочному делу, и Лия бросила меня доделывать козинаки в две руки. И что удивительно — я снова справилась с работой. Может, это и есть мое призвание? Кухня! А то дома на готовку трачу не больше часа!

— Это орехи в виноградном соке. Трудно объяснить, — вернулась она с телефоном минут через пятнадцать, когда я уже раскатала орехово-медовый пласт на бумаге для выпечки. — Мы потом с Лизой вас угостим. А за госинахами можете через час заехать. Адрес дать?

Я чуть не раскатала скалкой пальцы, а лучше бы дала этой скалкой великовозрастной подруге по башке.

— Ну что ты злишься? — потешалась надо мной Лия. — Он же все равно не приехал бы. А зря. Вам надо поговорить вне офиса. Может, мне вас обоих на сациви пригласить?

— Мне не о чем с ним говорить вне офиса, — отчеканила я. — Либо он передумает сам, либо я сама уйду.

— Этот гад не передумает, — весело заявила Лия, предусмотрительно забрав у меня нож, чтобы я не пустила его в ход не на казинаки, которые Лия принялась нарезать ромбиками.

— Гад — это бог по-английски, — подала вдруг голос ее дочка.

Подружки сидели за столом, хватая из-под ножа обрезки медовых орехов. Я не успела даже улыбнуться, как Лия уже ответила дочке:

— Нет, гад — это всегда по-русски. Это значит плохой дядя. А с плохими дядями хорошим девочкам не надо общаться. Никогда!

— Но ты же с ним разговаривала... — продолжала диалог несгибаемая детская логика.

— Так я и не девочка. Я тетка, старая.

— Ты не старая! — возмутилась русая Катя.

Вот тоже гены, в отца пошла, как и старшая, а вот средняя у них армянка армянкой. Папа даже иногда шутил, что отец не он. И с улыбкой добавлял, что хотя бы теперь его благоверную не будут нянькой считать!

— Довольно немолодая, — сострила Лия, — поэтому мне с такими дядями можно даже работать, а вам, девочки, лучше не встречаться никогда!

— Когда я буду большой, он уже умрет, — поставила жирную точку в разговоре за подругу моя принцесса.

— Почему? — повернулась к ней Катька.

— Он же начальник. Значит, старый.

— Он молодой, — не выдержала я. — Но уже в маразме. Старческом, — добавила я уже для Лии.

— Смотри! — продвинутый ребёнок схватил мамин телефон и вывел на экран фотку звонившего. Лия поставила ту, что была у него в пустом профиле Вконтакте.

Моя феечка покачала головой и заявила, поджав губы:

— Красивый... Мне нравится.

Устами младенца не всегда глаголет истина. К счастью! Вот их отцы красивые. И они обе красавица. А этот гад просто гад, написанный кириллицей. Характер нордический, стойкий. Не женат. В связях, порочащих его, замечен не был... Впрочем, этого никто не знает. Но я не хочу выходить с ним даже на телефонную связь. Все через Лию! Так что она собирается сказать мне неприятного? Про чурчелы ли?

Глава 1.3 "Заявка в друзья"

— В общем ты должна будешь после праздников ездить в офис каждый день, а не только на планерку, — рубанула Лия воздух своим грудным голосом.

— После каких праздников?

Понятное дело, что после новогодних. Я спросила просто так, потому что сказать было нечего. Честно говоря, я и не надеялась. Новая метла всегда метёт по новому, и новому хозяину позарез надо показать свою силу. И заодно глупость!

— Лиза, я старалась... Но ведь зараза какой черствый сухарь этот наш Григорий Антонович. Зря только ценный продукт на него потратила! Сама б лучше покушала! Я же четко сказал, никакой удаленной работы, — правдоподобно передразнила Лия мужской голос. — Не надо давить на жалость, Каменцева не кошечка, чтобы я ей помогал... Твою ж мать, думаешь у него есть кошка?

— Вряд ли...

Была б, давно бы поделился с народом какой-нибудь кошачьей историей. У нас ведь весь офис знает про Карлоса, кота Лии. Кота... Родив третью дочку, она лишила мужа надежды воспитать сына, поэтому когда девчонки потребовали завести им кошку, их папа потребовал себе кота. И ему принесли кота! Вислоухого британца с дворовыми генами со звучным именем Карлос. Когда пришло время лишать британца его мужского достоинства, гордый новоиспеченный папа кота сам вызвался отвезти несчастного в клинику, откуда через час позвонил жене с пеной у рта — ты мне снова Карлиту подсунула! Говорю ж вам, не все то, что мужского рода — мужик.

Со школьных уроков литературы я вынесла ещё и привычку верить говорящим фамилиям. У моего распрекрасного начальника отличные инициалы: ГАВ. Господин Вербов не только лаает, но и кусает. Очень больно. Мало того, что базовую зарплату с сентября урезал, заставив работать на проценты, так теперь с улыбочкой вообще за порог выставляет. Впрочем, может, он и улыбаться не умеет. С таким выражением лица, какое у него на аватарке пустой страницы Вконтакте даже на документы не снимаются. Только пятилетним особам женского полу и способен понравиться!

— Дорогая, у меня без вариантов. На планёрки я могу приезжать, но и только. Дед старый, он не в состоянии за Любашей присматривать целый день. Она сама за ним присматривает, чтобы не забывал таблетки принимать. И в сад не отдать. Она никогда не была с воспиталками, да и мест в середине года все равно нет. Короче, что я тебе прописные истины говорю. Сама же знаешь...

— Слушай, забыла спросить, с квартирой хотя бы разобрались? А то как встретишь Новый год, так и проведёшь. Все устаканилось? — подняла ещё более болезную тему моя почти что бывшая начальница. И если я пошлю Лию так, как мне хотелось сейчас послать ее

за заданный вопрос, то я быстро стану ей бывшей подругой.

После смерти свекрови, отец моей дочери намекнул, что неплохо было бы выплатить рыночную стоимость его квартирной доли. Грубо говоря, поставил ребром вопрос о продаже жилплощади, с которой его поперли мои свекры, когда Кирилл заявил, что уходит из семьи, оставляя жену с шестимесячной дочкой.

— Нет. Я попросила Каменцева ничего не говорить отцу, пока я не утрясу все с бумагами. Нам двушку в четыре лимона оценили! Он уже мать добил, сейчас отца прихлопнет.

— Этот гад может. Но вы хоть к чему-то пришли?

— К чему с ним можно прийти? Я согласилась выкупить. Надеялась взять кредит, но без нормальной зарплаты я его теперь не потяну. Я вообще не хочу про это думать. Новый год!

— И не думай. Езжай пока к матери и не трепи себе нервы с этим чудачком. Ты свой регион отлично знаешь... И будешь оттуда искать работу в Питере. А может и у нас власть поменяется... Или я Гришку зарежу! Да, кстати, приходите к нам на Новый год все вместе?

— С Гришкой? — серьезно спросила я, и Лия расхохоталась.

— А это идея! С кем Новый год встретишь... Он будет вынужден работать с тобой год... Ну что, втроем будете сидеть?

— Одна буду сидеть. Свекр спать ляжет под куранты. Любашка тоже. Я открою шампанское и напьюсь в гордом одиночестве. Потом буду названивать Каменцеву и молчать. Могу к тебе прийти. Ты меня пьяной никогда не видела. Если, конечно, трезвого таксиста найду. Одна ночью не пойду.

— К матери точно не поедешь? — перебила мой бред Лия.

Нет, ни на праздники, ни вообще. Как можно уехать обратно в деревню? Даже на год нельзя! Дочке в школу через год. Я из Питера ни ногой! Любаша должна быть с образованием. Это у меня после академки не было ни времени, ни сил восстановиться даже на заочный. Сюда меня Лия взяла, так сказать, по благу. Но я не дура. Найду работу. Как-нибудь. Без диплома, но с активной клиентской базой. Зачем Лия только предлагает мне уехать? Сама обратно в Тифлис не свалила. «Уеду» и для меня не вариант. Даже без мужа.

— А за дедом кто будет ухаживать? — выдала я, как ответ на все, причину, по которой не поехала встречать Новый год со своими. Хорошо, родственники понятливые у меня. — Кирилл? Не смещите мои тапочки! Гад даже не позвонил, чтобы поздравить отца с днём рождения. Дед плакал, я видела...

Я спокойно отвечала на вопросы Лии только внешне. Внутренний голос рвал и метал, как только речь заходила о моем бывшем. Мать утверждала, что я по-прежнему

люблю Кирилла. Нет, просто сильная любовь в какой-то момент переходит в такую же всепоглощающую ненависть. Да и вообще на дворе «самое лучшее время в году», как поётся в дурацких рождественских песенках. У них там за океаном может и праздник, а здесь праздничного настроения нет и не будет, если Кирилл заявится со своими требованиями в Новый год! Впрочем, краля его не отпустит на мой оливье. Побоится. Она тоже видела мои фотки, а я — ее. Ха-ха!

Проблема, что и ГАВ видел. Видео, которое видеть ему ну совсем не полагалось. Тесто для чурчхел слишком долго не остывало. Уже вернулись старшие девочки, и средняя армяночка заявила к нам на кухню с гитарой. Учитель ее считал, что круче битлов музыки не придумали, и она заиграла нам новую песню, которую все никак не могла верно сыграть.

— А ты пой, — подсказала я и потом пришлось подсказывать слова. Я ведь учу английский по песням. И вот поем мы с ней с горем пополам Естудей, а проблемы так медленно-медленно подкрадываются со спины в виде старшей дочери и ее айфона.

— Стоп! Снято! — закричала Милена. — Потом ВКонтакте посмотрите.

— Не загружай! — крикнула я, забыв, что у детей, особенно подростков, мозг фильтрует все родительские «не».

Вечером перехожу по ссылке и вижу под видео лайк от ГАВ. Как? Как!

— А у тебя его что, нет в друзьях? — удивилась Лия, когда я написала ей своё возмущение по поводу игнорирования ее дочерью моей просьбы.

— Нет! С какой стати? Мне в друзьях одного гада достаточно! — Двоих даже ВКонтакте не выдержит, не то что я! — И нахрен я ему сдалась?

— В качестве особо ценного работника.

— Вот и убеди его, что я такая ценная. Ты же мой непосредственный начальник!

А плевать. Видел так видел... Я его больше и не увижу, наверное. И вообще я же не плясала все лето, я работала. Можно в декабре и попеть. Пусть делать я этого и не умею. Но приносить ГАВу деньги у меня очень даже хорошо получается. Что ж, дебил, не понимает? Потому что дебил, упертый дебил! Кирилл тоже много чего не понимает — что убил мать, не понимает. И отца на тот свет отправит из-за квартирного вопроса!

Крутила в сердцах ВКонтакте стену Лии и наткнулась на ноябрьское поздравление с днем рождения. Самодельная открытка из нашей с Любашкой фотки в розах. Под ней тоже стоял его лайк. Мужiku вообще делать, что ли, нечего? Только как лазить по соцсетям работников. Или Большой Брат бдит?

Не могли нас продать кому-то другому? Какое-то крепостное право, блин! Уволит — я же только перекрещусь и выдохну! Поскорей бы праздники прошли. Начну активно

искать работу.

Что? Сообщение? От ГАВа: «Елизавета Аркадьевна, спасибо за козинаки (я ведь правильно написал слово?). Не люблю общение через третьих лиц. Хотел бы сказать «спасибо» лично, но вы принципиально не ходите в офис».

Вот ведь гад! Вы, Григорий Антонович, кажется, переходите мои личные границы Вконтакте?! Пишите на рабочую почту. А в офис я должна явиться после праздников. Ваши же слова!

Набрала ответ «На здоровье!» — пусть подавится. — «С Наступающим Вас!»
Пришел ответ: «И Вас тоже!» И заявка в друзья.

— Лия, если я оставлю его в подписчиках, он обидится?

— На бывших сотрудников женского полу не обижаются, — сказала Лия, даже не спросив, чья заявка.

Короче, в офис после праздников мне не надо... И в друзья добавлять его не надо, и я нажала на «оставить в подписчиках». Гав!

— Он сказал, что не имеет ничего против сациви на Новый год...

— Что? Я не приду к вам!

Ах вот в чем дело? Что она ему наплела про меня? Ханума фигова! Не надо меня никому сватать! В качестве особо ценного работника!

Глава 1.4 "Ему там не икается?"

— Я пошутила! — расхохоталась Лия. — Мне Гришки в офисе хватает.

И пауза.

— Лиза, ты расстроилась?

Ну чем она могла меня расстроить? Нас с ГАВом связывает только контракт, который дурак грозится разорвать по причине несоответствия занимаемой должности, раз диплома нет! Так и сказал: вы мало того, что без образования, так еще дома сидеть хотите! Дебил!

Ему, наверное, на ком-то отыгаться за неудачу на личном фронте захотелось — вот и нашел легкую добычу в моем лице: я у нас единственная работаю из дома. Но ведь еще и не поленился заглянуть в документы — не у всех же он профильное образование вдруг взялся проверять? Хотя если ко всем заглянул в соцсеть, то и поднять личные дела мог.

Это нормальные руководители у работников с пятилетним стажем отчеты проверяют, а не малолетние выскочки, въехавшие в рай на папиных деньгах — такие могут только самоутверждаться за чужой счет. А что я нервничаю? В офис я не выйду, он придирки по удаленке не уберет — все, гуд-бай. И елы-палы, ГАВ — моя самая маленькая проблема. Свалю к конкурентам!

— Лия, ты что, совсем?

Хотелось сказать — дура!

— Ты реально думала, что я запала? Будто только я обсуждала нового хозяина!

Возмущению моему не было предела: вот ведь ёшкин кот! Если я называю его гадом — это не значит, что мужик мне нравится. Чего она молчит?

— Он ко мне не подкатывает. Он реально на мне отыгрывается. Или свято верит, что дома никто не работает, поэтому надо являться под его очи всякий божий день и даже в выходные, которые мы себе не заработали.

На экране черного ноута появилось уведомление от ГАВа — не понравилось, что я его заблокировала? Не, не буду открывать...

— Он еще сказал, что надо уметь просить за себя самой, — наконец открыла рот Лия. — Said, что больше через посредников с тобой не общается.

— Он мне это написал. Не прямо, а намеками, что неплохо бы выйти в офис.

Лия хихикнула.

— Мне кажется, про работу ты все решила... Не в его пользу.

Как раз за минуту до звонка Лии на глаза попался очередной английский мем: «Дорогой Санта, я хорошо вела себя целый год. Большую часть времени. Иногда. Один раз. Ладно, забудь, я сама куплю все, что мне нужно». Так я и живу последнюю пятилетку. Покупаю подарки всем и себе, хотя, кажется, ничего уже не хочу. Кроме стабильной зарплаты, чтобы были деньги покупать все самой.

Как вспомню про выбивание алиментов через суд и скандал, который я закалила начальнику муженька за липовую справку про доходы, так снова плакать хочется. Мужская солидарность, да чтоб их всех... Ведь есть же у скотины деньги. Будто я их на себя трачу, а не на его дочь! Хоть бы где у козла зачесалось, когда его отец в семьдесят лет пошел на сутки через трое в охрану, чтобы прокормить нас, пока я не выкормила дочь до года и не устроилась на денежное место, с которое некоторые меня очень хотят выкинуть. Но я еще поборюсь, ГАВ!

— Лиз, Гришка явно хочет, чтобы ты осталась, иначе бы ужом не крутился, а просто уволил. Поговори с ним сама про работу из дома еще раз. Может, он мне не верит? Может, думает, что тебе просто лень время и деньги на дорогу тратить? Или что ты поспать любишь...

— Вот сидит целыми днями и обо мне думает!

Голос дрогнул, как и рука — нет, не буду открывать сообщение. А то подумает, что я тоже о нем думаю... Постоянно!

— Да, я вообще-то и с хорошей новостью звоню...

— С нее и надо было начинать! — нервно перебила я и захлопнула крышку ноута от греха подальше. Плохую новость надо оставлять на потом!

— Мы решили скинуться по полторы штуки и устроить сабантуй самим. Без Гришки.

Да, стараниями нового хозяина мы остались без новогоднего корпоратива: деньги не зажал, выплатил каждому премию по пять штук. Наверное, мужик не пьет, а смотреть на других — завидно.

— В пятницу. Я уже и кафе заказала, сейчас меню составляю.

— Я не хочу...

— В плане?

— Пить и жрать. Я лучше с Любашкой еще на какую-нибудь елку схожу. Раз начальства не будет, то никто и не узнает, что я злостная прогульщица тимбилдинг эвентс,

— я улыбнулась от уха до уха. Благо меня никто не видел. Любаша пошла с дедом за хлебом.
— Ну или наоборот не скажет, что на офис у меня времени нет, а на кафе — пожалуйста!

— Ради меня... Пошли с нами в кафе. Поможешь мне с подготовкой. Договорились?
Я заплачу.

— Чего? Я не из-за денег, Лия! Я не на мели, мы же не начали ремонт кухни. Я реально не хочу...

— Мне помочь? — перебила подруга.

Если только помочь!

— Ладно, только я сама плачу, — отрезала я, чтобы не было никаких но!

Ага... Вах, Вах, Вах! Лучше с ней не спорить! Горячая женщина, да?!

— Это будет мой подарок. Хватит выступать, Лиз. И не смей дарить мне ответный. Люба — моя крестница. Ты ей лишний подарок лучше купи. А мне колготки под елку! А то я все порвала, расчесывая ноги из-за нашего дорогого Гриши!

— У твоей крестницы все есть!

Хотелось уже наконец замять тему ГАВа. Зациклились на мужике! Может, ему там икается, и он обратился там ко мне с просьбой не поминать его всуе?

— Она даже не знала, что у Деда Мороза попросить. Сошлись на новом платье.

— У Любы папы нет.

— Деды Морозы пап не дарят! — почти не злилась я. Почти! — И папа у неё есть.
Как бы...

— Как бы... Аж завидую, как ты правильно слова подбираешь. Меня в русской школе этому не научили. Давай. Завтра заводи Любашку к Дине после трёх и дуй на маникюр.

— Кстати, я тебе отчёт уже послала. Можешь переслать гаду в первоизданном виде.

— Я тебе, как подруга говорю, — Лия снизила голос до грудного. — Вылезай из дома. Куда-то, кроме детской площадки и магазина.

— Дед в магазин ходит...

— Тогда и папу найдёшь для Любы, — не слушала меня Лия. — А то ещё к своему козлу вернёшься. Из-за квартирного вопроса.

— Я от него не уходила. Это он ушёл вообще-то. И не думаю, что он вернётся.

— Может вернуться тебе назло. Будете жить, как в коммуналке. Еще и свою бабу приведёт.

— Лия...

— А почему нет?

Действительно, почему нет? Кирилл может... Под Новый год! Подарочек под елку! Впрочем, имеет полное право. Это я не могу ни на что претендовать. И оставили меня свекры здесь не из большой любви к невестке, а потому что верили, что сын одумается, а потом просто испугались, что я увезу внучку к маме, и они больше не увидят Любашу.

Всем нужна Любовь. Да, с большой буквы. Имя. Девчачье. С маленькой буквы — заверните обратно! Мне такого подарка больше не надо. Отлюбила свое.

Ну что там рабочий гад написал?

Глава 1.5 “Лизавета”

— Просто хотел отдать вам билеты на ёлку. Дочь ветрянкой заболела. А подарки от Деда Мороза не должны пропадать.

И во вложении действительно билеты — детский с подарком и два взрослых, соответственно без подарка. Семейный поход в театр. И с чего мы все решили, что господин Вербов не женат? Ну, кольцо не носит... Может, жмет или аллергия на золото. Ну, выглядит молодо. Гены хорошие или, как и мы, в студенчестве родили. Я что, расстроилась? Нет... Просто... Просто мне действительно не нужны личные отношения с начальником. Как мне ему деньги за билеты отдать?

— Спасибо, Григорий Антонович, но мы с дочкой уже были на елке, — пишет ответ наша с Любашкой аватарка. — Пусть ваша дочка быстрее поправляется.

— Еще на одну сходите, — пишет тут же ответ непроницаемое лицо ГАВа. — Елок много не бывает.

Это он шутить так пытается, похоже.

— Если будешь видеть каждый день Деда Мороза, перестанешь в него верить, — отвечаю, не особо задумываясь над ответом. Надо просто избавиться от непрошенного подарка. — Я даже против того, чтобы Дед Мороз домой приходил. Пусть лучше ночью под елкой подарки оставляет.

— Как хотите. Билеты ваши.

И тишина.

— Мне не нужны билеты, — строчу еще быстрее. — Вы можете их продать. Или поспрашивать по знакомым...

— У меня нет на это времени. Если у вас его так много, то продавайте билеты. Делайте с ними, что хотите.

Мои пальцы замерли: капслока нет, но ГАВ явно лает на меня. Времени много, а в офис не хочешь ходить, коза. Козел!

— Я сделаю для вас объявление в мамской группе. Вдруг кто-то купит. Тогда я свяжу вас с покупателем.

— Вы что, глухая, Лизавета?

Он Лизаветой меня назвал, или у него клавиша запала, потому что руками на мою аватарку размахался?

— Я не пытаюсь продать билет. Я отдал его вашей дочке. Не вам. Я же не знал, что у ее мамы дурацкие принципы. Можете отдать билет подругам, которых не трясет при виде Деда Мороза.

— Меня не трясет... — написала и стерла. У нас и так уж диалог на страницу. Надо заканчивать. — Хорошо. Я брошу клич по подругам. И дам вам знать.

— Лизавета, вы снова не поняли?

Он специально называет меня Лизаветой, типа деревенщина ты наша необразованная!

— Я отдал вам билет. Точка. Меня не интересует его дальнейшая судьба. С Наступающим вас

И ни точки не поставил, ни восклицательного знака — видимо, снова что-то заело. Пошлю ему в качестве жирной точки благодарственный смайлик. Черт! Тролль из шкатулки! Проклятая мышка — компьютерная крыса, твой год еще не наступил — как ты посмела ему поцелуй отправить?! Ну хотя бы сердечко, но губы...

Тишина. Пялюсь в экран, как дура. Не объяснять же ему, что рука дрогнула и не туда кликнула... И пялилась бы до прихода своих из магазина, если бы не появилась заветная надпись — оффлайн. Да ладно... Он ничего лишнего не подумает. Он, наверное, не мне лайки ставил, а Любаше и теперь сообразил, что эту несчастную девочку без папы можно осчастливить билетом на елку. Ну, а я в ответ осчастливила его виртуальным поцелуем — в щечку, так что пусть жена не ревнует.

А ногти сделать надо, чтобы стать кошкой и царапаться, царапаться... И выцарапать наконец у судьбы свое счастье! Или новый контракт у ГАВа. Ведь не продлит гад из принципа. Знает, что такое ребенок в доме, вот и уверен, что дома женщина не может работать! Да в твоём офисе, Гриша, никто вообще нормально не работал до того, как ты Цербером туда не сел, кроме меня и Лии.

Лия, что хочешь, продаст. Богатый опыт имеется. В голодной тбилисской юности на последние деньги в каком-то подвале на Пасху яйца купила. Приносит домой — а они тухлые. Мать говорит, других денег нет — Иди на рынок и продай. Пошла...

— Стыдно было, а что делать? Обманывала людей и продала все по два-три яйца в руки. До сих пор помню... Так что не говорите мне тут, что вы свежие консервы продать не в состоянии!

У неё в подчинении все всё могли, а не то — мой меч, твоя голова с плеч! Лия славная. Вытащила в Питер племяшку, ещё когда та в школу ходила.

— Зинка просто не понимает, что там будущего нет, — говорила она про сестру. — Раньше за честь было в русскую школу ребёнка отдать, а сейчас они все только по-грузински

говорят.

На первых порах девочке довольно трудно пришлось. Особенно с языком, репетиторов брали, да в неумолкающей семье тети русский подтягивала. Теперь уже на втором курсе учится. У меня, помимо прочих телефонов экстренной помощи, заведен номер этой Дины, и пусть он начинается не на единицу, а на девятку, после звонка на него начинается экстренное реагирование. С Диной я спокойно могу оставить дочку и заняться ручками. И даже ножками. В кой-то веке. Уже и не помню, когда последний раз Мани-Педи делала.

Господи, неужели черти повывлезали раньше Рождества! Я еле записалась к мастеру и попала к черепахе. Прошло два с половиной часа, а она продолжала возиться с ногами. У меня пятки без цементной корки, это у неё просто руки замедленного действия. И пока мои были свободны, я позвонила Дине и извинилась. Лия ещё не пришла домой. К счастью! После рук, после четырёх часов, мне действительно надо было бежать, чтобы разогнуться.

— Что она с тобой делала? — ахнула Лия. — Ну хоть ровно покрыла. Садись ужинать. У нас как раз сациви Динкиного производства с орехами из бабушкиного сада. Тобой просеянных! У нас безотходное производство! Садись, а не то Гришке позвоню.

Надо бы сказать ей про семейное положение Вербова. А вдруг это секрет? Не буду. И позвонила деду. Извинилась.

— Лиза, скажи честно, у тебя свидание?

— Да что вы, Александр Юрьевич!

Какое свидание... У меня свиданий не было пять лет. Куда я уйду на свидание из чужого дома! Потом я долго, как и свекры, верила, что Кирилл одумается и вернётся. Хотя бы ради ребёнка. А когда перестала верить, стыдилась его родителей. Только если уходить от них насовсем, но финансовых возможностей пока нет. Впрочем, когда Кирилл на поминках похвалил мои блины, Александр Юрьевич сказал, что мне надо искать мужика. Но где, когда и как, не сказал. А я уже забыла, как это делается.

— Я для твоего деда сациви положу. В качестве алиби, — расхохоталась Лия.

Алиби... В большой шумной, настоящей кавказской, семье Степановых хорошо. Особенно с запахом живой елки. Пихта не пахла, однако Лия наставила по всей огромной квартире ароматизированных свечей. Но лучше бы я действительно была на свидании. Думаю, Любаша сама бы почитала себе про принцессу и сказочного принца.

Жаль, что принцы живут только в сказках. В реальности одни гады по мою душу побираются. Хорошо, что ГАВа на корпоративе не будет. Собак кормят под столом, а не за столом. Особенно тех, кому случайно послали губки. Выходит, все, хоть в чем-то нормальные, мужики давно женаты. Сватать меня некому, хотя сваха из Лии Степановой вышла бы знатная! Пусть это всего лишь наш Питер, а не наш Авлабар.

Глава 2.1 “Непристойное предложение”

— Мама, ты похожа на Снегурочку, — заявила дочка в пятницу, когда я взялась за ручку входной двери.

Нет, милая, твоя мама похожа на дуру или на сугроб. В прошлом году я купила белый пуховик, белую шапку, белый шарф, белые перчатки и... Новые сапоги тоже были белые. Не говоря уже про сумку. Свекровь спросила то ли в шутку, то ли горько тогда:

— Начинаешь жизнь с белого листа?

Ничего я не начинала. Просто захотелось так одеться. Увидела картинку в интернете и залипла. Потратила кучу денег, чтобы не прислали безразмерный свалявшийся Китай. Девочка с иголки получилась. Платье я тогда не купила. У меня было одно французское и для на фото, и на выход — синее, приталенное, до колена, с коротким рукавом. Из дома я в нем вышла всего пару раз. Можно сказать, только бирки срезала.

Сейчас к нему добавились раритетные жемчужные бусы. После смерти жены свекр вручил мне ее шкатулку со словами: либо продай, либо носи. Бижутерию я снесла в комиссионку, а камни оставила себе. Сейчас ещё и кольцо надела к бусам. Жемчуг отлично подходил к белому с перламутром маникюру. И в ушах тоже жемчужные шарики. Точно ведь Снегурочка-дурочка.

— Я вернусь не поздно, но ты все равно ложись спать.

Я обняла дочь без поцелуя. Зачем пачкать ребёнка помадой?!

Такси эконом-класса, белый Фольксваген, ждало меня у подъезда. Парень, к счастью, попался неразговорчивый. Или понял, что я неспроста села назад. Не люблю разговаривать с незнакомыми людьми — им кажется в порядке вещей устроить из такси исповедальню. Типа, один раз видимся, а у тебя наболело. Мне не надо проговаривать свои проблемы, мне их надо решать. Молча.

— Лиза, ты уже выехала? — позвонила вдруг Лия.

Конечно, я выехала. Обещала приехать пораньше помочь ей в кафе, чтобы все было красиво к приходу гостей. Блин, сослуживцев... Сотрудников! Хотя некоторые не трудились на рабочем месте, а просто несли службу. Зато были в офисе!

— Я уже в такси. Но можем вернуться. Что надо?

— Ты в чем будешь?

— В платье. Синем. А что? — не поняла я вопроса.

— Сверху что? В своём белом пуховике?

— Да, а что? — не изменила я вопроса.

— Лиз, тут такое дело...

Мне как-то сразу приплохело от ее голоса.

— Лиз, ты не можешь отказаться, потому что я уже сказала за тебя «да». Может, это твой шанс уболтать Вербова оставить тебя на удаленке. Рассматривай это так.

Мне окончательно сделалось плохо.

— Он что, приходит тоже? Ты решила посадить нас вместе? — выдавала я предположения пулеметной очередью.

Лия рассмеялась.

— Хуже, Лиза. Я тебя ему просватала...

— Что? — я чуть не врезалась лбом в подголовник пассажирского сиденья. — Он женат и у него дочь!

— Серьезно? Откуда знаешь?

— От верблюда! То есть от него!

— Я тебя сосватала ему в качестве Снегурочки.

— Кого? — теперь я шарахнулась затылком о спинку сиденья.

Может, Лия уже набралась дома и бредит? Я же тоже никогда не видела ее пьяной!

— Сне-гу-роч-ки, — по слогам повторила Лия. — Гришка играет Деда Мороза в каком-то там детском доме. Снегурочка приболела. А без внучки он идти не хочет.

— И он попросил прислать ему меня?

Это же бред какой-то? Какая Снегурочка? Какой Вербов?

— Нет, он спрашивал про мою Милену, но у неё дурнадцать. Сказала — нет и все. Динка только армянскую Снегурку играть может...

— А я?! — ахнула я в голос. — Татаро-монгольскую?

Я только по паспорту и по маме и папе была русской, а из зеркала на меня смотрела копия моей прапрабабки, если судить по старым фотографиям. Шамаханская царица видимо переспала с каким-то ханом, чтобы на свет появилась она...

— За Динку мне голову открутят. И хватит. Я сказала, что ты его спасёшь. Парик наденешь, нос припудришь, и нормально поздравите детей.

— В детском доме? Что за чушь?

— Ты его сама спроси, что за чушь, ладно? Он будет ждать тебя у кафе. Если ты его не узнаешь, он узнает тебя по белому пуховику. Журнал «Огонёк» можешь не искать.

— Хорошо.

Хотя ничего хорошего не было. ГАВ, Дед Мороз и чужие дети не связывались в логическую цепочку, только в елочную с тревожными лампочками.

Я вышла из такси ни жива, ни мертва. Никто меня не ждал. Нет, тут же ко мне выскочила Лия — в холод в платье. Адреналинчик играет?

— Там за углом черный мерс. Он не хочет, чтобы вас видели вдвоём. Хотя я и сказала ему, что никого ещё нет. Удачи!

В чем интересно?

— Тебе тоже удачи! — ответила я ей в тон.

Я вот точно знала, в чем ей понадобится удача: чтобы никто не нажрался до поросячьего визга!

Приморозило, и я радовалась сапогам без каблука, хотя все равно чувствовала себя коровой на льду. Машину я увидела. Меня — тоже... увидели. Но на мою походку это никак не повлияло. Лучше доковылять, чем загреметь под самые очи босса.

ГАВ вылез из авто в свитере и джинсах. Жаль, что не в костюме Деда Мороза. Спросил бы, тепло ли тебе девица, тепло ли тебе, красная... Ответила бы: Да мне жарко! От вашего, Григорий Антонович, непристойного предложения!

— Вам, Елизавета Аркадьевна, и костюм не нужен, — сказал ГАВ серьезно после формального обмена приветствиями, такими же серьезными.

А у вас, милый, даже чёрной бороды нет! На дедушку вы не тянете. Вам и до солидного начальника как до луны пешком.

Наверное, у нас в офисе проблема с электричеством. Я не заметила, насколько ГАВ молод. Не младше меня случаем? А мне всего двадцать шесть... Не может же бритва с четырьмя лезвиями творить такие чудеса и сбривать морщины даже со лба. Светится ведь, как начищенный таз! Нет, как елочный шарик.

— Меня дочь назвала Снегурочкой, — улыбнулась я криво. Я вот, похоже, игрушка с трещинкой. — Я посчитала это знаком и согласилась на вашу авантюру.

— Спасибо, что согласились. Я тоже непрофессиональный Дед Мороз.

Любительский Дед Мороз галантно распахнул передо мной дверь своего авто. Жутко дорогого. В таком Мерсе ездить мне еще не доводилось. Правда, я и издалека на них не заглядывалась. Я не автоценитель.

— Я не представляю, какой Снегурочкой буду... — смутилась я. Совсем немного. В Фольксвагене было бы в разы комфортнее. А тут авто слишком сильно подчеркнуло нашу с ним разницу в положении: социальном и материальном, хотя до этой самой минуты я не считала, что мы бедствуем. Что делать, что делать? Может, поблагодарить за билеты, которые я решила оставить себе: что тридцатого, что тридцать первого делать нам с Любашей будет нечего.

— Хорошей, — усмехнулся холёный мальчик. — Все Снегурочки хорошие. Других не бывает. Они же из сказки...

ГАВ резко выкрутил руль, обогнал пару машин и снова поехал спокойно, почти не касаясь пальцами руля. Зато то и дело касался взглядом меня, и лицо у меня окаменело.

— Надеюсь, вы не сильно расстроились из-за кафе? Я верну вам деньги за банкет, не переживайте.

Стало совсем неприятно. Даже мягкое кресло задеревенело. Надо было раньше сказать про билеты.

— Не надо мне ничего возвращать. Это в счёт билетов. Я пойду с дочкой. Я вообще не любитель застолий. Просто Лии хотела помочь.

— Теперь помогаете мне. Спасибо. У меня приятель заболел, а он театр у детишек ведёт. Школьная дружба обязывает. А сегодня утром и его жена свалилась с температурой. Я был в панике. Новый год же не может не наступить до подснежников?

И улыбнулся он совсем по-детски, а мне захотелось проскрипеть голосом бабушки Пельтцер, но вышло только своим:

— Как сказать. Мне однажды прислали договор от тридцать первого ноября. Он прошёл через трёх человек и никто не заметил.

— А вы самая у нас глазастая, Елизавета, получается?

Интересно, а существует бритва для языка? Чтобы все пупырышки сбрить, а то он у ГАВа бычий, с пупырышками... Впрочем, наш молодой человек нервничает — иначе не стал бы засучивать у свитера рукава, когда под ними рубашка с длинными рукавами...

— Я просто знаю, сколько дней в году. Я не королева...

— Вы — Снегурочка...

Дурочка, на что меня Лия подписала!

Глава 2.2 “Все слова, слова, слова...”

— Елизавета, вы, главное, не нервничайте. Дети знают, что мы не настоящие, — хохотнул будущий Дед Мороз.

Странно, не нашли никого постарше? Да, голосом он сумеет подыграть, но вот щеки придется щедро заклеить ватой.

— Да я не нервничаю... — солгала я. — Скажите только, что говорить...

— Вы же на Ёлку уже ходили в этом году, — подколот меня засранец. — Слова везде стандартные — елочка гори и так далее... Только без «Здравствуйте, родители», само собой... — продолжал ГАВ неспешно доводить меня до румянца. — Можем, песенку из «Ну, погоди» спеть... Расскажи, Снегурочка, где была? — действительно запел Вербов и совсем, скажем, неплохо. — Расскажи-ка, милая, как дела?

Я улыбалась. Молча.

— Ну? — он даже приглашающе затряс рукой в воздухе. Хорошо, от руля далеко не убирал, а то попал бы мне по носу.

— Я петь не умею...

— Мне врать поздно! — перебил он такое мое объяснение молчанию. — Знаю, что умеете... Можете даже Битлз, дети в курсе.

И я сдалась без боя — курантов! Только тикала в такт песне стрелка поворотника.

— За тобою бегала, Дед Мороз, пролила немало я горьких слёз, — почти не сфальшивила я и все равно покраснела.

Или мне сделалось жарко в пуховике — ведь забыла расстегнуться.

— Отлично... Только начинать плясать в машине не обязательно.

И тут только до меня дошёл градус моей дури... Когда, расстегивая ворот, взгляд мой нечаянно упал на светящуюся приборную доску. Где мои мозги раньше были?!

— Сейчас ведь пять часов вечера... Какой детский утренник?

— А кто сказал, что он детский? — ГАВ даже хохотнул в голос. Хорошо, не залаял! — Детские я отыграл утром с Маринкой. Сейчас будут большие дети. Их, кстати, намного важнее не оставить без сказки. Я рос без мамы и знаю, что это такое, когда до тебя никому нет дела.

— У них там дискотека? — я малость вышла из ступора.

— Ну да... — дернул пальцами ГАВ. — Мы елочку зажжем, подарки подарим и уйдём. Или хотите потанцевать? Ану-ка давай-ка плясать выходи!

— Нет, Дед Мороз, нет, Дед Мороз, погоди... — расхохоталась я в голос.

О, господи! Ну, Ханума, ну засранка! Будет возможность замолвить за себя словечко... Да мне теперь точно в офис путь закрыт. Я же ржать там буду сивой кобылой! И это мы ещё не в костюмах...

— А костюмы будут? — немного даже испугалась я. — У меня платье синее, могу и так... Дискотека все-таки...

ГАВ выдерживал паузу — форменный засранец. Как же я ошибалась в его чувстве юмора. Он просто в офисе пытается играть во взрослого начальника. Догадывается, наверное, что матрона Лия за глаза зовёт его Гришкой.

— Костюм есть. Но... — ГАВ еле сдерживал улыбку, готовую растянуться до самого уха. — Можете остаться в пуховике... Или в нем танцевать неудобно?

— Григорий Антонович...

— Гриша. На сегодня Гриша. Или Мороз. Как вам удобнее...

— Дедушка Мороз, конечно, — открестилась я от панибратства. — Я уж лучше станцюю, чем спою...

— Я тоже не буду петь. Не пою по-трезвому... Вернее, вообще не пою.

— И не пьёте?

Ну, я ведь так и думала! Может, со здоровьем проблемы или пить не умеет, не пьянея.

— Это так принципиально? — как-то вдруг зло выдал мой пока ещё начальник, сильнее стиснув руль. Уж не до боли ли в пальцах?! Кажется, у него даже не скрытые, а открытые комплексы!

— Я просто спросила, — попыталась я как можно мягче замять неприятную для него тему. Нам ещё детей вместе поздравлять. К счастью, не рожать. Хотя для этого дела я тоже не умею правильных выбирать...

— Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрет, — снова пропел горе-певец. — Я подумал, что у вас проблемы с нетрезвыми мужчинами. Ваш бывший пил?

О, как! Лучшая защита — нападение!

— Вам не кажется, Дедушка Мороз, что вы задаёте слишком личные вопросы?

Вот мне так не кажется. Так и есть! Личные границы четко очерчены пассажирским сиденьем, за границы которого не выползает даже пуховик: его полы теперь крепко зажаты в кулак, который хочет злобно постучать по торпеде: фу, таким быть... Я с большим трудом выговорила временное погоняло господина Вербова. Гришка, вот его настоящее. До имени-отчества не дорос!

— Да вашими личными проблемами мне выносили мозг последние две недели!

Он почти выкрикнул это, и в нагретом салоне сделалось невозможно дышать, как в бане при ста градусах.

— Извините Лию. Это больше не повторится. Она просто крестная моей дочки. И очень за неё переживает.

— Сколько ей?

Кому? — чуть не спросила я, Снегурочка-дурочка! Не Степановой же!

— Пять.

— Моей семь, так что я немного разбираюсь в детях.

Семь? Вы ее в школе сделали или молодильного яблочка отведали?

— Так в чем проблема найти няню для большого ребёнка?

— Вечер пятницы — это уже выходные. Я же не спрашиваю вас, почему мне нельзя работать из дома...

— А я отвечу. В сотый раз! Дома вы — мама и только потом работник.

Вот ты какой... Дедушка Мороз!

— Вы вообще мои отчеты смотрели? — завелась я с полоборота.

— Смотрел. И, кстати, сравнил с годовой давностью. Ваши показатели снизились.

Неправда!

— Неправда! — и я верила в неё, в свою правду.

— Вам переслать или сами посмотрите?

— и тут же добавил: — Сегодня мне честно не хочется говорить о работе. Сделайте вид, что мы не работаем вместе. Сможете?

Это намёк, что я уже уволена, что ли?

— Смогу! — вот мой ответ на все твои вопросы и предложения, Дедушка Мороз!

— Тогда не в службу, а в дружбу, достаньте с заднего сиденья ваше творение.

Я резко обернулась. Там лежал пластиковый пакет. Из «Пятёрочки», который, скажем так, не совсем органично смотрелся на чёрной коже дорогого авто. Я схватила его и нащупала — ну, а что я могла нащупать, кроме чурчхел! Вторая попытка Лии задобрить Вербова. Я начала вытаскивать одну и вспыхнула — ну почему такие мысли вдруг в голову полезли? Да, орехи в соке похожи на пупырышки, но это не банан...

— Вы знаете, как это есть? — спросила я, чтобы побороть непрощенные мысли.

— Их едят как-то по особенному, что ли? В любом случае, Лия вручила мне говорящую инструкцию...

Как мило! Знаете, практикуйте своё чувство юмора на кошках! Тех, кому вы готовы помогать, уважаемый ГАВ! И чтобы не проверять наши мысли на схожесть, я разломилась длинную ореховую колбаску пополам, в спешке забыв вытащить нитку, державшую орехи. Теперь вытащить ее будет куда сложнее.

— Это обязательно? — выдал ГАВ, устав от ожидания.

— Если вы, конечно, хотите вытаскивать нитки из зубов, то пожалуйста.

Я лично не стану ковыряться в зубах женатого мужчины! Так что протянула ему нижнюю половинку, уже без нитки — ее край слишком напоминал то, что было от природы у Вербова и не было у меня.

— Оставьте себе остальное, — бросил ГАВ тут же. — Вы тоже ничего не ели, наверное. Кто-то из великих сказал, что всегда выходил на сцену голодным, но мы не великие, так что ешьте. Кстати, очень вкусно... Спасибо!

— На здоровье!

Вот так, достаточно одного укуса, чтобы убрать из головы неприятные ассоциации. Теперь это была просто охотничья колбаска — оставалось только решить, кто из нас двоих на охоте? Нет, что я опять несу... Он человек молодой и женатый... А у меня от жары просто мозг расплавился... Такой, как я, лучше не думать, а просто жевать. Не думать! — а то орехи горчить начнут!

— Елизавета, можно вопрос?

Я похолодела.

— Если он не личного плана.

— Он как раз личного. Мы договорились про работу не говорить. Так можно?

Я молчала, не зная, как повежливее избавить себя от посягательств на мою личную жизнь. И так этот товарищ уже слишком много знает!

— Я все равно спрошу. Только не бить, ладно?

— Ладно...

— Елизавета, вы...

Глава 2.3 "Не выбирая выражений"

— Елизавета, вы имеете какое-то отношение к Кавказу?

Я совсем замёрзла, и мозг отказался соображать — зато глаза повылезали из орбит. Я могла ожидать все: даже предложения оформить мою удаленку неформальным образом, но, кажется, пятая графа при приеме на работу больше не играет роли...

— Не бейте, я же просил! — ГАВ чуть повысил голос. Ага, до невинного писка и прищурился, отчего его темно-синие глаза сделались почти чёрными в тон шевелюры. — Просто стало интересно, откуда вы такая красивая...

О, Боже... Хорошо, я проглотила орешек — не подавилась. Плохо, что у меня осталась ещё длинная колбаска, которой, как прутиком — или, лучше сказать, дубинкой — захотелось отстегать наглеца по щекам. Красивая... Я в курсе, что я красивая, но это же не комплимент? Просто интересно, что это такое было? И будет...

— У вас царский разрез глаз, — продолжал бесстрастно ГАВ, скашивая на меня свои наглые глаза. — И с учётом любви к кавказским блюдам...

— С чего вы взяли, что у меня к ним любовь?

Я разжала пальцы, и пуховик прикрыл то место между сиденьями, где в нормальных машинах обычно торчит ручка переключения передач, или как у них там называется эта трость! Ее бы я с удовольствием вырвала и по башке малолетке надавала, чтобы научился разговаривать со взрослыми женщинами! Наверное, он со всеми двуногими кошками так и разговаривает, потому и приобрёл безопасную машину — «Нахал», Лимитед Эдишн.

— Я просто помогала подруге, — скрипела я словами и зубами.

— Безотказная помощница! — заскрежетал зубами и ГАВ, разозлившись непонятно на что! Мне-то он хотя бы дал повод возмутиться его беспардонностью! — Потому она боится вас потерять? Вы за Степанову и офисную работу всю делаете? В домашних условиях...

О, как! Допрос с пристрастием? Или уже обвинительная речь?!

— Мы не говорим сегодня о работе! — я тоже повысила голос и тоже непроизвольно. Тоже. Не собирался же ГАВ на самом деле на меня лаять? Из-за чего мы поругались? Из-за миндалевидной формы моих глаз? Обычно за красивые глаза по головке гладят. Он сейчас и погладит — подзатыльничком! Нет, этим осчастливлю его я, а мне он уже и так пинком под зад дал — просто я лечу в замедленном темпе. Буду в полёте до Нового года, а в Новом уже совершу посадку на мягкое место. И в лужу! Если снег так и не выпадет в Северной Столице.

— Я ошибся, извините. Можете не отвечать.

И ещё сильнее стиснул руль.

— У меня родители русские, — начала я спускать пары. — Самая простецкая девичья фамилия, какую только можно придумать — Соколова. В остальном я в прапрабабку пошла. А откуда она такая, семейная история умалчивает, а мне и самой было бы интересно знать. Хорошо, что есть ее фотка. Иначе бы ещё подумали, что мама меня нагуляла с ханом из Золотой Орды.

Я рассмеялась больше от нервов, чтобы хоть немного разрядить атмосферу. Вербов не первый спрашивает меня про внешность. У меня просто нервы сейчас под высоким напряжением. Вот и выбило пробки терпения!

— Жаль, что дочь не в вас.

Так, приехали, дорогой... А это ещё что за новости? Вернее, за наезд.

— Она в отца.

— Ну, я об этом и говорю, — впервые ГАВ смутился.

Во всяком случае закусил губу. Может, и язык пожевал... Господи ж ты Боже ж мой, ну куда меня несёт с моими мыслями! Куда меня принесла нелегкая с легкой руки Лиички?!

— Только в конце века, выходит, родится ваша копия...

— Даже не скажешь, поживём, увидим, — передернула я плечами, изображая веселье.

Прямо ухахатываюсь с ним тут. В скучно-официальном формате он меня больше устраивает. На планерках... Вне офиса — заверните, уберите... Пусть его жена и прочие безотказные девы терпят! Тему бы сменить. Ах, да...

— Григорий Антонович...

— Мороз, — перебил он, стрельнув в мою сторону огромными глазами. — И можно без дедушки. Это девичья фамилия моей матери. Она из Кишинева была.

— А... — протянула я зачем-то. — Я забыла спросить про вашу дочь. Извините меня. Как она себя чувствует?

— В порядке. Сейчас, к счастью, не мажут зеленкой, но каникулы себе Илона подпортила. Вернее, мать подпортила ей, не привив. Можно, конечно, надеяться, что другие дети привиты... — и вдруг он осекся и снова бросил на меня растерянный взгляд: — Я снова не то говорю, да? Вы из этих? Поэтому в сад не отдаёте?

— Я из тех! — отрезала я. Сменили тему, называется... — Люба с бабушкой с годика дома сидела. Полгода — со мной. Через год в школу пойдёт. Не думаю, что у меня есть даже крохотный шанс найти садик на будущий год да еще и на полный день.

— Будущий год — это с января?

Я снова запахла полы пуховика — да что ж он за человек такой! Будьте последовательны, Мороз Иваныч: сказали, забыть, что мы вместе работаем, я и забыла, а вы каждую секундочку напоминаете — у вас иголки в кармане завалились и вам надо от них срочно избавиться? Но я не просила лечебного иглоукалывания!

— С сентября. Послушайте, господин Мороз, хотите говорить прямо, говорите. Я не иду в офис, потому что два часа на дорогу я лучше потрачу на ребенка. Тогда у меня будет возможность плодотворно поработать.

— А вариант нанять няню вы не рассматривали? — с неприкрытой издевкой спросил ГАВ.

— Нанимать няню мне не имеет никакого смысла... Какова цена, таков и товар, а я на ребенке экономить не буду. У нас с дочкой отличная команда — она даже днем до сих пор спит, чтобы дать маме возможность поработать. Вам прислать наш распорядок дня?

— Вы меня обрабатываете, Елизавета?

— Это, кажется, вы меня обрабатываете, сказав минуту назад, что сегодня бизнес мы не обсуждаем.

— Сейчас обсудим и больше не будем, — гавкнул ГАВ. — Я не знаю, какую Мэри Поппинс вы желаете приставить к ребенку, но с вашей зарплатой вопрос няни вообще не должен стоять.

— Вам предоставить статьи расхода на месяц?

— Послушайте, Елизавета, а вы не пробовали не экономить на няне, а зарабатывать больше?

Боже, где тут трость — ему по кумполу точно врезать надо!

— Я не для того рожала ребенка, чтобы скинуть его незнакомой тетке без особой на то надобности...

— А какого хрена вы вообще рожали от мужика, которому ребенок на хрен не нужен?!

Кажется, тростью огрели меня... Рот я открыла — только и сделала что открыла, из него ни ах, ни ох, ни выдох, ни вдох не способны были ни войти, ни выйти... Говоря грубо, Вербов просто... тот самый глагол на букву «о»! Будь я мужиком, так бы прямо и сказала!

— Слушайте, Григорий А... — я все же не стала тратить лимитированный воздух, задержавшийся в моей груди, на отчество, которое этот пацан не заслужил. — Мы с вами не друзья, кажется...

— О, лед тронулся, господа присяжные заседатели... — усмехнулся ГАВ зло. — Мы не друзья, так какого фига я должен входить в ваше положение?

— А вы можете хоть немного последить за своей речью?!

Выдохнуть — раз, два, но слова обратно брать не собираюсь. Что он меня отчитывает, как школьницу! Нос не дорос!

Он оглянулся — театрально-игриво — на пустое заднее сиденье.

— Здесь детей нет... А других слов вы не понимаете. Я четко сказал — нет. Никакой работы из дома.

— Тогда и я говорю вам такое же твердое — нет: в офис я не прихожу. Хотите прямо в понедельник напишу по собственному?

— Не хочу, — ответил он тут же. — Не хочу, чтобы вы уходили. Я хочу, чтобы вы вылезли из дома и начали функционировать по полной...

— Что делать?

— Функционировать... — на этот раз ГАВ даже покраснел.

— Знаете, откуда мне очень хочется вылезти? Из вашей машины!

Нет, открывать двери авто на скорости могут только каскадеры или полные дуры! Вербов-Мороз все же не полный отморозок — меня понял, поэтому тихо сказал:

— Потерпите минуты три, и я даже подам вам руку...

Спасибо, обойдусь... Хотелось сказать это вслух, но разум подсказал, что пока можно придержать это при себе. Дети, которых стараниями Лии мне надлежало развлечь, не виноваты, что у Мороза действительно отморозило все мозги. Или же Степанова поведала ему обо мне много лишнего... Может, он свято верит, что помогает мне не погрязнуть в быту? Не знает, что у нас дома стерильная чистота. Вкусно готовить я за год не научилась — только быстро. Это Александр Юрьевич проглотил, но пылинки и соринки не простил бы мне в силу привычки. Привычки к чистоте!

Глава 2.4 “В зимнем купальнике”

Здание детского дома напоминало большой детский садик в окружении стандартных многоэтажек. Через дорогу вообще высились новостройки. Только от коридоров веяло ещё большей казенностью и немного пахло хлоркой. От близости бассейна. А должно было пахнуть корицей и мандаринами. В крайнем случае, ванилью.

— Вы сами справитесь? — спросила как-то слишком лукаво крашенная в блондинку женщина с кудряшками ярко выраженной учительской наружности.

Я кивнула, за нас обоих. Бедный ГАВ в это время пытался спасти свитер, который порвал, пока перетаскивал в подсобку мандарины, три коробки которых поместились в багажнике его чёрного Мерса. Вот Мороз без моей помощи не справится точно.

— Можно я посмотрю?

Вербов на секунду замер, а потом просто стащил через голову свитер и таким скомканным бросил мне в руки. Вместо спасибо за предложенную помощь, которая не входила в сферу моих обязанностей, а в силу того, что сейчас мы абстрагировались от отношений: я — начальник, ты — дура, можно было сделать вид, что мы хоть чуть-чуть стали друзьями. На время. Хотя, как сказал Лермонтов, на время не стоит труда... Пусть он сказал это про «любить», но для дружить тоже сойдёт. Ладно, я много от него требую! Вербову жаль дорогущего свитера. Вот и ведёт себя, прямо как расстроенная девочка!

— Просто петлю вытянули, — успокоила я беднягу.

Я затянула узелок — с трудом, потому что из-за помады нельзя было пустить в ход зубы.

— Держите!

— Спасибо!

О, мальчик знает волшебные слова! Хороший мальчик...

— Дайте повешу ваш пуховик...

Я подцепила пальцем вешалочку и протянула пуховик галантному денди. Он зацепил его за крючок, приделанный к стенке одного из забитых коробками стеллажей, потому что на плечиках там же висело два новогодних костюма.

— Вы раздеваться будете?

Я сначала даже не поняла вопроса. На мне уже ни шапки, ни шарфа не было, все влезло в рукав пуховика.

— Я отвернусь...

Сначала сотри с лица улыбку, елочная игрушка со свечкой внутри!

— А я не стесняюсь.

Мне даже захотелось показать ему насколько, и я тут же подняла руки к молнии. Нитки на рукаве предательски затрещали. Черт!

— Теперь мне нужна ваша помощь... — к счастью, не вспыхнула я.

— Да без проблем.

Затушив в голове свечку, с серьезным видом ГАВ двинулся ко мне, и я поспешила отвернуться, а то ещё улыбнётся, и я точно вспыхну. Я ж играю с ним во взрослую женщину, которую не стоит учить, от кого рожать и как воспитывать ребёнка. Своим пусть занимается в свободное от работы время! А на работе работает, как все приличные люди, а не думает, как вернуть к жизни Спящую Красавицу. Меня то есть! Надеюсь, он хотя бы с женой не обсуждал за вечерним чаем бедную брошенку с младенцем!

Я гордо расправила плечи, и вот моих лопаток коснулись холодные пальцы. Почему они такие ледяные? Настоящий Мороз! Из машины же вылез...

— Извините, я по дури вымыл руки холодной водой...

Заметил, что я вздрогнула. Хорошо, что мыл руки, а то подумал бы про меня другое... Что он там делает? Где его помощь? Я не дотянусь до лопаток сама. Попыталась и сразу поймала его пальцы. Уже тёплые...

— Я просто руки грел.

Пришлось отдернуть пальцы, точно от горячей сковороды. Они у него такие мягкие, что даже не шуршали друг о друга, пока он растирал ладони или я такая глухая?

Теперь молния дошла до копчика, но обжигающие пальцы не исчезли. Они скользнули

по шёлку майки вверх к плечам и потянули ткань вниз — проверяет, насколько я стесняюсь? Не скажу же — уберите руки, молодой человек? Надо просто молча вытащить руки из рукавов и сделать шаг вперёд. Все! Теперь, как на пляже — зимой! Сначала снять валенки, а потом платье!

— Повесьте...

Я чуть не подскочила от неожиданности: перед моим лицом маячили плечики, а Снегуркина шубка лежала на стуле. Подсобка метр на метр и вся заставлена — шаг вправо, влево: наступишь на грабли!

— Спасибо! — тихо поблагодарила я, продолжая играть во взрослую женщину.

Он взял из моих рук платье. Вернее из-под ног. Успел нагнуться, когда я через него переступала. Сердце заколотилось, как бешеное, когда чёрная голова оказалась у меня на уровне груди. Да что же это такое? Он женат, он, может, вообще младше меня... Кто, черт бы его побрал, поджег здесь воздух до душераздирающих щелчков?! Спокойно, Соколова, у тебя просто мужика пять лет не было и в последний раз у твоей груди застревала голова как раз-таки двадцатиднолетнего придурка!

— Пол ледяной. Сейчас сапоги подам...

Я, видимо, поджала пальцы на ногах, когда наши взгляды встретились уже на уровне лиц. Только бы не промахнуться! Спокуха! Это всего лишь мои личные валенки, а не ботфорты. И на мне плотные колготки, через которые даже раскаленное железо не почувствуешь. Не то что чужие пальцы!

— Современная Снегурочка именно так и должна одеваться... — ГАВ отступил к стулу с наглой улыбкой. — Даже жалко такую красоту этой тряпкой прикрывать!

Я покраснела, да? Или тут батареи шпарят безбожно? Мы не на показе купальников сороковых годов.

— Дайте мне уже одеться! — закончила я мысль вслух. — Дедушка Мороз! — почти выплюнула я в сторону своего бывшего (Ясно, что бывшего!) начальника.

— Да, конечно...

Он распахнул голубую шубку с белыми узорчиками, и пришлось повернуться к нему спиной, чтобы он успел рассмотреть меня со всех сторон. Ну и, что за этим последует? Очередной комплимент? Или уже предложение?

Собравшись, я приказала себе попасть в рукава с первого раза. Йес, я сделала это! Йаху! С халатной молнией я справилась самостоятельно. Да и костюмер не спешил помогать. Я даже сама взяла парик с косой до пояса. К счастью, в нем лежала резинка для волос. Чужая, но брезговать не время! Да, никогда не стану краситься в блондинку. Снегурочка перед праздниками явно на юга смоталась. Нахлобучив шапку — хорошо, не кокошник! — я обернулась к Морозу. Тот так и стоял у стеллажа в рубашке. Не холодно ли тебе, Дедушка? Вернее, деточка!

— Ваш бывший — дурак, — вдруг выдал деточка и схватился за красный тулуп, чуть не сорвав его с плечиков.

Круто! Нет, я с ним согласна по поводу характеристики Кирилла. Только что так долго думал?

— Я в курсе, — ответила я просто, расправляя на шубке невидимые складочки.

Заметив краем глаза, что синие глаза вместо зеркала смотрят на меня, я вытащила из карманов перчатки, но не надела, поняв, что этот Мороз так и будет стоять распоясанным, если я не возьму все в свои руки. Начиная с кушака.

— Вам бы ватничек под кафтан не помешал, — шепнула я в отполированное лицо Вербова, заметив вблизи парочку несбритых морщинок.

— А вы не затягивайте так кушак. Это не галстук, — улыбнулся Мороз как-то малость нервно. Отлично, меня его близость тоже нервирует. — Там на воротах булавка. Вы поосторожнее, пожалуйста...

— Боитесь, что уколюсь? — раздухарилась я себе на удивление.

— Я за себя больше боюсь...

И правильно делаете — сейчас бы мне сосульку поострее, моргалы бы повыколола. Ну что он на меня пялится?

— Елизавета, почему вы замуж до сих пор не вышли? Неужели ждёте его?

— Кого его? Принца?

Ты, мальчик, глуп, как пробка: у меня ж открытая булавка в руках.

— Елизавета, ну что вы меня все подкальваете? Я же серьезно с вами разговариваю.

В голосе обида — нет, с таким только на планерках встречаться надо! С ним не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. Мне, как и Лии, новые колготки понадобятся. У меня уже не только ноги с ним чешутся! Но и руки — придушить. И я застегнула булавку под самым кадыком. Теперь надо было нацепить на него бороду. Она была похожа на ошейник для собачек, только вместо лапок, следовало просунуть в прорези уши. А они у него длинные, и я бы отодрала их за такие разговорчики в строю... Дедов Морозов!

— Не надо со мной серьезно разговаривать, — расправляла я по его гладким, почему-то холодным, щекам синтетические завитки. — Вот серьезно, не надо. Я не думала, что Лия столько всего вам расскажет. Это слишком личное, понимаете? Я перед вами уже голой в прямом и переносном смысле походила. И скажу вам честно — это неприятно.

— Что именно? — пробубнил Вербов в искусственную бороду, стоя передо мной по стойке смирно.

Хорошо, он не слишком высокий, и мне не понадобилось подниматься на цыпочки.

— Раздеваться перед посторонним человеком, — я специально не сказала «мужчиной».

— Я предлагал отвернуться...

— Григорий Антонович, — мне не хотелось звать его Гришей. Все же надо тянуть на себя официальность, как одеяло. — Я могу одеться, но вот стереть вам память у меня не получится.

— Я постараюсь забыть. Дайте мне второй шанс.

— На что? — спросила я после затянувшейся паузы.

— На работу с вами.

— Вы разрешаете мне работать из дома?

Он ничего не ответил.

— Стойте, я одену вам шапку. Теперь вы настоящий Дед Мороз.

Я была довольна своей костюмерной работой. И протянула ему огромные красные рукавицы.

— Напомни, внученька, что ты попросила у дедушки к Новому году? — понизил ГАВ голос до неузнаваемости. Может, дело в бороде? Не в театральных же способностях! — Что-то дедушка запомнил?

А у него отлично получается — я даже заулыбалась против воли.

— Ну, не слышу. Глуховат стал к ста годам.

— Ничего я, дедушка, у тебя не просила. Ничего мне не надобно, родимый, — поклонилась я почти в пояс, давась подкатывающим к горлу смехом.

— Плохо, внученька, что письмо не написала. Но можешь на ушко шепнуть, что хочешь в подарок от меня.

И действительно повернулся ко мне ухом и даже нагнулся. Сказать про удаленку? Ну, зачем ему настроение портить. Я уже все решила. Ухожу я от тебя, Мороз. Злой ты, кусочий.

— Подари мне, дедушка...

Глава 2.5 “Подари мне, дедушка...”

— Подари мне, дедушка, цветочек аленький, краше которого нет во всем белом свете, — нашлась я и засияла от гордости за собственную находчивость.

— А доброго молодца тебе не подарить?

Секунда на размышление, и... Стук в дверь. Спасительный!

— Войдите! — крикнула я раньше Мороза.

Явилась та тетка, которая нас сюда засунула, и другая, очень на неё похожая — их в пединституте клонируют, похоже. Как дети их только не путают!

— Нашли все-таки Снегурочку! — воскликнул клон и умильно сложил у лица ладошки. — Да ещё какую красавицу!

Так, это искреннее? Или с поддевкой? Куда ты с чёрным свиным рылом в калашный ряд прешься, девица? О, дайте, дайте мне белил!

— Черноока, черноброва, нраву кроткого такого, — пробасил Мороз, припечатывая меня своей перчаткой к узлу на своём же кушаке.

Твою морозную мать! Не попрошу я у тебя жениха — придурок ты этакий! Думаешь, пять лет именно тебя ждала, чтобы на шпагат сесть?

— Ну, где тут мой мешок с подарками?

Меня обменяли на увесистый мешок, и я получила свободу, одобренную желанием отправиться домой на такси! Что-то вас, Мороз, не по новогоднему штырит!

— Мы вас, Гриша, не только за подарки любим...

«А мы вас, Гриша, совсем не любим!» — в тон клону басил мой внутренний голос. Мы любим Новый год и не будем портить детям праздник. Детям, у которых и так жизнь испорчена дураками-недородителями.

— Ну, с Богом! — толкнула меня в спину одна из клонов.

Но могла бы и воздержаться от пинка: Мороз уже тащил меня по пустому коридору, как буксир баржу.

— Валенки! — вдруг услышали мы за спиной дикий вопль. Думала, что перепонки лопнут.

Семён Семёныч! Этот вообще понятно, о чем думал, а вот почему я не подумала о

валенках? И посох...

— Где посох? — нависла я над Морозом, который прижавшись одним местом к стене, стягивал ботинки.

— На сцене! — бросил Вербов почти своим голосом.

Я выдохнула. И все выдохнули...

— Ты первая пойдёшь и спросишь, дедушку не видели? А то я его потеряла...

Ну вот, приехали. Значит, есть сценарий?

— А дальше?

— Сообразишь по ходу. Там ведущий есть.

Я сделала два шага с каменным лицом.

— Эй, Снегурочка! Тебе что, страшно?

— Холодно! — выплюнула я.

— Сейчас жарко будет!

Боже ж ты мой! Матерь всех снегурок, спаси и помилуй мя!

Вы слышали, как поют дрозды? Ой, как зовут Деда Мороза великовозрастные дети? Нет, поэтому и слышите нормально. Я думала, что оглохну. Поэтому, наверное, сразу и не услышала, что у меня спрашивают. А? О? У? Моя растерянность выглядела не по театральному натурально.

— Вы дедушку не видели?

Глаза б мои его тоже век не видели! Великий и могучий Мороз, два вершка от горшка, а крутизны вагон и маленькая тележка!

Туда-сюда! Куды пошла? И какого фи́га ты это делаешь? Через секунду я уже не помнила, что говорила. Обратный отсчёт: десять, девять... Темнота — друг молодежи. Где там раз, два, три... Елочка гори! Горит, фу... Рано радуешься, красавица!

— Позволишь, дедушка, самому славному молодцу пригласить твою внучку на танец?

Я б этого ведущего посохом по башке отходила. С улыбкой... Ещё полчаса на сцене. Обычно это рыцарь выбирает даму сердца, а не наоборот. И не кулачные бои ж устраивать в виде брейк-данса. Это сколько лет их руководителю, что такому учит? Парнишки отжигали

круто.

Надеюсь, танец не таким же будет! Иначе я на крутящемся шаре повешусь! С улыбочкой! Да даже с подобием вальса меня можно было выжимать...

— Не раздевайтесь, Елизавета! — гавкнул ГАВ.

Я и не собиралась устраивать стриптиз для взрослого мальчика. Сейчас попрошу отвернуться. Платье сама застегну. Пусть только наполовину! Дома все равно снимать, а сверху пуховик.

— Поехали в костюмах в кафе?

Ты бы, Гриша, бороду-то сбрил... Тьфу, снял!

— А они ещё там? — спрашиваю с гремучей смесью издевки и надежды. Этот ведь и правда так поедет...

— Я позвонил — сказали, что ждут нас. Ваша подруга сказала.

Я выпрямилась и выросла в своих белых валенках до высоты лабутенов.

— Вы решили сократить штат и вам нужно для этого моральное оправдание?

А мне нужны, кажется, капли датского короля! Или цианистый калий! Для себя или для ГАВа — это как получится.

Дочка однажды спросила, где у Деда Мороза рот? Сейчас я тоже искала его в кудряшках бороды, чтобы понять, умеет ГАВ улыбаться по-доброму или только скалится. Впрочем, плевать. Он же мой бывший начальник... Чего церемониться? Зря меня Лия в Снегурки сосватала: я не умею заискивать и просить... Только крестики рисовать на своей работе с этим человеком.

— Мне нравится дарить подарки, — ответила серьёзная борода.

Вот как? Ну да, интересно только на какие шиши?! Неужто у нашей фирмы такой доход, что можно купить подарки всему детскому дому? А ведь мне шепнули на ушко, что Гришенька исполнял роль волшебной птички, которая забирает из-под подушки записки и относит Деду Морозу. Озаботился покупкой персональных подарков для всего заведения, а это больше ста человек. Или у него куча личных сбережений и ещё какой-то бизнес?

— Вы сами отказались от корпоратива, или мне неверную инфу передали?

— Я подумал, что народ больше порадуется деньгам, но раз всем так хочется выпить...

— А может просто хочется праздника?

— Тогда тем более поехали туда Дедом Морозом и Снегурочкой. Ну? Соглашайся, внученька!

— Но мы же без подарков? — почти не улыбнулась я.

Когда вы, Григорий Антонович, говорите, кажется, что вы бредите!

— Почему же без? Купим по дороге шоколадных зайцев.

— Вы сейчас шутите?

— С вами, Елизавета, я всегда говорю предельно серьезно. Неужели вы этого до сих пор не поняли?

Интересно, чего именно я не поняла?

Глава 2.6 "Госпожа Вербова"

ГАВ побил все возможные временные рекорды игры в молчанку, хотя я даже взглядом не просила в неё играть. Возможно, он просто о чем-то думал, потому включил музыку. Классику, которую я не узнавала в силу равнодушия к композиторам и их творениям. Упущение в воспитании, согласна, но это последнее, на что мне хотелось тратить свободное время, которого вообще не было.

Наверное, следовало предложить какую-то нейтральную тему для разговора, но я тупо молчала и только непроизвольно посматривала то и дело назад, где на ручке болталась вешалка с моим платьем. Праздничный халатик на голое тело грел лучше пуховика, или же меня подогревало внутреннее возмущение на такую мою покорность. Когда босс является на корпоратив в образе Деда Мороза — это рабочий креатив, а когда тащит туда сотрудницу, то сразу возникают интересные вопросы. Возможно, конечно, только у меня.

Хотя вопросов не осталось — рабочего характера уж точно. Я не смогу с ним работать после этой чертовой подсобки. Для кого-то ничего не случилось, а я точно переборщила с уверенностью в собственной незакомплексованности. Город горел праздничными огнями, и я снова почувствовала в душе пустоту. Что на себя ни напяль, другой не станешь.

— Берите мешок, Елизавета.

Мы все ещё на вы. Вне образов. И это радует. Мороз понял, что со мной не прокатит? Или его интерес к моей скромной персоне я себе просто нафантазировала? Так даже лучше! Может, остались еще нормальные мужики, которые ценят семью не только потому, что другие бабы в их сторону не смотрят. У этого и рожа, и кожа... -ный кошелек имеются — любую может себе позволить.

Я схватила красный мешок, но замешкалась — шнурок зацепился за светящийся посох. Лампочки включаются от удара о землю, но я готова была уже исколотить посох кулаками, чтобы тот наконец отпустил шнурок. Иначе мне придётся расстегивать Деду Морозу ворот, чтобы заполучить булавку!

Лизка, выдыхай... Ты себя перекрутила! А как выдохнуть? Мозг закипел, а на улице, как назло, ни одного сугроба, чтобы долбануться в него башкой, как страус в песок. Мокрый снег не холодный душ, точно не поможет.

Мужики в чёрной рясе на Мерсах давно стали привычным явлением на наших улицах, а вот мужик в красном кафтане — удивил. Пара человек обернулись на Мороза с неприкрытым даже улыбкой интересом, но ГАВ смотрел только под ноги, чтобы не угодить в лужу, открывая мне дверь и держа над головой зонтик. Галантности от него не забрать. Что уж там!

— Если зайцев не будет, берём волков? — сострил он в надежде на мою улыбку.

— Год мыши...

Улыбнуться у меня не получилось. В костюме Снегурочки с белой косой до попы я казалась себе полной дурой.

— Сыр не будем покупать. Можно сушки. Мышки сушек засушили...

Надо его заткнуть!

— Гриша, вы вообще что собрались покупать в подарки?

Мы стояли напротив продуктового магазина. Лучше, конечно, было б спросить — скупить! Весь магазин! Впрочем, продавщицы уже от одного нашего вида открыли рты. Заказ они собирали молча. Не каждый день к ним Деда Морозы отовариваться заходят. А ГАВ чуть ли не старорусский вспомнил, поздравляя красных девиц преклонного возраста с Наступающим Новым годом!

Чай, кофе, потанцуем? Нет, зайцы, шоколадные.

И зефир! Все в красивые мешочки. Не, у него явно какое-то странное чувство юмора. Он вообще какой-то странный... мальчик. Вырос без мамы, мама была из Кишинёва... Глаза... Какие обалденные у него синие глаза... От папы? Черт, он на меня смотрит!

— Вы даёте своей дочке шоколад?

Я кивнула, не сообразив, что на прилавке лежат киндер-сюрпризы. Три штуки. Зачем?

— Для меня ничего покупать не надо...

— Это для вашей Любы.

— Мама, смотри! Дедушка Мороз...

Я оглянулась, машинально... В порядке вещей увидеть в магазине ребёнка, но мне сделалось неловко — словно мы нарочно испортили ему сказку.

Мороз тоже обернулся. Присел и протянул мальчику ещё не оплаченное шоколадное яйцо.

— Не надо! — это кричала мамаша.

На неё глаза Мороза не подействовали заволаживающе, как на меня.

— С Новым Годом! — Зато подействовал тон Мороза.

Мальчик, косясь на мать, осторожно взял яйцо.

— А масинку...

Я стиснула зубы — машинок в магазине не было.

— Какое сегодня число, знаешь? — а вот у Мороза на все готов ответ. — Сколько до Нового года дней? Вот, четыре... Если не забуду, я же старенький, то принесу тебе под ёлку машинку. Но если забуду, ты на меня не обидишься, нет?

Мальчик затряс головой.

— По рукам!

Вербов протянул красную рукавицу, которую успел вытащить из кармана. Все-таки его дочери повезло с таким папой.

— А ты подарки в магазине покупаешь?

Мороз затряс бородой.

— Это еда для моих оленей!

Как точно сказано! Оленей!

— Они любят пить чай, когда холодно.

— А как санки без снега поедут?

Да, я тоже хотела бы задать этот вопрос настоящему Дедушке Морозу. Ну, Вербов, выкручивайся!

— Понимаешь, Снегурочка попросила у меня дождь, потому что никогда не ходила в Новый год под зонтом, — выкрутился засранец. — Ничего страшного, обойдусь в этом году без волшебных саней, у меня волшебная машина есть. А снег обязательно будет. В январе.

Я выставила вперед чёрный зонтик, горя желанием дать им Морозу по башке. Снова без вины виноватая! Но его спасла мамаша, потянув сына в дальний угол магазина. Пришло время расплатиться. За всю еду для оленей!

— С Наступающим, барышни! — кивнул продавщицам Мороз, пряча айфон в карман.

Наконец мы вывалились из магазина. Он — с мешком, я — с зонтиком. И, что удивительно, с прекрасным настроением. Мальчик с лихвой отомстил за меня!

Мороз аккуратно положил мешок на заднее сиденье, и я успела сесть в машину без его помощи. Только не знала, куда деть мокрый зонтик. ГАВ сначала по привычке хотел

швырнуть его назад, а потом положил на пол за водительское сиденье, чтобы не намочить мое платье.

— Елизавета, вы очень голодная? Там все ещё есть чурчелы...

— Переживу...

Вот уж чего чего, а голода я не чувствовала. Да и ехать осталось, наверное, не так долго. Я, правда, не знала эту часть города. Вербов включил музыку, но ее почти сразу прервал телефонный звонок. На экране высветилось имя — Ленка. Будет при мне говорить?

— Привет, — сказал он и замолчал.

— Мы на дачу поехали.

— Я за вас очень рад, — ответил Вербов без особой радости.

— Гриш, ты выпил?

— Лен, я вообще-то за рулём, не слышишь?

— Что тогда так говоришь?

— У меня борода.

— Какая борода? — дамочка нервно хохотнула. — Я тебя три дня назад видела!

— Ватная борода. Я в костюме Деда Мороза.

В динамиках зазвучала тишина.

— Решил поздравить сотрудников с Новым годом, — пожалел звонившую ГАВ.

— Гришань, у тебя температура?

— Ну, да... Тридцать шесть и шесть, пока не труп, не надейтесь.

— Где НГ встречаешь?

Теперь тишина повисла в салоне Мерседеса.

— Приходи к нам, — настал черёд звонившей жалеть собеседника.

— У меня кошки, не могу...

Что? Хорошо, я сумела удержать возглас внутри. Так, значит, кошки все же имеются. Кошки? Во множественном числе.

— Гриш, ну был бы ты с бабой, я б поняла... — в женском голосе проскочила обида. Да и слово «баба» прозвучало слишком грубо, и я даже успела обидеться. За себя, что ли? — Приезжай на дачу. Новый год надо встречать с семьей.

О, как... Ленка — это жена, выходит. Круто! Три дня не видела. Хороша семейка!

— Ленка, я тебя очень люблю...

У меня сжалось сердце от непрошенной ревности. Нет, зависти... Кирилл никогда не говорил мне этих трёх слов. С другой стороны, баб на стороне до той сучки у него не было. И дома он ночевал каждый день. И походы к ней хорошо скрывал. Узнала я про измену уже по факту его окончательного ухода к этой Юлечке. Так что нечего завидовать всяким Ленкам из-за наличия официального брака с самцом!

— Очень-очень, — продолжил Вербов свое признание совершенно спокойно. — Ну зачем я тебе пьяный нужен...

— Я тебе пить не дам, — так же спокойно продолжала жена.

— Хочешь, чтобы я по-трезвому выслушивал, какое я дерьмо?

— Гриша...

Тут бы и я возмутилась! А этот даже глазом не косит в мою сторону! Ему плевать, что посторонний человек в машине. Ведь мог же проигнорировать звонок и перезвонить, высадив меня у кафе. Ну, а что оленя стесняться, в самом-то деле!

— Лен, для этого есть триста шестьдесят четыре дня. Можно мне один день в году побыть хорошим хотя бы в собственных глазах? Я обязательно приеду поздравить детей.

Так у него не только дочь? Великолепно!

— Второго, например. Я уже купил подарки. Если все не сожрете, съем твой Оливье...

— Я тебе свежий приготовлю.

Пауза на этот раз была слишком долгой. Я уж подумала, что семейным разборкам конец. Нет, тишина не сменилась долгожданной классической музыкой.

— Гриш, приходи к нам, пожалуйста, — в голосе жены слышалась уже неприкрытая сарказмом мольба. — Мы тебя очень ждём. Никто слова тебе не скажет.

— Лена, ну ё моё! Сколько можно?! Я не один. У меня кошки. Одиннадцать кошек. Мы слушаем речь любимого президента и завалимся спать. Если именно это тебя тревожит.

Пауза в этот раз показалась мне недолгой.

— Гриш, говорят, с кем встретишь Новый год...

— Лен, я ж не против. Кошки ласковые и пушистые. Не в пример некоторым. Только корми вовремя...

Тишина.

— Лен, не надо быть хорошей. Не надо всех напрягать из-за меня дурака. Я в порядке. Никогда не напивался в одно рыло, а мои кошки не пьют. В этом году, пожалуйста, не звони мне больше. Я сообщу в новом, когда приеду. Вы же на все каникулы туда?

— Гриша, ты просто засранец. Я вообще не понимаю, какого хрена вожусь с тобой. Ушёл, и скатертью дорожка! Ты там когда фамилию сменишь, сообщи. Я с радости напьюсь!

— Госпожа Вербова, не переживайте вы так, — почти рассмеялся Мороз. — Сменю обязательно, чтобы не смущать вас больше ненавистным родством.

— Ты действительно Мороз, — теперь голос жены или уже не жены прозвучал зло. — Бесчувственная скотина, вот ты кто!

Из динамиков полилась классическая музыка. Как по заказу, из Щелкунчика! С Новым годом! С Новым счастьем! У кого-то оно явно каждый день новое.

Глава 2.7 "Папа на каникулы"

— Лиза, извините за этот разговор...

Все ещё на вы, но уже Лиза! Прогресс? Или наоборот потихоньку регрессируем в отношениях? И уважениях...

— Я просто не люблю перезванивать. Меня отчитают, как мальчишку, а потом скажут: ты сам позвонил.

Мороз тряхнул головой, точно собака после купания, и мне стало страшно за его водительскую реакцию в тот момент — что он там вообще может видеть через косматые дедморозовские брови? Но вот он снова смотрит на дорогу обычными глазами. Дворники работали не быстрее его ресниц. Чего он так моргает? Плачет, что ли? У меня от неловкости ситуации аж сердце сжалось!

— За что только мне такая семья досталась? — вдруг выдал господин Вербов глухо.

— Вы сами такую выбрали, — ответила я сухо, когда он повернул ко мне голову, явно требуя ответа на риторический вопрос.

— Родителей не выбирают. Это звонила жена моего отца. Я действительно хочу взять себе фамилию матери. Только волокита с бумажками отпугивает, но меня реально каждый раз коробит от его фамилии. Ладно, всё! Не буду грузить вас своими проблемами. Не имею права...

И снова заморгал. Даже чаще, чем до этого. А лобовое стекло и так заляпано то ли снегом, то от дождем. Желтые и красные огни сливаются в калейдоскоп. Черт... А у меня-то чего глаза на мокром месте? Кто о чем, но каждый плачет о своём...

— Хочу, чтобы этот год уже закончился, — вдруг выдал Мороз. — Понимаю, что первого января ничего не изменится. Но это как в детстве, Новый год, новое счастье... Хотите съездить в Павловск белочек покормить? У меня на завтра никаких планов. И, говорят, сухо будет. Ваша красавица, надеюсь, без соплей?

— Без! — отрезала я слишком громко и уже немного тише добавила: — Она же с сопливыми в садике не общается...

— Вот не могли промолчать, Лиза! Не могли... Что ж у вас за язык у баб? Змий в Библии, кажется, мужского рода был и не ваш родственник. Ну? Едем завтра в Павловск?

Он что, и в этот раз серьезно?

— Спасибо за приглашение, но нет. Это будет как-то не очень красиво по отношению к вашей жене, — решила я поставить жирную точку в разговоре, в котором чувствовалось приглашение к чему-то большему, чем просто прогулка с ребенком в парке.

— С чего вы взяли, что у меня есть жена? — Мороз покрутил пустой правой рукой. — Я не женат. Уже год как. В январе развёлся. Это единственная проблема или есть ещё какая-то? Или какой-то?

Я сжала губы. Ну и как тут быть? Что ему в действительности от меня надо?

— Да, мой бывший свекр. Он не поймёт такой прогулки.

— Какой такой? — Мороз усмехнулся и тряхнул кудрявой бородой. — Я вообще-то вас с ребёнком в парк погулять приглашаю. А не то, что вы подумали.

— Почему я что-то сразу подумала?! — голос взвился против моей воли. — У вас нет планов. Отлично! Спросили бы про мои... Из вежливости.

— Ну если только из вежливости! — нагло хохотнул Мороз. — Неужели они могут быть настолько серьезными, что их нельзя подвинуть ради загородной прогулки? И одиннадцати кошек. Ваша дочка не видела за раз столько кошек. Она придет в полный восторг.

Я сильнее сжала губы, собираясь с мыслями.

— Мы были в Котокафе на Фонтанке. Там можно пить чай с печеньем и конфетами и гладить кошек. Их там очень и очень много. И все разные. Так что вам нас не удивить.

— У меня тоже можно пить чай и гладить кошек. Только не с печеньем и конфетами, а с тортиком. Кошки у меня разные, но все одинаково замечательные. И любят детей.

— Их действительно одиннадцать? — Мороз кивнул. — Откуда столько?

— А вы любопытная, Лиза. Но этот секрет я открою только вашей дочке.

— Зачем вам моя дочка? — напряглась я уже не на шутку.

— Потому что меня лишили моей. Илона должна была приехать ко мне на каникулы. Я очень ее ждал. Полгода не видел ребенка. Теперь не раньше лета увижу. Поделитесь со мной дочкой. Неужели жалко? Ей, наверное, тоже мужского внимания не хватает. Папа, как понимаю, Любой совсем не интересуется?

Я начала следить за щетками — стреляя глазами туда-сюда. Только бы случайно не встретиться взглядом с Морозом.

— У нас есть дедушка. Забыли?

— Нет, помню. Но папа — это все же другое.

— Точно другое! Папа на каникулы — круто только для рождественского фильма! Григорий, я понимаю, как вам обидно из-за ветрянки, но форс-мажоры мы не контролируем. Только прошу, не надо лечить свою грусть за счёт моей дочери. Ладно?

— Ладно, — он даже ухмыльнулся где-то там глубоко в бороде. — Не хотите, не надо... Сидите дома с отцом отца вашей дочери, которому плевать и на вас, и на дочь! — закричал Мороз вдруг, как давеча и врезал ладонью по рулю.

— Слушайте, господин Вербов! — я назло назвала его ненавистной ему фамилией. Если он, конечно, не врал про разлад с отцом. — Может хватит, нет?!

У меня внутри все ходуном ходило. Ладно б ко мне подъезжал, так к маленькому ребенку! И как ребенок обижается, что конфетку не дали! А вот фиг тебе, а не киндер-сюрприз! Как он вообще себе такое представляет?! Чужой ребенок на каникулы, раз своего не прислали. Это развлечение у богатых мира сего такая? Дочка по вызову?

— Вы что, не понимаете? — я запнулась. Я тоже вообще-то не понимала, что сказать, но раз начала... — Ребёнок не может потусить с кошечками и забыть вас.

— А вы, взрослая баба, типа можете?

Да как же он достал!

— Слушайте, сколько вам лет?

Сейчас и скажу, что вырастет, поймёт, что такое дети. Я, кажется, понимаю его жену — от такого идиота сама бы бежала, сверкая пятками, и к черту все его деньги!

— Тридцать, а дурак дураком...

Офигеть! Нет, он сам ответил... по второй части.

— Ну вот, можно уже понимать, что если мама знакомит ребенка с дядей, то у мамы с этим дядей что-то серьёзное.

— Трудовой договор, куда серьезнее?

Боже, сними наконец бороду, чтобы я видела выражение твоего лица. Нельзя же таким серьезным голосом нести такой бред?!

— А я и забыла про договор... Когда мне заявление на расторжение написать?

— Лиза, ну чего вы пытаетесь мне доказать?

Пусть делает, сколько угодно пауз, я не буду больше ему отвечать!

— Что вы лучше меня знаете, как жить? Вы, думаете, первая мне это доказываете?

Уверяю, мой родитель делает это намного лучше вас. Ну сделайте мне подарок — скажите свекру и дочке правду: директор предложил обсудить сложившуюся в офисе ситуацию в неформальной обстановке.

Мороз тормознул авто, заехав передними колесами на бордюр. Вот и кафе! Но где моя свобода от бредового разговора?

— Или вообще ему ничего не говорите, — все не унимался «папа на час». — Вы что, в Павловск с ребёнком никогда не ездите? Я буду ждать вас за углом, если у вас дома все так серьезно, прямо как у школьницы.

Школьницы? Твою мать, пожил бы ты с тещей после развода, не так бы пел!

— А мы серьезно будем обсуждать работу? — спросила я, отстегивая ремень безопасности. Это что, я согласилась сесть в эту машину еще раз?

— Мы будем кормить белочек! — даже через бороду Мороз пытался говорить своим голосом. — Мы все обсудили. Я — упертый дурак, вы — упертая дура, два сапога пара, так что приходите десятого в офис и пишите свое заявление. Только ручку захватите или детский фломастер. У меня Паркера нет. Не дорос.

Я молча смотрела на белую бороду. Хорошо, что в машине тонированные стекла. Иначе вокруг нас уже собралась бы любопытствующая толпа.

— Лиза, после этого вечера мне реально плевать, будем мы работать вместе или нет. Наша прогулка к работе не будет иметь никакого отношения. Но это между нами. Дочке ни слова. Я не хочу, чтобы она думала о своей маме плохо.

— Моя дочка не ходит в садик и подобных вещей не знает, — проскрипела я зубами.

— А как вы ей объяснили уход папы? В пять лет она уже совсем человек.

— Давайте не будем портить вечер окончательно? — отрезала я. Хотя надо было сказать иначе: не будете портить мне вечер. — И я вообще-то голодная. Я не белочка. Мне грецких орешков мало.

Мороз наконец отстегнулся.

— Вам придется поделиться со мной вашим ужином. Знаете, что сказал Джек Лондон про милосердие? Это не бросить собаке кость, а поделиться ею, когда ты тоже голоден. Проявите ко мне милосердие. Вы читали Диккенса? Про Скруджа. Новый год — это как раз про это, про доброе отношение к людям. Злюкой станете десятого января. Договор? Негласный.

И он протянул мне руку.

Она не была в варежке, но пальцы его оказались намного теплее моих, хотя я перчаток

Снегурочки не снимала всю дорогу. Лучше бы и морозовскую руку пожала в них, а то у меня задрожали не только ресницы. Папа на каникулы? Нет, только на субботу. Больно жирно! Я не скорая психологическая помощь для несчастных папашек!

Глава 2.8 "Ба, какие люди!"

— Ба! Какие люди! — никто не сказал это вслух, но все подумали... И добавили окончание — каждый в меру своей испорченности.

Мороз же вел себя предельно театрально. И был Дедушкой Морозом даже больше, чем на сцене детского дома. Выдавал поздравительный стандарт фразу за фразой. Снегурочка стояла рядом абсолютно немая. В общем-то этот персонаж и создан для улыбок, ну или чтобы было кого своровать... А так как тут не собирались красть ни меня, ни подарки, я молчала на законных основаниях. Первое, что я сказала в стенах кафе, было просьбой переодеться, и обращена она была лично к Морозу молящим шепотом.

— Мы ещё не сфотографировались на память.

Мы — это сотрудники фирмы Рога и Копыта. Олени — другими словами. Конечно, лошадьми нас тоже можно было назвать. Некоторые, типа Лии Степановой, точно пахали, как лошади. Включая вороную кобылу, то бишь меня. Лично у нас с Морозом фоток будет предостаточно. И в окружении великовозрастных детей, и у новогодней елки с шариками. На всех фотографиях я получусь с улыбкой до ушей.

Кафешные фото явно появятся ВКонтакте, так что я улыбалась в предвкушении того, как засвечу своей улыбочкой Каменцеву всю ленту! Только бы коллеги не тагнули Вербова. Впрочем, у него на странице полная тишина. Ни у кого пока не возникло непреодолимого желания потоптаться у него на стене. Ничего, Дедушка Мороз, вот набежит табун диких коней, мало не покажется!

— Лиза, тебе молнию застегнуть? — спросил Вербов у единственного на все кафе туалета, вручая мне вешалку с платьем, принесенную им из машины.

На лице и у него, и у меня осталась дежурная улыбка, но я с большим трудом не заржала. Нет, лучше сразу боднуть оленьими рогами. Сдурел?

— Я справлюсь.

А что я могла ещё сказать? Если только хлопнуть перед длинным носом дверью.

— А я — нет.

Вербов вытянул шею. С трудом сообразив, что речь идёт о булавке, я полезла ему под бороду. Булавка застряла — запуталась в белых нитях бороды. Резать? Ножницы надо попросить, а бросить бороду — воткнуть раскрытую булавку прямо бедняге в шею...

— Ой, извините...

За что? Я и не заметила, что рука Мороза лежит у меня на бедре — я самозабвенно занималась операцией по спасению его шеи.

— Маша, попроси на кухне ножницы! — проскрипела я резво, чтобы удержать сотрудницу в коридоре. На руку плевать. Ему ее деть было некуда — коридор узкий!

— Пусть у них не окажется ножниц! — сверкнул глазами Мороз. — Тогда простоим обнявшись до закрытия кафе... Под дверью в туалет. Романтика детского сада...

Издевается!

— У них точно есть острый нож!

Будет он тут шутить, шут отмороженный!

— Ты ж не с Кавказа, Лиз...

Ты? Так... Ещё секунду в обнимку постоим, стану Лизонькой...

— Вот!

Увы, не быть мне Лизонькой!

Я вырвала из Машкиных рук ножницы. Большие, канцелярские — да и черт с ним... Бац, и свобода... От Мороза!

— На!

Я вручила Машке ножницы — пусть возвращает на место. Она живо смылась, а Мороз тем временем стащил бороду — и оказался под ней красным и мокрым. И я не нашла ничего лучше, как подтянуть рукав шубки и промокнуть его блестящие щеки.

— А поцеловать?

Он все ещё блестит или уже светится? И снова проверяет меня на наличие комплексов... Да пошёл ты! И я ткнулась губами ему в щеку. Отлично — ничего другого не потребовал. Детсадовский вариант прокатил.

— Так помочь с платьем? Долг платежом красен.

Вот пристал же! Я молчала, ища в уме достойный ответ. А промедление в его обществе карается смертью: рука Мороза мигом исчезла у меня со спины и тронула ручку туалета, куда он меня впихнул, кажется, коленом в живот. В любом случае, так быстро, что я и ахнуть не успела! — и щелкнул замком.

Борода с париком болтались у него на локте, шапку он зажимал подмышкой, а пальцами боролся с затянутым мною кушаком.

О чем это ты только что подумала, Соколова-идiotка?! Он просто снимает костюм,

как и ты... На меня даже не глядит, только на чертов узел — несчастного Мороза подвело мое мамское умение завязывать детские шнурки на два узла чтоб уж наверняка. Зато я воспользовалась моментом и скинула шубку на закрытую крышку стульчака. Сорвала с вешалки платье и натянула на себя через голову. Стриптиз он прошляпил! Я платье уже даже одернула!

— Лиз, мне никак...

— А мне теперь как? — схватилась я за узел. — Ты б ещё сильнее затянул!

Я тоже перешла на ты — какое «вы» может быть в двух квадратных метрах туалета?!

— Не дергайся! — скомандовала я по-мамски громко.

Ну как так можно?! Теперь и кушак резать?

— Лиза, только не зубами!

А он правильно понял, зачем я присела у его ног. Не зубами? А чем, твою мать?! Ногти ломать прикажешь?!

И совсем скоро я выдернула кушак и, намотав на руку, засунула шарик в карман красного кафтана, уже висевшего на вешалке поверх голубой шубки.

— Теперь мой черёд. Могу тоже зубами...

Мороз отвернул меня от себя очень ловко и сжал мне бёдра с такой силой, что я точно не могла б дёрнуться.

— Не делай этого... — простонала я змеиным шепотом, но он уже был на корточках и в секунде от того, чтобы зажать зубами брелок. — Зубы сломаешь...

— Об тебя точно! — пробубнил он, переместив обе руки мне за спину, чтобы придержать ткань, но молния бежала вверх по-прежнему с помощью его рта.

Майка закончилась, а вот молния — нет, и горячие губы Мороза коснулись моих сведенных лопаток — каленым железом. И... Чего он ждёт? Чего прячется у меня за спиной? Боится взглянуть на себя в зеркало? Мне тоже страшно смотреть на ведьму с горящими глазами, но я же смотрю...

— Красивое платье. Я говорил? — Чёрная голова наконец вылезла из-за моего плеча Я кивнула. — Только молния короткая.

Его руки больше не держали платье, зато держали меня. Или удерживали от падения... В собственных глазах! Он ведь в прямом смысле лезет мне под юбку. А я, дура, на секунду поверила, что бывший «дедушка» просто хочет помочь с молнией. Неужели я выгляжу настолько доступной?

Вот офигевшей я точно выгляжу... Я схватилась за волосы, которые держала впереди и швырнула назад, прямо в его довольную рожу. Вербов отступил. На полшага, до самой двери. Случайно нажал на ручку и замок открылся — вместе с дверью. Хорошо, не дал никому по лбу. Хотя было кому...

По шее побежали мурашки, и я тоже пожалела, что молния не доходит хотя бы до шестого позвонка. На спине горит отпечаток его губ. И, кажется, он виден всем!

— Лиза, здесь очередь! Пошли в машину...

Я вышла из туалета в какой-то прострации, машинально подхватив волочашую по полу косу. Вербов умудрился взять все детали от всех костюмов в одну охапку. Я даже не взглянула, кто стоял в крохотном коридоре. Всем явно не по делу приспичило в туалет. Боже, что мы с Вербовым несли за закрытой дверью...

— Лиза, не мёрзни. Садись в машину...

Да я морозца и не чувствую — сгораю на костре позора! И все же схватилась за дверцу, малость не понимая, что происходит. Куда мы едем и зачем? Зачем?

А Вербов все не садился за руль. Возился на заднем сиденье, распаковывая аксессуары костюмов по разным пакетам. Наконец натянул на рубашку свитер и сел вперед.

— Мы уезжаем? — спросила я не своим голосом.

— Если хочешь. Вообще-то я думал, тебе надо поправить косметику, нет? Тогда может идти... обратно.

Но почему-то завёл машину и потянулся ко мне. Я вжалась в спинку — оттолкнуть? А надо ли? Может, он поможет мне перевернуть страницу замужества и начать жизнь с чистого листа? Все равно я уволилась...

Но рука прошла мимо, как комета, опалив мне живот. Сунулась в бардачок и вытянула на свет баллончик с эмблемой Шварцкопфа.

— Лиз, у тебя есть расческа?

Я судорожно схватилась за сумочку, отчего-то валяющуюся в ногах.

— Давай сюда. Вернём твоим волосам блеск и объём. У меня тоже вся голова от парика мокрая. Дети требуют жертв, больших. Особенно чужие дети, верно?

Это он что, про Любу и белочек сейчас? Тогда пусть идёт лесом... В свой лес! Один! А я что, после облапывания в туалете ещё с ним куда-то еду?

— Ай!

Он устроил мне душ. Залил волосы какой-то вонючей дрянью из баллончика! И начал драть расческой прядь за прядью.

— Лиз, не дергайся! Я умею обращаться с длинными волосами. У Илоны они тоже до попы.

До попы? Сказал бы хоть до пояса. Ай! Он избил рукой всю крышу, пока тянул мои волосы прядь за прядью. Наконец, сунул мне в руки мою расческу. Вытащил из кармашка двери свою и взялся за собственную шевелюру.

— Убери обратно в бардачок, пожалуйста! Надо не забыть купить новый. Напомнишь?

Баллончик снова оказался у меня в руках и теперь я прочла название — сухой шампунь. Что за зверь такой страшный?!

— Пригнись к печке, макушку подсуши...

Я чуть не впечатлилась лбом в торпеду! Если нас видно с улицы через лобовое стекло, то можно решить, что он меня хорошо приложил к ней подзатыльником. Да, а еще лучше не смотреть, а стоять под дверью туалета и слушать про узлы и зубы!

Я скрежетала зубами... Ну как я так вляпалась, ну как?

— Лиз, минуточку на марафет и пойдём. А то господа-товарищи не то подумают.

— А они ещё не подумали?

Я спросила с вызовом. Он с тем же вызовом ответил:

— А тебе не плевать? Тебе с этими людьми не работать. Ты же уволилась! Разве нет?

— Теперь точно да! — выкрикнула я и вытащила помаду.

— Лиз... — он позвал очень тихо. — Ну вот ты реально думаешь, что кто-то по трезвому может заниматься этим в единственном туалете кафе?

— Этим? Нет, — я бросила помаду в сумочку и вытащила пудреницу.

— А чего ты тогда завелась?

Я выдохнула — а реально, чего?

— Из-за молнии, что ли? Ну прости... Я просто хотел поднять тебе настроение...

Или юбку — только дверь раньше времени открылась!

— Мне просто домой надо. Обещала дочке, что буду не поздно. Дед ее ни разу не укладывал сам. Я нервничаю.

Да, в любой непонятной ситуации прикрывайся ребёнком!

— В пять лет не засыпает сама?

Не прокатило? Я повернулась к рулю, так и не раскрыв пудреницу. Да, пять лет одна засыпаю я...

— Я — плохая мать, — прошептала и тут же повысила голос. — Только не надо включать хорошего папочку. Я уже на все согласная!

Господи, ну что я снова лягнула... Так и не напудрив нос, закрыла сумочку. Сказать, зато у меня ребёнок привит — как корку от свежей болячки отодрать! Я не настолько жестокая... Просто не умею нормально отвечать на такую неприкрытую атаку по всем фронтам: и рабочему, и материнскому, и — да чтоб Вербову пусто было — женскому...

— Согласная на все твои аргументы, — добавила уже совсем упавшим голосом, чтобы он не думал про другие мои согласия. — Через полчаса я вызову такси.

— Такси подано, — оборвал меня ГАВ не лаем, а каким-то повизгивание. — Полчаса оно спокойно подождёт тебя. Я ем довольно быстро. Пошли, Снегурочка.

Дурочка... Роль взрослой бабы я с треском провалила. Кажется, мозгами я осталась в двадцати годах. Материнство автоматом не делает тебя взрослой в отношениях с мужчинами. Да и не было у меня мужчин и отношений! Дедушка Мороз, подари второй шанс... Разве я его не заслужила, побыв твоей внучкой?

Глава 2.9 “Нечаянная Любовь”

— Лиза, оденьтесь завтра потеплее, мы будем долго гулять...

Мы уже на ты. Значит, вы — это я и дочка. Мы с ней единое целое или я всего лишь вынужденное приложение к Любаше? Не спросишь же Вербова напрямую.

Напрямую с ним вообще ничего не получается. Мы вернулись в кафе чинно, будто вышли с совещания. Все сделали вид, что не было ни туалета, ни получасовой отлучки в машину. Так правильно — им ещё работать в Рогах и Копытах, это я могу делать с боссом, что хочу. Хоть минералку глушить стаканами.

— Лиз, ты действительно не хочешь выпить?

Я мотнула головой. Когда я последний раз пила? Ах, да. Со свекром в день его рождения, когда подарила ему бутылку Хеннесси. Из-за таблеток свекра и моего поганого настроения из-за выкрутасов Кирилла выпили всего лишь по рюмочке, и лимонного сока во мне получилось больше, чем французского зелья.

— Мы с Лизой скоро уйдём и не будем вас смущать! — выдал Вербов громогласно, то ли желая пошутить, то ли ляпнул, не подумав. Или наоборот подумав и хорошенько взвесив реакцию дружного, почти полностью бабского, коллектива. Впрочем все это — вопрос десятый.

В машине он обратился ко мне с абсолютно бесстрастным лицом.

— Я очень болезненно отношусь к разговорам за спиной. Особенно женским. Особенно если с этими женщинами я работаю.

— Я не треплюсь о личном. С Лией уж точно, — отрезала я и вспыхнула. Точно вспыхнула. О каком о личном? Он просто попросил не рассказывать Степановой про его семейные дела!

— Вот и славно. На то оно и личное.

Ловко поймал за язык или я снова себя накручиваю?

— До завтра. За углом прятаться не надо. Я скажу свекру правду. Внучка все равно все ему расскажет.

— Дошло наконец. Вы, мамаша, жираф...

Да, я высокая. Но не дылда. И шпильку не ношу. А так бы с радостью съездила каблучком промеж наглых глаз. Личное... Личное началось, когда из машины я снова явилась в кафе без верхней одежды. Так что Вербову лишним было громогласно заявлять, что мы отчаливаем вместе. Хотя что уж там. Правду знает только Лия, а остальные могут

думать, что мы не первый день вместе. Вне офиса, в который я не хожу. Но мы же первый день вместе — точнее вечер — и не совсем вместе, а уже такая петрушка!

Петрушка в виде тахикардии. Он смотрел на меня. Я — на него. Рука все это время дрожала на ручке дверцы авто, которое мне в срочном порядке надлежало покинуть. А ноги не идут, и голова подсказывает, что «спасибо, что подвезли» говорить не следует.

— До завтра. Доброй ночи!

Да только ноги все равно остались на месте. В чем дело? Что нужно моему несчастному телу? Я не взрослая женщина, я не могу коснуться второй его щеки, чтобы не покраснеть. Вдруг на ней уже проступила щетина? А я лет сто не ощущала этого щекотания...

Нет, нельзя его целовать, а вдруг ответит? Я не из тех взрослых женщин, которые держат голову в холоде, а низ живота в тепле. У меня так не получится — и Вербов уж точно для меня не вариант. Да и вообще в мою нынешнюю жизнь не вписать даже мимолетный роман. Из-за жилплощади и надзора со стороны Александра Юрьевича.

Рука с ключами тоже дрожала. Каким-то макаром я все же открыла дверь парадной и медленно поднялась по лестнице. Плюнула на лифт и пошла дальше. Шестой этаж — это не колоннада Исаакиевского Собора. Зато хватит времени успокоиться. Голова гудела так, точно меня продержали на дне ванны с шампанским бог знает сколько времени!

Не гони лошадей, Снегурка. Мужу скудно в праздники без ребенка, но это еще не значит, что он заинтересовался тобой. Ему просто по кайфу наблюдать, как ты куксишься и из ответственной мамашки превращаешься в крутого специалиста по подростковому «упс». Поведи себя как взрослый человек, увидишь, как его интерес сразу сойдёт на нет. Найти себе бабу в постель при всех его исходных данных не составляет труда. Зачем ему нужна я? Даже с красивыми глазами...

В прихожей тускло горел ночник. Мы специально оставляем его для Любы, если той понадобится пойти ночью в туалет. Сейчас я тоже обрадовалась ночнику, словно свету в конце тоннеля. Раздеться и разуться нужно тихо. Только одиннадцать, но дверь в комнату свекра закрыта и телевизор не работает. Я подкралась к своей комнате: дочка спит на своём диванчике. Мое кресло разложено и заботливо застелено: интересно, это Любаша позаботилась обо мне или свекр сам проявил инициативу? Чтобы я ребёнка не разбудила. Или не надеялся, что я приду трезвой? Но разве я когда-то напивалась? Мог, конечно, подумать — девочка в кой-то веке вырвалась из дома, пусть оторвётся. Не оторвалась...

Я пошла почистить зубы и смыть косметику, но не сделала ни того, ни другого. Просто уставилась на своё отражение и молчала. Молчал мой внутренний голос! Не спрашивал больше, на что эта дура согласилась?

В кухне я тихо достала из шкафчика бутылку коньяка и налила половину рюмки. Ну, за Любовь! Чтобы прогулка с белочками не аукнулась ни ей, ни ее маме.

Моя Любовь дитя если и любви, то нечаянной. Я вышла за Кирилла по залету, хотя мы жили вместе с его родителями к тому времени уже больше года. Я перебралась к нему из комнаты, снятой у чужой бабки. Потом бывший муж заявлял, что мои родители пытались так на мне сэкономить, но на совместном проживании настояла все же моя будущая свекровь. Мать хотела, чтобы сын учился и не заморачивался сексом на стороне. Кровать его всегда была чистой и тёплой. Белье стирала мама, а грела простыни соответственно я. Ни о каких детях никто не думал. Я не уверена, что меня вообще рассматривали на предмет долгосрочного семейного сотрудничества.

Про задержку мы, понятное дело, никому не сообщили, потому что сошлись во мнении, что родительствовать нам рановато. Дипломы ещё даже не на носу. Мы уже и с врачом договорились, но тут вмешалась природа — и накануне дня Икс мое тело устроило такую свистопляску, что мать Кирилла обо всем догадалась и наложила на аборт своё табу.

Кирилл, как тогда выяснилось, оказался плодом поздней любви именно из-за ошибки молодости. Моя будущая свекровь после неудачного аборта много лет не могла забеременеть и лишь по счастливой случайности родила накануне своего сорокапятилетия, до последнего не веря, что беременна. Татьяна Васильевна сказала — рожай, а там все как-нибудь у вас сложится. Не сложилось. Кирилл в двадцать лет просто испугался ответственности и необходимости вкалывать после учебы не ради развлечений, а для пропитания. По-дурацки верил, что если я пропаду из Питера вместе с ребёнком, он сможет сделать вид, что никакой жены и никакой дочери у него никогда и не было. Не заставь нас свекровь родить ребенка, мы, возможно, до сих пор были бы вместе.

Я опрокинула в себя коньяк и зажмурилась. Потом потянулась за лимоном, но наткнулась на телефон. Вербов прислал мне ВКонтакте номер своего мобильного, а Лия вопрос: ты дома? Ага, у него!

— Я — давно, а ты ещё нет?

— Вы поговорили? Похоже на то, — добавила она после смайлика.

Откуда пишет? Все ещё в кафе? Так оно до полуночи, кажется...

— Завтра поговорим... — написала и стёрла. Это ж только между нами! — Да, десятого пишу заявление. Он упёртый дурак.

— Он к тебе лез? Скажи честно.

— Представь себе — нет. Аж обидно стало! А что? Много разговоров?

— Лиза, ну при чём тут дураки? Ты точно по собственному уходишь?

— Степанова, мы с тобой все обсудили. Не по собственному, а потому что он считает, что дома мамы занимаются только детьми. После праздников начну искать работу. Только не переживай за меня, ладно?

— А за кого мне ещё переживать?

— За Вербова. Ему без меня будет хуже, чем мне без него.

— Вот знаешь, даже не сомневаюсь! Почему мужики такие дураки?

— Не знаю, я не мужик...

Я — баба, которая не знает, чего хочет. Точно не хочу думать про Каменцева. Все заканчивается тем, что я якобы жалею, что родила Любашу...

Лежу, смотрю на неё и почти плачу. А плакать нельзя — завалилась в косметике. Испорчу наволочку. Тушь, зараза, только с глаз смывается! Любовь — все, что у меня есть. Родила бы я ее от другого, это была бы не Любовь. У неё нет плохой наследственности. Ее папа не козел, а трус. Наворотил с три короба по юношеской дури! А сейчас, даже если захочет, уже не разгребет той кучи камней, которых сам же в наш огород и накидал.

Глава 3.1 “Кровожадный божок”

— Лизавета, ты пила коньяк? Одна?

Меня поймали с поличным. Я не вымыла ночью рюмку — думала с утра замести следы. Кто ж знал, что Александр Юрьевич впервые поднимется раньше меня.

— Нет, лекарство принимала. Голова жутко болела, — почти не лгала я. Скорее выкручивалась. — Давно не была в игре и духоте. Отвыкла. Извините, что взяла ваш коньяк, — спохватилась я как-то поздно, выуживая у него из-под носа рюмочную улику, чтобы вымыть и спрятать: от себя и от греха подальше.

— Мой коньяк? — усмехнулся Любашкин дедушка. — Ты подарила. Такой дорогущий. Тебе и пить. А мне таблетки.

Я бросилась к плите варить свёкру кашу. Вернее, всем — ради экономии времени заставила себя полюбить овсянку. Он ест на воде и без сахара. Для себя и дочки добавляю сухофрукты и мёд. А что делать? Когда не можешь изменить неприятную ситуацию, найди в ней что-то положительное или положи сама.

Возьмём примером нынешнюю прогулку. Вербов, конечно, Вербовым, но к нему прилагается чистый воздух и такси повышенной комфортности. И я уже немного даже рада, что проведу субботу вне дома. О чем громогласно сообщаю деду в халате и моему чаду, выползающему в коридор в пижаме.

— С каким коллегой? — не ради интереса, а от удивления переспрашивает меня Александр Юрьевич.

У меня легенды заготовленной нет. Зачем?

— У кого есть машина. Я в Павловск на транспорте не повезу ребёнка. Соплей, к счастью, нет и не надо. А нам надо рабочие моменты обсудить. В офис мне не попасть. В понедельник мы с Любой на ёлку идём. Так что у нас вот такое вот совещание на пленэре спонтанно вырисовалось.

Про мое увольнение свёкр пока не знает. Не надо портить человеку настроение перед праздником, да и нервы у него ну совсем не железные. Меньше знает, лучше спит, а хороший сон — залог здоровья. И моего тоже. Мои нервы сторают один за другим стараниями его сыночка. Это я Ангела родила! И даже не любопытного. Скажешь про ёлку — Любаша кивнёт. Скажешь про белок — тоже. Про дядю Гришу раньше времени, конечно, говорить не стоит.

— На обед есть суп. Разогреете. Котлеты с капустой в отдельном контейнере...

— Лизавета, я не маленький... — не строго, а больше шутливо повысил голос свёкр.

Маленькая я — господи ж ты боже мой, как страшно! Точно на свидание бегу! Хорошо, что я действительно черноока и черноброва — можно одной помадой обойтись и не наводить свёкра на опасные мысли. Ну и Вербова заодно. На планерки я являлась всегда с минимумом макияжа. А тут белого пуховика для дурусти хватит.

— Ты б лучше куртку надела! — привалился к стене коридора свёкр.

— У меня попа мёрзнет, — не стала я юлить со словами. Наличие ребёнка в доме дает карт-бланш на расширение словарного запаса всякими там уменьшительно-ласкательными суффиксами и словечками.

— Не поздно будете?

Это уже вопрос, который требует серьезный ответ.

— У нас же дневной сон!

Это я сказала Вербову, когда мы договаривались о времени. Он ещё мягко намекнул, что пока мы едем из Павловска к кошкам, Люба прекрасно выспится в машине.

— А вообще не знаю... — И я действительно не знала. — Может, нам вечером кошек покажут. Я позвоню. Ну, мы гулять!

— Не до ночи только!

Это была шутка, но я с трудом сумела на неё улыбнуться и подтолкнула ребёнка к двери. Не капризничает — да это не ребёнок, а подарок небес. Только мне, а не Вербову.

Он встречал нас у машины. В наброшенной на плечи толстой куртке. Синей. Темно. Под цвет глаз. И был без шапки. Наверное, только что вылез из машины. Я шла медленно, а Люба быстро. Слишком — на площадку так не скачет! А мне бы ещё лишнюю секунду взять на размышление над тем, что сделать и что сказать. Нет, именно сделать... Протянуть руку? Крепкое мужское рукопожатие. Но я не мужик. И даже не деловой партнёр.

— Ну, будем знакомиться...

Для меня даже «привет» пожалели. Сразу присел подле Любы и протянул руку.

— Гриша.

И схватил ребёнка за руку. Даже потряс. Сколько серьёзности! А я с серьезным видом раскланивалась с соседкой. Краснея. Да, ребёнку дядя в разы интереснее его машины, а тут наоборот — машина на первом плане. И почему мне становится стыдно за чужие мысли?

— Твой новый, что ли? — бросила соседка, хотя могла бы промолчать.

Новый? Будто я кавалеров как перчатки меняю! Меня после развода никто и никогда ни с кем не видел. Что за наезд? Или это сделано нарочно, чтобы испортить мне малину? Дебильная человеческая зависть?

Сработало — Вербов на мгновение вскинул на нас глаза, но, к счастью, ничего не ответил соседке, а, к несчастью, что-нибудь про меня да подумал... Черт, ну кто за хлебом субботним утром ходит?!

— А я тебя знаю, — Люба быстро переключила внимание Вербова на себя.

Тебя? Ну вот что значит отсутствие в жизни ребёнка воспиталок с именем и отчеством! Но мне бы заранее напрячься по иному поводу... Знает?

— Ты — гад, который не бог...

Вербов глаз не поднял. Мои, наверное, сейчас из миндалевидных сделались круглыми. Мамочки родненькие...

— Это кто же меня так называет? Мама?

У мамы затряслись ручки.

— Люба...

Я, наверное, слишком тихо позвала дочь — голос пропал. Или Вербов слишком шумно поднял ее на руки. Это ещё зачем? Для допроса!

— И тетя Лия.

Боже... Хорошо, что пуховик расстегнут... Что я молчу? А что — я могу вырвать у него ребёнка?

— Знаешь, Люба, твоя мама может меня так называть, потому что знает меня...

Что он несёт... У меня в ушах звенит...

— А для тебя я пока побуду Гришей, ладно? Ты же меня ещё не знаешь. Вот узнаешь, составишь своё собственное мнение и решишь, гад я или нет. Уговор?

Это для кого речь сейчас была?

Он, не спуская ребёнка с рук, запихнул Любу на заднее сиденье, точно мешок картошки. Благо дверь открыл заранее.

— Куртку снимай. Здесь жарко, — и начал сразу командовать.

На улице тоже жарко... И стало ещё жарче, когда Вербов захлопнул заднюю дверь,

отрезав меня от ребёнка и от всех путей отступления

— Что стоишь? — И действительно, что это я стою? Лучше бы села, пока коленки не затряслись. — Особое приглашение надо?

О Боже, откуда у него взялся вдруг такой низкий голос?

— Я хочу с ребёнком сесть. Можно? — почти пропищала я.

— Нельзя! — отрезал хозяин авто. — У меня кресло посередине стоит. Не поместишься с краю. Давай сюда пуховик!

Он стащил его с меня рывком, и я отпрыгнула от Вербова, как от горячей сковородки. Он обошёл машину и бросил нашу верхнюю одежду с другой стороны автокресла, а я решила обойти Мерседес спереди — не спеша, чтобы рассвирепевший ГАВ успел вернуться к водительской двери. Сейчас, разбежалась... Он никуда не ушел и даже распахнул передо мной дверь. Я села, и он шарахнул ей, как пощёчину дал.

— Ты в порядке? — обернулась я к Любе не для того, чтобы проверить ремни безопасности, а чтобы самой не сидеть пристегнутым истуканом.

— Она в порядке. Я не первый день ребёнка пристегиваю.

Да, не в порядке сейчас только я!

Вербов взялся за свой ремень. Я дернулась назад и напоролась на его руку — или он специально выставил ее. Специально, потому что гад — ущипнул в бок и довольно чувствительно! Я с трудом не ойкнула. Встретилась с ним взглядом — синее стекло, голубой экран, а на нем бегущей строкой: Ну что, получила? За дело!

Да, его задело... Только бы Степановой наш недоанглийский боком не вышел... От гада всего ожидать можно! Он у нас как бог! Божок, кровожадный!

Глава 3.2 “Переписка по собственному желанию”

И в машине, и в парке я чувствовала себя третьей лишней. Эти двое болтали, будто были знакомы вечно. Мой ребёнок не застенчивый от слова совсем. Как заговорила в полтора года, так и не умолкает. Но с посторонними тетями и тем более дядями она не общается. Откуда тогда такое доверие к гаду? Что он сделал такого, чего я не заметила? Кажется, не давал ребёнку никакого сладкого подобрина. Наверное, мы с дедом надоели Любе до чертиков. Или орешки у гада оказались заколдованными, потому что скормил он их не белочкам, за которыми они так и не угнались, а ребёнку.

В парк Люба входила за ручку со мной, а на входе взяла за руку Вербова и не отпускала от себя. Или он — ее до конца прогулки. Я лишь белым пятном маячила на горизонте, думая свою невеселую думу. И Степановой не напишешь — шухерись. Никто ж не знает, что я с Вербовым. Вернее, что Вербов с моей дочкой. А я — с его курткой. На детской площадке он сунул ее мне в руки и ускакал.

Я и не знала, что девчонки те же мальчишки, только в юбке... На зиму в штанах. Они умудрились все лазалки в округе пройти. Конечно, дед Любу не поднимает — грыжа. Мне не особо-то и дотянуться. А ребёнку, оказывается, надоело пресмыкаться по качелькам, ей летать охота... Да что это я, к собственному ребёнку ревную? Или собственного ребёнка к несобственному папе?

И не успела я это подумать, как проходившая мимо старушка выдала:

— Всем бы таких пап...

Да, всем... Пап! Кому-то вершки, а кому-то начальники... Гады!

— Мы устали и хотим есть, — вырос передо мной синеглазый гаденыш.

— Чем я могу помочь? — да, я спросила глупость, только чтобы он перестал на меня пялиться.

— У нас есть суп...

Люба! Но в этот раз я не закричала. ГАВ тьякнул раньше:

— Ну это у вас... А у нас тут будут... Ты ешь блины?

— Мамины... — Люба так и сидела у него на руках и зачем-то, как маленькая, оттягивала ворот свитера. Но я снова не успела сделать ей замечания.

— Мамины будем есть потом. Тогда пельмени? Или борщ? Что ты больше хочешь?

И тут Люба устала на меня, но и сейчас мне не дали шанса заговорить.

— Маме мы купим горячего чая. Она как сосулька.

А я действительно замерзла: за городом явно была минусовая температура.

— С коньяком.

Надо было открыть рот, но я по-прежнему молчала.

— Согласна?

Интересно, кого он спросил. Любу?! Поэтому она кивнула. Красная и довольная. Я тоже стояла красная. От ненависти к белочкам.

— Пойдем за пельменями?

Он наконец-то спустил чужого ребёнка с рук, но руки ее не выпустил. Вернее, Люба сама потянулась к нему. Мне он подставил локоть. Хорошо не двинул им за «гада» во второй раз. Пришлось взять его под руку и чинно выхаживать рядом. Асфальт без налёта льда. Ребёнок может скакать дикой обезьяной, держась за сильную руку. Бедный Вербов... А вот и не жаль его нисколько! Забегаловку, к его счастью, мы нашли через две улицы. Народу не было, но было тепло.

— Я, наверное, не буду коньяк, — впервые за этот день твёрдо сказала я.

И посмотрела на официантку. А Вербов смотрел на меня:

— Не будешь или наверное? Девушка, принесите пятьдесят грамм, а там мы уж сами решим.

Что решим? Господи, да что же ты, Люба, так хорошо себя ведёшь — мне даже повоспитывать тебя не за что. Только...

— Люба, ты руки не мыла. Пойдём? — и тут меня Вербов опередил.

Ему явно нравится с бабами по туалетах ходить... Но вскочить и побежать самой — дать только лишний повод для подтрунивания. обойдётся! Люба ребёнок. Почему бы девочке с папой не пойти руки б не помыть? Ведь только руки ж...

Звякнул телефон. Сообщение ВК.

— У нас большие проблемы. Выручай.

Я подскочила. Хорошо, я в джинсах — можно не от бедра, а бегом.

— Хотел помочь. Прости...

Я кивнула и закрыла перед его носом дверь туалета. Ничего. «Прости» должна говорить я. Даже взяла телефон, чтобы сказать, но тот неожиданно зазвонил. Да что б...

— Мама, телефон!

— Я слышу... Это опрос. Я не буду отвечать.

Отвечать я не буду. Это Кирилл. Он не испортит мне день ещё больше. ГАВ в его помощи не нуждается. Сам меня прекрасно облает! Но Каменцев тут же перезвонил. И я снова проигнорировала вызов, выключив на телефоне звук. Набрала текст Вербову:

— Извини. Ты все не так понял.

И сунула телефон в задний карман джинсов, чтобы помочь Любе. Телефон завибрировал, но я вытащила его лишь за столиком.

— Что я не так понял? — вопрос от ГАВа, который держит в руках телефон и смотрит мне в глаза.

— Про нас с Лией, — печатаю на виртуальной клавише очень реальное признание, которое может стоить моей подруге работы.

— Я думал, про звонок, на который ты не хочешь при мне отвечать, — получаю тут же в печатном виде ответ.

— Это соцопрос, — не поднимаю глаз от экрана.

— Очень настырный соцопрос, — читаю с него.

Теперь мы смотрим друг другу в глаза. Два идиота с телефонами.

— Это у меня вырвалось в запале. Я расстроилась из-за потери работы. Лия просто меня поддержала.

— В том, что я гад? И хочу тебя уволить? Это ты — гадина, не хочешь на меня работать.

Вместо ответа — долгий взгляд. Но замечаю, что он снова что-то пишет, а у меня снова звонит телефон, пусть и молча, но звонок не хочу скидывать. Пусть Каменцев думает, что я забыла телефон или сплю днём. С ребёнком. Его ребёнком!

— Люба уснёт. Поговорим. Я все для этого делаю, — снова присылает мне ГАВ.

— Для чего? — шлю в ответ.

— Чтобы она уснула. Хватит включать дурочку. Кто тебе названивает?

— Любин отец.

— Зачем?

— С Новым годом поздравить.

Снова глаза в глаза и я, не глядя, кидаю телефон в сумку. Достал! Гад!

Аппетита нет. Мне даже пельмени встали бы сейчас поперёк горла. Рыба уж точно — и хрена лысого я ее заказала?! Смотрю на коньяк. ГАВ тоже на него смотрит — да чтоб тебе провалиться: хватаю рюмку и выпиваю залпом. Как вчера вечером в кухне. Сейчас я тоже пью одна. С гадом за одним столом. Он поворачивает голову к моему ребёнку и спрашивает:

— У тебя мама пьёт?

Нет, он это не спросил. Он спросил, вкусно ли Любе. Ей все вкусно! У неё свидание с Гришей! Это у меня сверхурочные! Отработка перед уходом по собственному желанию!

Глава 3.3 "Несладкий выбор"

— Не спит?

— Не спит...

Так общались наши с Вербовым взгляды: то я оборачивалась к автокреслу, то он смотрел в зеркало заднего вида, и оба мы видели огромные синие глаза без налета сна, но все еще надеялись усыпить ребенка ездой на тарантасе по колдобинам. С чего вдруг Любовь Кирилловна почувствовала себя взрослой и отказалась от дневного сна? С одной стороны, это играло мне на руку — Вербов говорил исключительно с Любой и не мог касаться животрепещущих личного плана. С другой стороны, недосказанность в отношениях с почти что бывшим работодателем меня не на шутку пугала. Или пугали его взгляды, от которых в по-летнему теплом салоне я дрожала по-зимнему.

— Что случилось? — спросила я с еще большей опаской, когда Мерседес неожиданно свернул с проспекта на небольшую улочку. Я даже не поняла, что именно меня напугало: ну в крайнем случае всегда можно забрать ребенка и поехать домой.

— Ничего, — ГАВ, похоже, не понял вопроса. И в мой воспаленный мозг закралось небольшое сомнение в собственной вменяемости, а что если Вербов сказал, куда мы едем, а я списала все на болтовню с ребенком и пропустила мимо ушей. — Раз никто не спит... — И так странно глянул на меня. Ну да, я-то пару раз зевнула. Меня реально разморило в бане, которую он устроил в машине, и в до противного удобном кресле. — Пойдем за тортиком втроем.

О, да... Он же пообещал Любе торт, когда та проснется. Может, ей очень захотелось помочь Грише в выборе лакомства, вот она и решила не спать. Грише, без дяди... Когда я пару раз сделала ребенку замечание по поводу недопустимой фамильярности, Вербов заявил, что не желает быть «дядей» — интересно кем он тогда желает быть для Любы? С разницей в двадцать пять лет! Гриша... Со стороны это смотрелось ужасно. Я даже поймала пару косых взглядов, пока мы втроем толкались около яркой витрины. Я же учила дочку говорить в общественном месте тихо — но все правила полетели к черту, стоило появиться господину Вербову-Морозу. Он меня реально вымораживал своей распушенностью — будто, кроме них с Любой, в магазине нет вообще людей.

— Если мы еще и маму будем спрашивать, что она хочет, мы до вечера отсюда не уйдем! — выдал вдруг ГАВ раздраженно.

А меня спрашивали? Я снова выпала из реальности? Из его с Любой реальности, в которой я чувствовала себя третьей лишней. Его терапия проходила на ура, меня же он вгонит в депрессию по самое горло. По колено меня уже вогнал Кирилл. По колено в свое дерьмо...

— Лиза, вот! — Вербов ткнул меня в грудь ключами. — Иди в машину и позвони

ему.

Я перехватила злой взгляд. Дело не в пирожном, а в телефоне, на котором я, не глядя, набирала Кириллу ответ. Как догадался? По твоей роже — да, он так мне и ответит, если спрошу. Но я лучше просто оттолкну руку с ключами — опять же взглядом.

— Это не срочно...

Нет, это было срочно. В итоге Каменцев прислал эсмэску, что хочет сегодня со мной встретиться. Даже не сказал, зачем. Типа, догадаюсь. И я догадалась. Гад Намбер Ван — двадцать восьмое декабря, ну что за скотина...

— Тогда можешь сделать это не тогда, когда мы выбираем торт?

Так и хотелось ответить — ну так это вы же выбираете. Я-то тут при чем?!

— Я просто должна написать, что не дома и скоро дома не буду, — и добавила под тяжелым долгим взглядом: — Мы собирались встретиться по одному не очень приятному вопросу.

Вербов продолжил буравить меня взглядом, точно проверял на детекторе лжи. Ну, ёлы-палы! Какая ему разница, что делаю я? Он просил ребенка на выходные — получил! Радуйся! И оставь в покое меня! И я спрятала глаза в телефон и дописала: Я загородом с Любой. Будем очень поздно. Сегодня точно не получится.

Хотелось написать — будем завтра, чтобы не вздумал препираться вечером. И вообще я не хочу видеть его дома — не надо усаживать нас с дедом за стол переговоров. На кухне стол не круглый — я отобью себе об углы все коленки желанием дать кому-то между ног. Ну заодно и локти — между глаз съездить Каменцеву тоже не мешает.

— Этот неприятный разговор может подождать до понедельника?

Вербов, может хватит? Сейчас ты забукаешь нас и на завтра? Не наигрался с чужим ребенком?

— Именно это я и пытаюсь выяснить, — огрызнулась я.

Тогда Вербов протянул руку, вырвал у меня телефон и сунул себе в карман. Я только чудом не ахнула.

— Потом объясню, — буркнул он и отвернулся к прилавку.

Ну вот же гад... Намбер Ту или проще сказать — Премиум Класса!

— Я не хочу при ребенке, — шепнул мне Вербов, чуть ли не ткнувшись носом в ухо, когда придержал нам дверь на выходе из магазина.

— Я тоже не хочу...

Как хорошо, что Кирилл в разговоре так и остался неким товарищем по имени «Он». Люба знала имя, хотя не знала папы как такового. Только в этом году, после смерти матери, Кирилл выказал желание прийти на день рождения дочери, и то, как выяснилось вскоре, чтобы поставить меня перед фактом о разделении жилплощади. На удивление Люба совершенно им не заинтересовалась, хотя могла бы чисто из детского любопытства проявить интерес к новому дяде. Наверное, Кирилл не знает, где у девочек находится заветная кнопка доверия... А Вербов не знает ничего про женскую кнопку, раз от него куда-то увезли его Илону. Странный у него развод, но я ничего не хочу про него знать...

— Люба, здесь до дома пять минут. Обещаешь не заснуть? — сказал Вербов, справившись с ремнями автокресла, и подытожил не вопрос, а требование коробкой с тортом, которую водрузил ребенку на колени.

— Она перевернет! — встряла я, хотя мне дело не было до того, довезем мы торт или нет.

— Не переверну! — опередила теперь его Люба.

— Конечно, не перевернешь, — подытожил Вербов хлопком двери. — Люба большая, — продолжил он уже из-за руля. — Ей можно и нужно доверять.

Я отвернулась к окну — не надо мне тут псевдофилософий разводить. У вас обоюдное доверие прорисовалось, потому что ты умеешь вести переговоры, приятель. Только интересно, кто будет платить неустойку. Я?

Они довезли все в целостности и сохранности. Я не особо представляла себе квартиру, в которой должен жить Вербов, и все же малость удивилась обычному старому панельному дому — такие, кажется, здесь называют кораблями — с узкими прямоугольными окнами. Вербов вытащил массивную связку ключей и долго искал нужный — ключница мужского рода. Мы покорно стояли рядом. Люба с абсолютно серьезным лицом держала торт на вытянутой руке, будто желала вручить его первому, кто выйдет из двери парадной. Но никто не вышел, а вошли мы.

— Третий этаж. Пешком? На лифте? — поинтересовался Вербов.

Без ребенка я бы пошла пешком, но тут вызвала лифт. Дверь у квартиры тоже обыкновенная. И за ней... Вторая дверь оказалась открытой. Вербов на секунду замер, потом толкнул ее и перешагнул порог первым, забыв придержать дверь, но я ее поймала.

— Гриш, ты, что ли? — услышала я женский голос. — Хоть бы позвонил, что приедешь...

Об мою ногу что-то ударилось — кошка, черная... Я машинально схватила ее обеими руками, чтобы не убежала на лестничную площадку, и чуть не получила дверь по

лбу.

— Я не один... — услышала я тихий голос Гриши и потом громкий: — Лиза, захлопни дверь и проходите!

Кошка вывернулась и чуть не угодила в торт — на коробку, но я чудом умудрилась вовремя присесть и так и осталась подле Любы на корточках. И не сразу поднялась, когда в коридоре появился Вербов с женщиной лет... Возраст я никогда не научусь определять. Но хотя бы отсутствие родства не ставилось под сомнение.

— Это моя соседка, Софья Васильевна, — успел сказать он, пока я вставала. — Это Лиза, мы вместе работаем...

Не сказал — сотрудница, странно... Но на меня не смотрели. Смотрели на Любу, и растеряннo-удивленное лицо женщины меня напрягло.

— Гриша, неужели ты решился...

Он тут же обернулся к нам:

— Лиза, оставайся в обуви. И дочь не разувай.

Он сделал ударение на слово «дочь» — зачем? Что происходит? Тетка пошла пятнами.

— Ты должен был позвонить, — снова упрекнула она Вербова. — Я бы хоть прибрала тут. И проветрила. Нельзя же вот так...

Она снова во все глаза смотрела на мою дочь. Люба стояла с тортиком и почти не дышала.

— Я не знал, приеду или нет. И мы всего на пять минут. Кошек поглядим и уйдём.

Они о чём? — я ничего не понимала.

Глава 3.4 "Странная квартира"

— Люба, носи торт на кухню.

Квартира крохотная, и до кухни три шага. И можно действительно не разуваться — на полу линолеум. Ужас! Наша квартира даже не в отремонтированном виде выглядела лучше. Кухня из пластика, но не современная. Табуретки — явно, чтобы спасти место: здесь же до всего можно дотянуться, стоя у двери, точно в хрущевке! На столе кошка, рыжая. И куда ставить торт — непонятно.

— Гриша, это точно не твоя? — услышала я чутким материнским ухом голос соседки, которая была уже у двери.

— Не моя. Я шутил. Ладно, психовал... Но мне можно.

— Ты меня так до инфаркта доведешь, негодник.

— Я не собирался с вами встречаться.

— И не собирался рассказать, как там твои?

— Нормально. Правда, я вчера не звонил. Впрочем, я ничем помочь все равно не могу. Но у них все распланировано — вы же знаете Ульяну. И они все равно ж из дома не выходят. Уля заказала им доставку продуктов на дом. Справятся. Шесть дней осталось пережить. Да вы настройте Вотсап и сами с ней поговорите. У нее на ее мобильном номере.

— Не хочу лезть, — огрызнулась соседка чуть громче.

— Вот и я не хочу лезть.

— Гриш, убери деньги, — заговорила еще громче. — Я не возьму. Я Томе помогаю...

— Это за моих двух кошек, — Я услышала нервный смешок соседки. — Софья Васильевна, давайте не будем. Новый год... Иначе с шампанским и икрой приеду... Не гоняйте меня на другой конец города.

— Не надо никуда приезжать. Ты еды им на месяц притащил. Мы справляемся.

— Ну да, по мне кошки явно не скучают...

— Гриша, Гриша... Ладно, не надо так на меня смотреть. Все, ухожу. Но ты меня слышал, Гриш? Не смей, понял? Свой ребёнок — это свой. Чужой — это чужой.

— Я все понял... Софья Васильевна, я не маленький.

— Маленький, маленький ты ещё. Всегда для нас маленьким будешь. Мне тоже за тебя обидно. Не представляешь как. Да бог ей судья... Пусть будет счастлива. Все, ушла, ушла...

Хлопнула дверь — обе. Вербов тут же вырос в дверном проёме и закрыл его собой.

— Ну хоть ты не наглей...

Я только рот открыла — слов в ответ в нем не нашлось. А Вербов просто шагнул к столу и поднял с него рыжую кошку.

— Она когда-то была самой воспитанной... А сейчас вошла в бальзаковский возраст и шлёт всех лесом... — он присел подле Любы вместе с кошкой. — Нравится? Эту можешь взять на руки. Она не тяжелая, просто пушистая... — и тут же обернулся к двери: — Явилась проверить, есть что пожрать?

В коридоре стояла обыкновенная серая дворовая кошка. Вербов поднял на меня взгляд:

— Я у них просто мужик, который еду приносит. Ни грамма любви. Я уже молчу про благодарность. Потребительницы фиговы...

Интересно, это и ко мне относится? За что я его не поблагодарила? В общем-то за все. Я, кажется, ни разу за сегодняшний день не произнесла слово «спасибо», все не к месту как-то было. Но Любаша точно за все поблагодарила. Еще и добавляла — Гриша.

— А как ее зовут? — продолжили они своё личное общение.

— Эмбер. Янтарь. А то серое чудо — Грейс. Я ее под машиной пять лет назад нашел. У меня тут ещё одна есть, но она вряд ли выйдет...

— А остальные? — бросила я уже в спину, когда Вербов сунулся к раковине вымыть руки. — Кто здесь живет и чьи это кошки?

Пусть не думает, что я слепая, глухая и вообще меня тут нет.

— Моя теща, бывшая, — добавил он тут же и, оставаясь ко мне спиной, взял электрический чайник и, вылив воду, налил новую из фильтра на кране. — Но две кошки мои, я их с улицы притащил. Грейс котёнком. А Глашу уже взрослой, и она не прижилась тут особо. Думал, забрать к себе, но жена захотела отдохнуть от кошачьего царства, а потом теща не отдала. Но есть большая вероятность, что мне придётся забрать всех, хотя я реально не представляю, что с ними делать. Если только составлять конкуренцию вашему Котокафе...

Он наконец обернулся, но не отошёл от кухонных шкафчиков. Смотрел поверх наших голов в узкое окошко над столом, до которого Люба могла дотянуться, встав ногами на стул, но она предпочитала пол и уже трёх кошек.

— Лиз, нет сквозняка? — забеспокоился вдруг Вербов. — Я действительно не чувствую холода, но я такой — горячий, — и как-то смутился. — Знаешь, я ей сейчас кофту принесу. От греха подальше. Зря куртки в машине оставили. Надо было сообразить, что тут дышать нечем.

Я снова не успела ничего ответить — у него мастерски выходят монологи. Или я все никак не могу выйти из ступора. Куда он нас притащил? Куда-куда? На кудыкину гору к кошкам!

— Давай примерь!

Он вернулся со скоростью спринтера. Это был розовый свитер с единорогом и блестками.

— Нравится? Носи на здоровье.

— Ей не нужен ещё один свитер! — не сдержалась я. Мне не давали покоя слова соседки про чужих детей. Может, Вербов так развлекается? Ну ведь все может быть... Я же его и трёх месяцев не знаю. Да если и знаю, то только на планерках и только по существу. По существу вопроса, а вот каким он существом является в личном плане, я без понятия.

— Ну и мне не нужен. Илона к лету из него вырастет. Люба, тебе нравится свитер? — Она, конечно же, кивнула. — Тогда не слушай маму...

Не слушай маму? Что он вообще язык распускает?!

— Гриша...

Он перегулял без куртки и без шапки — мозги отморозил. На меня тоже взглянул самым невинным из возможных взглядов, да ещё заявил:

— Может, ты посмотришь вещи Илоны? Там куча маленьких вещей...

— Нам ничего не надо! — уже реально повысила я голос.

Не надо нам помогать. У меня ребёнок не с помойки одет. И вообще мы умеем не пачкаться и хорошо стирать, а лишнего места для лишней одежды у нас нет.

— Мне тоже не надо. Не хочешь себе, перебери, я тогда скину в детский дом. Раз уже приехал.

И зачем он покупает кучу вещей, если ребёнок тут не живет? Да и жить тут как-то не очень. И дело даже не в запахе.

— Хорошо, я переберу их для тебя, — сдалась я или все же нашла предлог уйти из чужой кухни.

— А кто такая Илона? — услышала я запоздалый вопрос Любы, и Вербов впервые замялся:

— Ну, одна девочка... Которая иногда приезжает к бабушке. Ее бабушка здесь живет. А сейчас она у неё в гостях. Потому что Илона заболела.

Почему он не назвал ее дочкой?

— Где вещи? — решила я поиграть в спасительницу.

Уберечь Вербова от прямых детских вопросов — мой долг. Даже рассмеяться захотелось. Но я лишь улыбнулась. Он не понял моей улыбки, но поспешил улыбнуться в ответ.

Комната оказалась отремонтированной. Даже с ламинатом. И без кошек. Хвостатые жили в двух других комнатах. Эта была закрыта на ключ — правда, ключ торчал из двери. Внутри детская кровать и шкаф-купе. Больше ничего. Ковёр и комод — наверное, с игрушками.

Вербов перехватил мой растерянный взгляд.

— Илона приезжает к бабушке. Не ко мне. Я так... постольку поскольку. В общем, из-за кошек к себе тещу не взять, а таскать каждый день сюда ребёнка не дело. И потом Илона не помнит своей детской все равно. Ее дом давно не здесь.

— Год? И не помнит? — не поняла я.

— Почти четыре года. Мы просто документы оформили только в январе, — и быстро отвернулся к шкафу: — Короче, все тут. Я пойду чай заварю, а вы тут хозяйничайте. Здесь и запаха почти нет. Я не разрешаю пускать сюда кошек.

— Гриша, их действительно одиннадцать?

— Да, но я их всех не сгоню в одно место. Я же сказал — на меня смотрят: мужик, что ты приперся? У нас жрачка ещё есть. Впрочем, на меня все так смотрят... Ладно, — он наградил меня каким-то совсем тяжелым взглядом. — Я пошёл чай заваривать.

А мне что делать со всеми этими вещами и знаниями? Бред какой-то! Не надо было соглашаться на прогулку.

Глава 3.5 "Ответ Деда Мороза"

— Уснула?

Я обернулась от кровати, на которой разложила вещи чужого ребёнка, и увидела своего скрючившимся калачиком на ковре. Так засыпают только годовасики и те, кто смертельно устал.

— О, черт...

Да, у меня вырвалось... Не при ребёнке. Ребёнок спит.

Вербов держал в руках пластиковый пакет для мусора — раскрытым.

— Давай быстрее кровать освобождай. Я перенесу. Проснётся, пойдём пить чай. Не проснётся... — и он улыбнулся. Или все же это была усмешка? — Пойдём пить чай вдвоём и с кошками.

Я почти все разобрала. Один мешок он точно мог отвезти сиротам. Что не так? Стоит с мешком и молчит. Молча злится, что я ничего не взяла? Так я же не кошечка, чтобы мне помогать... Если моему ребенку что-то потребуется, я на это заработаю.

— Я сама переложу ребёнка, — выдала я, когда пауза подзатянулась и порядком надоела.

— Не доверяешь?

Откуда эта злость?

— У тебя руки заняты.

В ответ он просто разжал пальцы, и я еле успела подхватить мешок, чтобы из него не вывалились так аккуратно мною сложенные вещи. Он встал перед Любой на колени и, подхватив на руки, так на коленях и дополз до кровати, укрыл пледом и уставился на меня, стоящую с мешком.

— Пошли. Чай остынет.

И вырвал у меня мешок. Вам, Гриша, нервишки бы подлечить не помешало. Понимаю, одиннадцать кошек — это не погладить, а ответственность, но они, как выяснилось, у тещи, а ты, миленький, со своими двумя кошечками не справился: с Ульяной, как понимаю, и Илоной.

Вербов завязал мешок узлом и поставил у выхода, чтобы не забыть. Я не стала задерживаться у двери и пошла прямо на кухню. Рыжая снова лежала на столе. Не у чашек и не у торта, который оставался в упаковке, но у телефона — моего. А я как-то и забыла про

конфискацию моего имущества.

Вербов, конечно же, перехватил мой взгляд, перегнулся через меня и, схватив телефон, чуть ли не швырнул в подставленные мною ладони — я и подставила-то их, чтобы телефон вернулся ко мне в целости. Сохранность собственных нервов в обществе дорогого начальника я себе гарантировать не могла. Сама виновата, что поехала к Вербову в гости. Вернее, в гости к кошкам его бывшей тещи — какая прелесть! Сплошной сюр!

— Мне выйти?

— Я не собираюсь звонить Кириллу! — развернулась я и уткнулась в Вербова носом. Кухня маленькая — могла б сообразить, что она рассчитана только на семейные ссоры в итальянском стиле!

— Что это за важный разговор?

Вербов выдохнул вопрос мне в лицо, но я не ответила. Он выжег своим дыханием все оставшиеся в моей голове мысли и сдобрил хвойной туалетной водой. Поняв, что ответа не получит, Вербов сказал то, что я и ожидала от него услышать:

— Я хочу завтра погулять с вами по центру. Там красиво.

— Я в курсе. Мы там гуляли.

Ко мне вернулось красноречие, но оно сопровождалось нездоровым румянцем. Где раскрытые форточки? Дайте мне одну!

— Ты не хочешь в центр или ты не хочешь со мной?

Его руки уже за моей спиной — к счастью, не на ней, а все же на столе, и между нами — телефон. Явно с новой эсэмэской или с новым пропущенным звонком. Иначе бы Вербов не завелся. А чего он завелся вообще?

— Гриша, я тебя не понимаю...

— Да я это вижу, Лиза...

А я больше ничего не видела — закрыла глаза машинально или скорее зажмурилась, когда почувствовала на губах его губы. Мне бы отпрянуть — так за мною стол, и я не двинулась с места, давая ему свободу своей вынужденной покорностью и полностью лишаясь своей. Его руки сомкнулись у меня за спиной и между нами не осталось даже телефона — его корпус точно сплющился, или нет — впечатался Вербову в живот и почти сразу исчез из моих рук. Через дикий шум собственной паники, забившей уши, я все-таки услышала кошачье шипение и легкий хлопок — Вербов швырнул телефон на стол, не глядя. А я до сих пор так и не открыла глаз, а он не прервал поцелуя, хотя я и не отвечала на него и даже не подняла рук, чтобы обнять. Но я же и не отталкивала...

— Так понятней?

Теперь я хлопала ресницами. Влажными — и если бы на них был хоть грамм туши, она бы потекла. Я видела только большие синие глаза — так близко от моего осталось лицо Гриши. Гриши... Я именно так и назвала его мысленно, пытаюсь подыскать слова или для начала хотя бы мысли... Здоровые... Нет, мне ничего непонятно. Ни про него, ни про себя. Почему у меня дрожат плечи...

Он вдруг поднял меня и усадил на стол — прямо на телефон. Я не принцесса на горошине — выживу, я и телефон. Спасибо, не на кошку...

— Гриша, что ты делаешь?

Прибавлялись только вопросы. Он вдруг опустился на колени и, сжав мои железной хваткой, ткнулся головой в замкнутый круг из собственных рук.

— Я не знаю, что делаю... Пытаюсь удержать тебя... И если мне дана на это всего лишь одна эта суббота, мне надо на коленях умолять тебя дать мне шанс...

— На что? — то ли перебила, то ли просто спросила я.

— Чтобы поухаживать за тобой, вот на что... Иначе ты явишься в офис десятого числа, напишешь заявления и я больше тебя никогда не увижу.

Он резко поднялся и шикнул на белую кошку, которая в этот момент запрыгнула на стол. Я осторожно вытащила из-под себя телефон в надежде, что Вербов этого не заметит. Напрасно.

— Тебе надо позвонить? — спросил он тихо и тут же громко сам себе ответил: — Тебе нужно позвонить и сказать, что завтра ты тоже занята. И в понедельник занята, потому что я хочу пойти с вами на елку.

Мой рот открылся, и я очень надеялась, что Вербов не закроет мне его поцелуем. Дрожь сменилась жаром — началась оттепель, я чувствовала ее капли под волосами на шее. Пока только там, пока...

— Это глупо...

— Что глупо? Пойти на елку с вами? А как мне еще пойти с тобой куда-нибудь, если тебе не с кем оставить ребенка? В офис ты не ходишь! Я уже сделал, кажется, все возможное и невозможное, чтобы тебя туда вытащить!

— Для этого? — чуть ли не запинаясь, с трудом выговорила я.

Пальцы Вербова скользнули мне под волосы, чтобы поднять и просушить. Боже, он видит, что творит со мной...

— А для чего еще? Ну не мог же я припереться к тебе домой? А ты умудрялась убежать из офиса раньше, чем я долбаный ноут успевал закрыть...

— Ты мог бы позвонить... — несла я полный бред, чувствуя или уже не чувствуя ничего, потому что его рука сжималась вокруг моей шеи, находя нужные кнопки кодового замка, который я повесила на все свои чувства пять лет назад.

— И что бы ты подумала, если бы я вдруг пригласил тебя на ужин? — Я ничего не ответила, потому что во рту пересохло. — Ты бы написала заявление еще раньше. Лиз, я не лезу к тебе... Нет, лезу... — и он ткнулся в меня лбом. — Но ты можешь оттолкнуть меня, если тебе противно. Ты можешь дальше приходить только на планерки. Я проглочу эту пилюлю... Но если я хоть чуть-чуть тебе нравлюсь... Я написал письмо Деду Морозу, вот честно... Потому что уже не знал, что делать...

— Написал? Врешь...

Улыбка, на мгновение появившаяся у меня на губах, тут же исчезла. Что я себе позволяю? Не слишком ли много фамильярности после одного поцелуя?

— Почему я не могу написать письмо собственному деду? — он рассмеялся и мягко прошелся пальцами по моей пылающей щеке. — И знаешь, что он написал в ответ: не позорь наш род. Если женщина тебе нравится, скажи ей об этом. А как ей скажешь, если она меня даже Вконтакте в друзья не добавляет? И когда я позвонил Степановой...

— Так ты это подстроил? — с трудом выдохнула я почти что ему в губы. — Вместе с ней? Она еще грозилась пригласить тебя на сациви...

Теперь вспыхнул он.

— Нет, я ничего не просил у нее. Как я мог попросить тебя в Снегурочки? А кто будет с дочкой Снегурочки сидеть? Меня ж какими только словами не называли и в лицо, и за глаза... — Теперь я точно вспыхнула, вспоминая «гада». — Выходит, у меня все на роже написано. И все это видят, кроме тебя... Ну, слова-то ты понимаешь? Мы завтра встречаемся или как?

Я сжала губы, вдруг поняв, что хочу поцеловать Вербова. Или не его... А просто хочу целоваться. Я уже и забыла, что такое поцелуи не ребенка... Или ребенка, но большого. Что же он на меня так смотрит? Точно сейчас заплачет... Или это у меня глаза на мокром месте — мне страшно сказать ему «да» и мне страшно оттолкнуть — а если это второй шанс? А если — единственный? А что, если Люба ему вообще не нужна? А я не смогу крутить романы за спиной у ребенка. Даже если очень хочется.

Глава 3.6 "Нетронутый чай"

— Гриша, я тебя не совсем понимаю...

Он не взял и секунды на размышление. Выдал как на автомате, сжав мне щеки до боли. Любое его прикосновение причиняло боль. Сладостную. О которой я тоже старалась забыть после развода.

— Понимать меня необязательно. Обязательно любить и кормить вовремя.

Я уставилась на него огромными глазами, и он зажмурился и сказал с закрытыми глазами:

— Как сказал Чеширский кот из Алисы.

Я расхохоталась. Нервно. Громко. И получила по губам — пальцем.

— Тише, ребенка разбудишь...

И пальца он не убрал, а осторожно довел его до уголка моих губ, заставляя податься к нему за поцелуем. Вторым, третьим... Я не отпускала его от себя — держала уже и руками и ногами, пока не почувствовала на щеке что-то мягкое — это был хвост, чеширский...

— Жаль, на кухне нет телевизора, — выдал Гриша таинственно, отодвигая кота в сторону и трогая мой нос кончиком своего.

— Почему...

— Потому что если Люба спросит, что мы тут делаем, мы не сможем сказать, что смотрим телевизор...

Мне снова захотелось рассмеяться — он не знаменитый «Гоша», но он не менее колоритный Гриша и не обидится на смех — ведь он хотел меня рассмешить. И совсем не словом «лопата» Но, увы, он не дал мне возможности даже вздохнуть...

— Почему я считала, что у тебя напрочь отсутствует чувство юмора? — спросила я, отдышавшись от поцелуя и прощупывая мужские плечи через джемпер. Господи, какое же это приятное занятие!

— Да потому что на планерках мне не до шуток, а в остальное время кто-то не ходит в офис, — не смог не съязвить ГАВ, все-таки у него говорящие инициалы.

— Я, кажется, в это время зарабатывала для тебя деньги, разве нет?

— Для себя. Я специально срезал всем оклады, чтобы дать стимул работать... сверхурочно.

Меня вдруг бросило в холод — он же мой босс, хозяин бизнеса, ну что же я делаю...

— Ты говорил, мы не будем говорить о работе?

О работе... В его жутко-длинном монологе проскочило согласие на удаленку, но я же не смогу теперь с ним работать... Эта кухня в разы хуже подсобки.

— Я не знаю, о чем с тобой еще говорить, если ты... Не отвечаешь на мой вопрос про завтра. Во сколько и где, или я нахер тебе не нужен?

Как и ответ на заданный вопрос — разговаривать с закрытыми глазами и с закрытым ртом я пока не научилась. И не научусь... Я оказалась на краю стола и вообще ходила по краю здравого смысла. И ничто не дрогнуло во мне, когда отстранившись, Гриша стянул с себя джемпер, оставшись в футболке. Вернее — во мне дрогнуло все, а в его руках щелкнул лишь замок бюстгальтера... Что ты делаешь? А что делаешь ты? — орал внутренний голос — Ты позволяешь ему это делать...

— Гриша...

Только это не был протест, это был стон... Теплые мягкие пальцы сжали мне грудь, и я соскользнула со стола, теряя последнюю опору. Ухватилась за его шею, но она переломилась, как соломинка, и я с головой погрузилась в пучину безумия.

— Ты мне дашь наконец ответ? — это он высвободился из плена моих рук, но меня не отпустил — взяв в прямом смысле за грудки...

— Да... — я смотрела ему в глаза, и у меня все двоилось, точно после обильного возлияния, а мы не пили даже чая.

— Что да?

Он трогал поцелуем мою нижнюю губу и при этом хотел, чтобы я ему отвечала словами. Я просто кивнула, и он прикусил ее сильнее. Потом скользнул на шею, и я услышала возглас возмущения:

— Лиза, ты можешь со мной по-человечески говорить?

Я прикрыла глаза и качнулась — вперед, чтобы столкнуться с ним лоб в лоб.

— Не могу, ты же видишь, — едва дышала я, проклиная развязное тело. — Ты не даешь мне говорить...

— Я просто очень боюсь услышать от тебя нет.

— Да...

Он чувствовал каждый удар моего сердца — оно билось ему прямо в ладонь, передавая своё бешенство, и его пальцы все сильнее и сильнее сжимались на моей груди.

— Гриша, умоляю... Ребенок в доме...

Руки тут же спустились к талии, и я вообще перестала дышать — я сжалась до стебля одуванчика, меня качало от сквозняка, который я наконец-то почувствовала, и совсем бы не удивилась, если б джинсы сами с меня свалились. И Гриша это понял, его пальцы подцепили шлевки — будто он через силу удерживал себя от следующего шага... Последнего шага, за которым разверзлась пропасть, к которой он меня настойчиво толкал, прижимаясь к моему бедру своим.

— Я помню. Про ребенка, — прошептал он мне в ухо, касаясь мочки кончиком языка. — Только это тебя останавливает или что-то еще?

— Ребенок... И то, что мы работаем вместе... То, что я на тебя работаю...

Он со стоном оторвался от моей шеи, и я еле сдержала ответный, но не отступил — сжал плечи, прижимая мои руки к влажным подмышкам.

— Давай только без этой дури. Я не пользуюсь своим положением, чтобы принудить тебя к отношениям. Ты не пользуешься тем, что мне нравишься... Безумно нравишься, Лиза... Работа работой... Это я пришел к вам, а не вы ко мне... В офис ты не ходишь, а вне офиса позволь мне быть просто Морозом. Другая фамилия — другой человек, разве не так?

Я судорожно сжала кофту у себя на животе.

— Ну и как ты представляешь себе нашу жизнь вне офиса? Ты прав, я не выхожу из дома без ребенка...

— Я возьму твоему ребенку няню.

Я зажмурилась. И мне стало абсолютно плевать, как я сейчас выгляжу.

— Ты не понял, ничего не понял... У меня есть деньги на няню...

Я врала — денег не было. Во всяком случае, сейчас, когда Кирилл держал нас на волоске от бездомности.

— Лиза, ты снова... — Гриша тряхнул меня, и я открыла глаза. — Ты не только мама, ты еще и женщина... Ну как-то все эти годы ты совмещала ребенка и...

Я смотрела на него, не отрываясь, и его глаза превратились из синего моря в черное.

— Лиза, только не говори мне...

Я просто кивнула.

— Когда он ушел?

— Да почти сразу после родов... Мы чуть больше года в браке прожили. Нет, прожили... Официально больше... Свекры не разрешали мне соглашаться на развод. И я тоже думала, что психанул... Ну, маленький, страшно ему... У меня-то помощь, а он один... Ему хуже, ему страшно... И... — я снова зажмурилась и сразу почувствовала носом футболку Вербова, он гладил меня по волосам, осторожно целуя в макушку. — Я занялась разводом, как только вышла на работу — и в Любины два года была свободна от обязательств. Знаешь, суд выбил из меня последнюю надежду... Я стала злой и противной...

— Я это заметил, — услышала я над ухом смешок и вновь увидела синие глаза.

Гриша чуть присел, чтобы я могла смотреть на него сверху вниз.

— Дашь нам шанс? У меня тоже год назад умерла последняя надежда. Улька позвонила и сказала, что хочет выйти замуж и попросила официально развестись. Сейчас у них свадебное путешествие. Я должен был взять на это время дочь. Не получилось — бабушке пришлось лететь к ним и сидеть с больной внучкой.

— А отменить путешествие никак? — почти зло выдала я, не понимая, отчего мне вдруг сделалось так горько.

— Никак... Много денег потрачено. Отпуска спланированы. Да и вообще дети не оценят таких жертв.

— А ты чего сам не поехал? Думал, мы не справимся с твоим бизнесом?

Вербов тут же убрал от меня руки и спрятал в ставшие ему узкими джинсы.

— У меня визы нет. Она программист. Уехала в Штаты по рабочей визе. Говорила, что это её шанс поучаствовать в развитии мировых технологий. Ну и заодно моему папочке доказать, что она чего-то там сама стоит и не пользуется мной. Я отпустил. С ребенком. Хотя Ленка предлагала взять Илону на время к себе, у них мальчишки, мои братья, чуть старше Илоны. Один старше, а второй почти ровесник, пару месяцев разницы. Уля, конечно, на дыбы... Гриша может не ехать, раз ему бизнес дороже... А ребенок поедет... Так мы, грубо говоря, три года на две страны жили. Я хотел как-то сам привести дочь обратно, но Уля сказала — не надо. Тогда я прямо спросил — кто-то есть? Она сказала — да. Ну, любовь им да совет. Ребенок мой уже по-русски с трудом говорит. Папа там новый — американец. И... Я очень надеюсь, что он хороший...

Я села. На табурет. Хорошо, не мимо.

— Если ты скажешь, что я не мужик, я спорить не буду. Вербов-старший именно так и считает. И... он меня выгнал... Ну или сделал так, что я сам ушел... Грубо говоря, у меня сейчас кроме работы, в которую я вложил все сбережения, ничего нет... Но я не плачусь. Не хочешь, не надо... Я такой, какой я есть... Я...

Он вдруг замолчал и опустил голову. Я тут же вскочила и кинулась ему на шею. Нет, не на шею... Слишком сильно он прижимался к ней подбородком — я просто обняла его сгорбленную спину, он мою — и тут же полез под кофту. Я сжалась, не зная, как реагировать теперь на его ласки: в соседней комнате спит ребенок, и дневной сон непредсказуемо короткий, но Гриша всего лишь застегнул то, что полчаса — или уже час? — как расстегнул.

— Не суди и не судим будешь, — выдохнула я, отстраняясь от него, но всего на чуть-чуть, чтобы не разорвать кольца его рук. — Ты мне нравишься, и я не знаю, почему раньше этого не замечала...

— Да даже если тебе просто нужен мужик, я согласен, — хохотнул он, прижимаясь губами к моему мокрому лбу.

Кажется, мы уложились в дневной сон, хотя бы с разговором.

— Ревнивая зараза!

Это Гриша кричал уже на кошку, которая скинула на пол чашку, полную чая — не знаю, мою ли. Да и какое это имело значение — что чье, в чужом доме.

Глава 4.1 "Танцы у плиты"

— Лизавета, ты танцуешь?

Я чуть сковородку на себя не перевернула. Только, увы, лицо опалил не жар от плиты. Я пылала, как школьница, совсем по другой причине.

— Оладьи пеку... — выдала, как дура, когда обернулась к свекру.

Точно идиотка! Он же не слепой. И так видит!

— Танцуешь... — не унимался Александр Юрьевич, запахивая халат поверх треников.

— Фитнесом занимаюсь... — шла я, наверное, уже бурыми пятнами. — Утренняя гимнастика у плиты. Ноу-хау работающей мамы... — несло меня уже не в ту степь недетским ветром.

Александр Юрьевич продолжал улыбаться. Спалили меня, да? И рады? Ну что я должна была сказать? Сама не понимаю, чего тут попой виляю. Нет, понимаю... Но вам уж точно не скажу. Не скажу, что не спала полночи. Как когда-то с вашим сыном. Так давно, что и не вспомню подробностей.

А тут Гриша перед сном прислал вопрос, который окончательно лишил меня сна:

— Можно будет тебя при ребёнке поцеловать?

Господи, я не думала, что меня вообще когда-нибудь кто-то об этом спросит... Вчера мы расстались чинно, потому что время не пришло: я — мама, а он какой-то там Гриша с тортом и кошками. Все еще какой-то, хотя мы с ним будили ребёнка в четыре руки. Одной мне оказалось не под силу ее растолкать. И так проспала до полной темноты, вынудив маму схомячить половину торта, а дорогого Гришу — все мамины губы.

— Если б я только знал, что она так крепко спит...

Он улыбался так мило, что мне хотелось ему врезать — не со зла, но чувствительно. Мог ведь промолчать, мог... Это когда-нибудь случится, только непонятно, как и где... Но уж точно не в квартире тещи в окружении ее одиннадцати кошек!

— Может, в машину отнесешь спящей? — смотрела я на него с надеждой.

Теперь уже перед смертью не надышишься. Все равно Любаша не будет спать ночью. Но он ее добудился и даже впихнул пару ложек торта, остальное пришлось выкладывать с блюдечка обратно в коробку.

— Позавтракаете тортом.

Очень умно, Гриша... Прямо остроумно!

Как мне теперь уложить Любу? Если не будет спать полночи, мы никуда не пойдём днём, а мне очень-очень надо пойти. Не просто надо, а хочется. Хочется встречаться не с Любиным папой, а с Любиным Гришей. У меня от одной мысли о нем, от произнесённого внутренним голосом имени, мурашки бежали по коже. Боже, можно тебя поцеловать? Конечно же, можно! Нужно!

— Нет, ещё рано, — пишу в ответ, жмурясь от коктейля из слез счастья и обиды.

От их гремучей смеси глаза лезли из орбит. Хотелось спать и не спалось...

— Понял, буду чинно держать за ручку. В одиннадцать я у тебя. Не рано?

Поздно. Хочу видеть его прямо сейчас! В двенадцать часов ночи.

— В самый раз. Ты сбил ребёнку весь режим, — ругаю его, улыбаясь в экран.

Какая же идиотская у него аватарка. Это не селфи, но у фотографа явно не из того места руки растут. Лучше б действительно собачью морду поставил. Добермана, например... А что... Похож... Хотя бы шевелюрой. Только глаза голубые... Ну, доберман в линзах... Боже, что за бред у меня в голове, что за бред...

— К черту режим! — и чертика прислал. — Ты всю жизнь мою с ног на голову поставила.

Улыбаюсь, уже пугаясь себя, потому что не могу перестать думать про его бывшую.

— Невиноватая я, ты сам нас купил.

— Как всегда, кота в мешке. Спи, кошка...

И переслал мне мои чертовы губки! Те самые, что я случайно послала ему за билеты на ёлку... Поделись своим чувством юмора, а? У меня, кажется, уже никаких чувств не осталось — такая лежу себе бесчувственная и проклиная твердое неровное кресло. Как я могла его купить? Разве экономия места стоит таких жертв со стороны моей спины? Пришлось повернуться на бок. Люба спит и улыбается. Ей явно снится Гриша. А если я закрою глаза, он мне тоже приснится?

Уж улыбаться ты точно будешь — вопил разъяренный внутренний голос — Ты же не можешь дать губам покоя... Губам? Покоя? Я не уверена, что у меня губы остались на месте... Или они забыли, где столько лет жили, вот теперь и прыгают по всему лицу, неприкайные... Нет, каяться я не стану. Не за что... Я повторю это и не один раз. И даже больше, чем это. Гриша что-нибудь придумает. Это же забота мужчины, в конце концов, найти теплую пещеру, а я исполню свой женский долг — разведу в ней огонь...

Любу я уложила спать в одиннадцать часов и сорок минут. С большим трудом. Пообещав, что попрошу у Гриши кота.

— Дедушка ведь не против? Дедушка, ты хочешь кота? Ну ведь хочешь! Он тебе понравится! — висела на Александре Юрьевиче внучка.

ГАВ испортил ее за один день. И меня... Нет, меня он починил. Я танцую! И это после двух часов сна!

— Лизавета, зачем с утра суп варишь? Вы снова куда-то уходите?

Только бы не вспыхнуть! Нет, я красная, я уже красная. Как рубин! И каким боком не повернусь, всякая грань сияет. Тут можно и по мягкому месту схлопотать!

— Да, Александр Юрьевич. Пойдём Невский смотреть.

— Вы ж там гуляли.

Боже, он галочки ставит, куда и сколько мы ходим и даже, на что смотрим? Никогда не замечала за ним подобной слежки!

— Гуляли... Но ведь не допоздна, огоньки не видели. Мы в кино ходим, поедем где-нибудь, в пять стемнеет и поедем домой.

— Одни?

Я смотрела ему в глаза — слишком серьезные — и понимала, что не в состоянии сейчас ничего скрыть. Да и не хочу — я имею право на личную жизнь.

— Нет, не одни.

— Это хорошо. Одним допоздна не надо.

Не ушел. Сел за стол. А чего я ждала — время завтрака, а не обид и нотаций. И он ничего не сказал, даже если подумал. Этот человек сделал для меня многое, но лишь потому что я — мать его любимой внучки. И я не обязана его любить — он не должен был становиться моей единственной семьей, а вышло так, что мой собственный отец чувствует себя обиженным. Да, у меня есть сестра и ее семья с двумя детьми, но я ведь не чужая, а получилось так, что километры разделили мою жизнь на до и после. И даже если родители серьезно восприняли мои слова, что после вуза я не вернусь, сейчас они периодически укоряют меня в том, что игра не стоит свеч. Возможно... Но вчера я зажгла новую свечу и не собираюсь ее тушить. Если она и сгорит, то до конца.

— Алло! — я схватила телефон свободной от сковородки рукой, бросив на столешницу лопатку.

Не взглянула на номер звонившего, потому что была уверена, что это он, а не он...

— Я через час приеду. И не смей говорить, что куда-то уходишь! — чуть не порвал мне барабанные перепонки голос Кирилла.

— Я действительно ухожу... У нас билеты в кино.

Я выскочила из кухни, но не знала, куда деться: Любаша спала, а в комнату свекра я никогда не заходила без спроса. Не думая, что делаю, схватила пуховик и в тапочках, пусть и носками, кинулась на лестничную площадку — что же за мозги у меня куриные...

— Завтра мы идем на елку, а потом уже Новый год, — тараторила я, сбегая по лестнице на нижний этаж, не слушая, что говорит Кирилл, да и я не была уверена, что он что-то сказал. — Оставь все на январь. Неужели так сложно? Я утрясла все с работой, но до десятого не могу получить никакие бумажки.

— А теперь, может, заткнешься?

Я не поставила ногу на следующую ступеньку, опустила на предыдущую и встала по стойке смирно.

— Я хочу видеть ребенка.

Мое сердце сжалось и подпрыгнуло к самому горлу.

— У меня есть для Любы подарок. И я не хочу, чтобы Дед Мороз принес его под елку. Я хочу отдать его сам.

— Зачем? — спросила я грозно, чувствуя, как у меня начинают дрожать голосовые связки. Никогда от него не было подарка под елкой.

— Не понял?

— Я тоже не поняла. С чего вдруг? Ты — посторонний дядя. Не понимаешь этого?

— А что, есть непосторонний?

Я стиснула телефон. Что ему ответить, чтобы не навредить ни себе, ни ребенку?

Глава 4.2 "Пять минут — вылет"

— Мне кажется, тебя это не касается, — выплюнула я в телефон низко и грубо, зацементируя связки.

— Ты так думаешь? — прорычал Кирилл в ответ.

— Это не я так думаю, а законодательство Российской Федерации о неприкосновенности личной жизни. Перечитай, полезно...

— У тебя ПМС, чего завелась?

— Нет, предновогодний синдром хорошего настроения. И я не хочу себе его портить. Подарок можешь послать по почте или оставить у дверей, если это действительно подарок, а не предлог...

— Чего предлог? — оборвал меня Кирилл еще грубее. — Дочь увидеть?

— Мне настроение испортить. Я дала тебе шанс увидеть дочь полгода назад. Ты этим шансом не воспользовался. Вторых шансов не раздаю — закончились. Новые не завезут.

— Типа, шутишь?

— Типа, да...

Я привалилась к стене, чтобы подкладка пуховика впитала проступивший на спине ледяной пот.

— Я не разрешаю тебе дарить Любе подарок до Нового года.

— Запрещаешь, типа? Не много ли на себя берешь, Лизонька?

— Я взяла на себя все! — закричала я громче, чем требовала того гулкая лестничная клетка. — Ты самоустранился из жизни ребенка.

— Я исправно плачу алименты.

— По решению суда!

Мне хотелось дать ему в рожу, но рядом была лишь стена, и я колотила ее кулаком свободной руки. Свободной от обручального кольца.

— И по решению этого же суда я решаю, видеться дочери с отцом или нет. Вот сейчас я решила — нет, потому что у нас дела. И только попробуй нарушить мой запрет, мало не покажется.

— А что ты такая боевая? Нравится на халяву жить? Испугалась пинком под зад получить? Только я должен за квартиру платить?

— Да ты никому ничего не должен! — шипела я, чтобы не злить эхо и соседей. — Я решу вопрос с квартирой после десятого числа. Ясно? К ребенку это не имеет никакого отношения.

— Ну вот я и приду в свою квартиру.

Сердце бешено колотилось, но голова все же работала.

— Приходи. Только Любы в квартире не будет.

— Прятать будешь?

— В кино пойду, я тебе уже сказала, — отчеканила я, перекладывая телефон в другую руку, чтобы вытереть вспотевшую ладонь о пуховик. — Все, после десятого я тебе позвоню.

И я отключила телефон, чтобы тут же набрать Грише. Половина девятого. Ведь припрется Каменцев, как пить дать...

— Доброе утро, — Гриша ответил после второго гудка. — Только не говори, что передумала...

— Тебе сколько до нас ехать? — не стала я вдаваться в сантименты, и его голос сразу сделался серьезным:

— Это ведь не праздный вопрос?

— Мне нужно свалить из дома в течении получаса.

— Не доеду. Бери такси до Московской. А от дедушки Ленина я вас заберу...

— От кого?

Гриша хохотнул, но нервно.

— Там памятник у фонтана. Не была там никогда?

— Нет, я тот район вообще не знаю.

— Таксист знает. Не при Любе, да?

— Я понимаю, что от важных разговоров бесполезно бегать, но сейчас же Новый год... Твой дедушка Ленин может исполнить мое желание не встречаться с этим козлом до

января? — спросила я с горечью, чувствуя неприятную резь в глазах.

— Внук деда Мороза тебя устроит? Он будет очень стараться исполнить это твоё желание. Давай, я у тебя пять ценных минут украл. Я буду у памятника. Ждать свой звездный час. Выше нос, Елизавета Аркадьевна! Он у тебя очень красивый.

Ты у меня очень хороший... Но этого я не сказала — пусть не думает, что подлизываюсь.

— У тебя тоже ничего так нос.

Хоть он и мешает целоваться, но мы приспособимся...

Я шла наверх, чувствуя на ногах сказочные железные ботинки. Еле волочила ноги. Неужели мне не хватило пяти лет, чтобы стоптать их? Кто дал Каменцеву возможность и право портить первый мой радостный день?

— Александр Юрьевич, я ключи забыла, — набрала я номер свёкра, отбивая тапки от невидимой пыли.

— Люба проснулась, — сказал он и через минуту открыл дверь.

Какое счастье, что мне не придётся ее будить!

— Кто звонил?

Не догадался? И не надо.

— Нам нужно побыстрее собраться. Я заказала такси.

Нет, я ещё ничего не заказала, но уйду все равно. Воскресенье, утро, машина обязательно будет свободна. Десять минут в соседнем дворе не беда. Переплачу, если не найду эконом-класса.

— Суп сами выключите. Через двадцать минут, — говорила я, стоя к свёкру спиной, безуспешно стараясь трясущимися руками зацепить пуховик за крючок. Потом плюнув, повесила его на капюшон.

— Лизавета, ты зачем на лестницу пошла?

Вот только не надо допроса! Не сейчас!

— Александр Юрьевич, я боялась разбудить ребёнка, — отрезала я зло.

— Чем? Телефонным разговором?

— Да! — почти закричала я и рванулась на кухню заваривать чай.

— Лизавета...

Но договорить ему не дал тихий голос Любы:

— Мам, высморкай мне нос...

Только этого не хватало! Я рванулась с ребёнком в ванную, включила воду. Люба нагнулась над раковиной, играя в слона. Большого слона! Соплей было море. Чертов сквозняк! Я приложила руку к лобику — не горячий, но тридцать семь на лицо — розовое, как пижама с сердечками.

— Иди в комнату и начинай одеваться, — скомандовала я и ринулась обратно в кухню.

Встала на цыпочки, чтобы дотянуться до верхней полки крайнего шкафчика, чтобы взять коробку с лекарствами.

— Опять голова болит? — бросил мне в спину свёкр, и я даже не пыталась понять, заботливо или с сарказмом.

— Это для Любы. У неё сопли.

Ни слова про температуру. Жаропонижающее я спрятала в кулак. На виду остался только спрей для носа.

— Прогулка отменяется?

Она отменилась бы, не будь звонка от Кирилла.

— Это всего лишь сопли. Помоем нос и поедем...

— Лизавета!

Александр Юрьевич не дал мне выйти из кухни, остановив за плечо. Я с трудом удержалась, чтобы не скинуть его руку. Мне не нужно было спрашивать, что? Этим вопросом горел мой бешеный взгляд.

— Я останусь с ребёнком. Иди, раз тебе так надо...

— Что мне надо? — вырвалось у меня слишком громко.

— Лизавета, я все понимаю и очень рад за тебя. Но не надо тащить ребёнка на свидание... Ну и ребёнок вам не нужен там.

— Свидание?

Меня трясло, мое плечо билось в его ладонь.

— У меня нет никакого свидания... Мне надо увести ребёнка из дома, чтобы сюда не явился Кирилл. Вот что мне надо!

И я вырвалась. Ринулась в комнату. Ребёнок мой оставался в пижаме. Вернее, наполовину. Она спустила штанишки, но не вынула ноги. Может, я неправильно измерила температуру? Люба давно одевается самостоятельно. Даже колготки.

Снова потрогала лоб — нет, все тоже, чуть тёплый, и нос, к счастью, не пузырится. Но я потащила бы ее из дома даже с тридцатью девятью... Нет, не ради свидания, на которое меня благородно отпускали... Я не мать-ехидна! Не нужен сейчас никакой Кирилл в жизни Любы. Не нужен!

— Александр Юрьевич, дайте нам одеться!

Свекр впервые открыл к нам дверь без стука. Или стучал, да только я не слышала. Он исполнил просьбу, и я подтянула Любе колготки почти что к самому носу.

— Одевайся, одевайся! — торопила я вялого и сонного ребёнка.

И доторопила до скандала — Люба разревелась, когда я вырвала у неё из рук свитер с единорогом, подарок Вербова. Ладно, надевай, что хочешь!

— Александр Юрьевич! Да дайте уже мне одеться!

Я еле успела одернуть футболку, которую собиралась снять. Пришлось впервые повернуть на двери замок. Мы не запирались, даже когда занимались с Кириллом сексом. Его родители не думали нам мешать.

— Почему Люба плачет? — вынужденно вопрошал свёкр из-за двери.

— Да потому что мы торопимся! Дайте нам уже уйти!

Я снова влезла в джинсы, чуть не порвав колготки, которые все никак не желали натягиваться. Схватила водолазку и резинку, чтобы, не расчесывая — на это не было ни сил, ни времени, ни нервов — сделать Любаше хвост.

— Это Кирилл звонил? — наступал мне на пятки свёкр, когда я побежала в кухню паковать для ребёнка завтрак.

Пять минут — вылет.

— Да!

— Что случилось?

— Ничего! Я запретила ему видеть ребёнка!

— Почему?

— Я не хочу сейчас ничего объяснять. Оденьте, пожалуйста, Любу.

Я кинула в сумку термос, контейнер с блинами — съест без мёда, некогда и некуда отлить — и термос. У меня в желудке только чашечка кофе. Первый блин не получился комом, и я ничего не съела, а сейчас просто не могла. Потянула за молнию и только чудом не сломала, когда в ней застряла подкладка сумки.

— Лизавета, я хочу знать!

Я уже натягивала сапоги и не смотрела на свёкра.

— Вечером все объясню. Поправьте Любе шапку. Спасибо!

Пуховик я не застегнула. Мне и так жарко. Шапка тоже была набекрень. Люба ревела, но я тащила ее за руку.

— Не смей упираться! — я, кажется, впервые орала на ребёнка и силой впихивала в лифт.

А на улице схватила на руки и побежала, хотя головой соображала, что Кирилл даже на ковре-самолете не смог бы добраться до нас так быстро.

Глава 4.3 "Внук деда Мороза"

Я не особо настаивала на Любином завтраке — боялась за чужую машину, так что когда в такси она три раза отвернулась от блинов, я закрыла контейнер и убрала. Дело, наверное, не столько в мёде, про который Люба канючила, сколько в ее болезни. Ну почему детям надо болеть в Новый год! Почему? Сама заморозила ее сначала в парке, затем в чужой квартире на сквозняке, а теперь вопрошаю Вселенную... Дура!

Прижавшись гудящей головой к холодному стеклу Фольксвагена-Поло, я проверяла телефон в страхе найти новое сообщение от Каменцева, но написал мне Вербов: я на месте.

Ему хорошо, а у меня все не на месте — и сердце, и мозги, и перчатки. Их не оказалось в кармане пуховика, и теперь я растирала окоченевшие пальцы. У меня вообще быстро мерзнут руки даже при плюс пяти, но сейчас от нервов они тряслись даже в теплой машине, и я с трудом набрала в ответ, что будем минут через двадцать. Только бы за эти двадцать минут не поседеть!

— Люба, не засыпай! — толкала я ребёнка.

Сон — лучший доктор, и лекарство явно со снотворным, но если она уснёт, и мне придётся ее будить — будет ор, как во время одевания. Но не щипать же ребёнка! И я начала говорить скороговорки, которые она так любит повторять. Правда, сейчас язык ее не особо ворочался.

— А можно помедленнее, я пытаюсь запомнить, — вдруг обернулся к нам водитель, и я чуть не подавилась очередным словом.

— Однажды галок поп пугая... — начала я медленно, и Люба даже немного приободрилась.

— Вы — няня? — после третьего круга остановил меня водитель.

Я снова подавилась скороговоркой, и Люба опередила меня с ответом:

— Это моя мама.

— Извините, — смутился водитель.

— Ничего. Не вы первый...

— Ну, просто кормите на ходу и не в телефон тупите. Вот я и подумал...

— Я знаю, что мы не похожи, но это точно я ее родила.

Я попыталась шутливо замять неприятный разговор. Жутко не хотелось говорить сейчас, что Люба похожа на папу. Даже не на бабушку Таню, а именно на Кирилла! Ну

почему при заказе такси нельзя выбрать вариант кляпа таксисту...

Наконец мы приехали — в окно я увидела памятник. Жаль только макушку, но не сомневалась, что у ног дедушки Ленина стоит внук дедушки Мороза. От остановки, где нас высадили, мы шли минут пять — Люба еле ноги волочила, а у меня в безопасном отдалении от Каменцева, рука не поднималась тащить ребенка волоком. Да и у самой закончились силы: мне было заранее плохо от предстоящих объяснений со свекром. Я впервые повела себя как самая настоящая истеричка. Так ведь я впервые полностью потеряла над собой контроль. Теперь бы сдерживать лицо при Вербове. Он ничего не спросил по телефону, но ведь сейчас спросит обязательно. Как без этого... Да и я сама скажу, потому что мне до противного стыдно, что я втянула в свои семейные разборки постороннего человека. Почти что постороннего. Разве пару поцелуев сблизили нас настолько, чтобы вдвоем принимать душ из моих помоев? Вот уж точно Снегурочка-дурочка... Влезть бы на елку, пусть даже не украшенную: возможно, тогда я буду видеть хотя бы на два шага вперед, а то сижу низко и гляжу близко...

Я следила, чтобы ребенок не споткнулся, поэтому Вербов увидел нас первым, а я подняла голову слишком поздно: он не бежал, но все равно шел слишком быстро, и я не сумела собраться. Бросилась к нему и уткнулась в грудь. Только бы не разреветься — говорить от подкативших к горлу слез я уже не могла. Зажмурилась — куртка мягкая, как подушка. И я готова спать на этой груди целую вечность и не просыпаться в свою жуткую реальность. Но вечность закончилась, когда мой пуховик кто-то потянул. Кто-то снизу... Напоминая, что у меня есть дочь, за которую я в ответе.

Гриша отпустил меня и тоже посмотрел вниз, на Любу.

— Иди, я и тебя обниму.

И поднял ребенка ко мне. Теперь мы с Любой были одного роста. Она даже немного выше.

— Можно тебя поцеловать? — не дожидаясь ответа, Гриша чмокнул обалдевшую Любашу в щеку. — А твою маму можно?

Люба кивнула, как болванчик, и Гриша повернулся ко мне, но вместо щеки нашел губы. На секунду, но это была волшебная пилюля. Я сглотнула сахарные слюни и почувствовала огромный прилив сил — теперь я смогу радоваться жизни и защищать своё счастье от посягательств всяких гадских личностей.

— Что будем делать? — спросил Гриша, так и не спустив ребенка с рук.

Я взглянула в ее горящее смущением — или не им, лицо. Подняла руку ко лбу — прохладный, но каким ему быть после лекарства?

— В чем дело? — нахмурился Гриша.

— С утра была маленькая температура и сопли. Я дала ей лекарство.

— У вас что, бегство с больничной койки получается? Ты предлагаешь мне таскать по городу больного ребенка?

Я отвернулась к памятнику Ленина, чтобы спрятаться от осуждающего взгляда Вербова.

— Гриша, у меня не было выбора, как ты не понимаешь... — отозвалась я шепотом, и мой шепот не перекрыл голос Любы, сообщающий дяде, держащему ее на руках, что она не болеет.

И этот дядя впервые проигнорировал ее слова и ответил мне:

— Лиз, без всяких задних мыслей... Поехали ко мне, уложим ребенка в кровать, посмотрим мультики... Могу даже купить попкорн.

— Мы не едим попкорн, — выдала я на автомате, еще не совсем понимая, что мне предлагают. Будто воспаленный мозг, по закону Штирлица, запомнил только последнее слово. — Куда к тебе? К кошкам...

— Хочу к кошкам! Хочу к кошкам! — перебила нас Люба и даже запрыгала в руках, но они оказались достаточно сильными, чтобы удержать ее.

— Ко мне домой. У меня нет кошек. Зато тепло и тихо. А это то, что нужно сейчас Любе. Тут рядом можно блины купить на обед или на завтрак, — добавил он уже скороговоркой.

— Мама испекла блины, но я не хочу есть их без меда.

— У меня есть мед. Хочешь ко мне за медом?

— Хочу...

Да ёшкин кот, вот так и совращают малолетних дур! И не очень малолетних.

— Здесь через дорогу кафе, — продолжал Вербов говорить уже для меня. — Думал, зайдем на чашку кофе...

Так и хотелось вставить, что я уже пила с утра кофе. Но язык не повернулся заплатить медяком за золотую заботу.

— Можем взять у них медовик или сметанник. С собой. Торты у них отличного качества.

Мне не хотелось выяснять, с кем и при каких обстоятельствах господин Вербов это проверял. Не слишком ли я ревную — не слишком ли рано? У нас еще и отношений никаких

нет... Ну что для мужчины могут значить пара поцелуев? И что из того, что он стоял передо мной на коленях? Может, он всех так соблазняет? Медом и медовыми речами. Я ведь ничего о нем не знаю, но делаю все возможное, чтобы он знал все обо мне.

— Вчера был торт... — начала я несмело, не зная, что сказать ему про новые гости, в которые он тянет меня против моей воли... Или во мне уживаются сразу два человека, но я все равно никак не пойму, кто тянет меня в гости — мама больного ребенка или женщина, больная на голову?

— Сегодня все еще выходной. Но там есть и штрудель, если, по-твоему, это полезнее?

— Все бесполезно. Засахаримся...

— Тебе, Лизонька, это не грозит...

Меня передернуло — ни от трех градусов мороза, а потому что Вербов назвал меня точно так же, как час назад Каменцев.

Глава 4.4 "На чужой территории"

— Приехали, принцессы. Вылезайте!

Григорий Антонович Вербов обитал в любимом всеми городе Пушкине. Летом трехэтажное строение желтого цвета, наверное, полностью утопало в зелени, а сейчас было голо, но совсем не как сокол, а как журавль, которого обычному человеку вряд ли можно поймать в руку. Единственное, что могло не нравиться жильцам, так это парковка на улице, но тут либо классическая архитектура, либо — извините — блага современной цивилизации.

Впрочем, я не понимала, зачем берусь оценивать его достаток: квартира в «Корабле» еще могла меня удивить, а эта всего лишь подчеркивала разницу в общественной иерархии. В таком доме говорить про проблемы двухкомнатной квартиры было более, чем смешно. Наверное, когда он спросит про камень преткновения между мною и Кириллом, я назову имя дочери.

Вербов снова достал свою увесистую связку и открыл парадную дверь. Внутри все чистенько, даже имеются незапыленные почтовые ящики. На второй этаж по чистой лестнице, и вот снова переступить порог чужой квартиры...

— Можно без тапок. Полы с подогревом, — бросил хозяин, закрывая дверь. — Детских тапок у меня точно нет, но тебе могу дать.

Женские имеются, понятное дело...

Он отодвинул зеркальную дверцу шкафа, явив миру почти пустое нутро. Вынул вешалку и сначала принял пуховик от меня, затем куртку от Любы и лишь потом уже повесил свою. Я смотрела на свое отражение, и оно мне совершенно не нравилось. Не спать и ругаться в моем возрасте губительно для внешнего вида.

— Люба, руки мыть! — Вербов держал открытой угловую дверь, за которой горел яркий свет, и я машинально растерла собственные руки, которые, едва отогревшись, снова замерзли. — Лиза, и ты тоже...

Он явно заметил мой жест, но никак не откомментировал. Я протянула ему сумку:

— Там Любин завтрак.

Он взял ее и вопросительно уставился на закрытую молнию.

— Ты хочешь, чтобы я рылся в твоей сумке?

— Там ничего личного нет.

— Спасибо за доверие.

Я проскользнула под его рукой, и он, отпустив дверь, ушел куда-то. Наверное, в кухню. Здесь была только раковина и туалет — гостевой вариант, и я спросила дочь, не желает ли она им воспользоваться. Пришлось закрыть дверь и поймать себя на мысли, что мне не хочется выходить из самой маленькой комнаты квартиры в самую большую. Кухня тут, наверное, не два на два...

Направление движения мы нашли по перезвону посуды. Кобальтовая сеточка. О, нет...

— А есть что-нибудь попроще?

Я купила маме в подарок набор из двух чашек Ломоносовского завода и поэтому знала безумную цену именно этого чайного сервиза.

— Это же ребенок.

— И что? — выдал Вербов. — Знаешь, Фрейдлих в одном интервью сказала, что жить надо сегодня, есть из красивой посуды и не ждать особого повода. И если честно, то я буду рад, если Люба перебьет весь сервиз. Это свадебный подарок. В общем-то как и эта квартира... Мне это не особо и нужно. Садись.

Он усадил Любу к барной стойке. Я оценила высоту, но ничего не сказала о переходе в столовую, которая была у меня за спиной в арке. Еще там был диван, кресла и начало лестницы — стен внизу не было, только держащие балки в виде колонн. Единственная стена, на которой висел телевизор, отделяла гостиную от прихожей. Ко всему этому я сидела спиной — перед глазами зияло одно лишь окно, которое тоже поддерживали тонкие колонны, назначение которых, возможно, было просто декоративным. На стекле, на пластиковых полочках, красовались миниатюрные кактусики, оставляя глубокий подоконник девственно белым и пустым, за исключением моей сумки.

— Какой мед желаешь?

На гранитной столешнице перед моим ребенком выросли аж три пластиковые баночки — мед явно рыночный.

— Названия не спрашивай, — Вербов, наверное, перехватил мой удивленный взгляд. — Одно могу сказать — мед хороший, с проверенных пасек. Ленка по поводу экологически чистой еды полный шизик. Кстати, в холодильнике творог и йогурты тоже фермерские. И молоко. Она как раз в пятницу все завезла по дороге на дачу в страхе, что мальчик с голоду один умрет.

— Нам не надо молока...

— Вам? — переспросил он так же тихо, как и я. — А тебе? Ты, наверное, не завтракала?

— Я ничего не хочу.

— Даже коньяка?

Я выдержала взгляд, но не улыбнулась. Сказала даже немного зло:

— С утра не выпил, день пропал?

— Этот — да, — ответил Вербов серьезно. — Я могу налить, чтобы ты расслабилась хоть чуть-чуть. Выдохни, Лиза...

Я выдохнула, как по команде. И вдохнула.

— Чем это пахнет? Так вкусно.

Это точно не блины, которые Вербов сунул в микроволновку разогреть.

— Корица, кажется. Даже отсюда чувствуешь? Это натюрморт из шишек и веток на обеденном столе. Ленка, когда была тут в понедельник, заявила, что у меня в доме нет ощущения праздника. Сумасшедшая баба! Электровеник. И специалист по промывке мозгов высоким напором воды. Какое счастье, что эта страшная женщина появилась в моей жизни, когда я был уже в сознательном возрасте, а то бы она произвела надо мной лоботомию.

Он поставил перед Любой тарелку и протянул ложку, чтобы она сама продегустировала открытый им мед. Потом снова уставился на меня.

— Можно тебе хотя бы кофе сварить?

Я отрицательно мотнула головой.

— Так не пойдет. Люба, скажи своей маме, что Гриша обидится, если она ничего не съест.

Люба повернулась ко мне и с точностью до слова передала слова Вербова. Да что же в нем такого магического для моего ребенка!

— Я действительно не хочу... — завозмущалась я, когда Люба потянулась ко мне с блином, с которого капал мед. — Вон, Гришу и корми! — добавила я уже со злостью.

А он будто того и ждал. Еще сильнее облокотился локтями о столешницу и перегнулся к Любе с открытым ртом. Я слезла с барного стула, чтобы размяться, и пошла к холодильнику, чтобы от меня отстали. Хотелось сразу распахнуть обе створки, как тренажеры, чтобы отдать во Вселенную бурлящий в крови адреналин, но пришлось ограничиться одной, чтобы не выглядеть сумасшедшей. Идеальная чистота с ярким, почти больничным, светом: на полочке баночки с йогуртами и коробочки с творогом. На дверце — молоко и пластиковая коробочка с яйцами. Вспомню свой холодильник — страшно становится. В него если только ногой не впихивают продукты. Слишком маленький.

— Он не любит, когда долго думают, — Вербов вырос у меня за спиной и протянул руку за йогуртом. — Сейчас запищит.

И я тоже — от его близости и от пол-литра туалетной воды — точно в сосновом лесу оказалась, новогоднем. А он еще прижался щекой к моей и будто невзначай приложился к моему втянутому животу ледяным йогуртом, перехватить который я не успела. Вербов захлопнул холодильник и поставил банку на стойку, а сам пошел мне за ложкой. Да, на этой кухне точно танцевать можно, хотя зачем — достаточно будет стометровок по треугольнику: плита, раковина, холодильник. Для чего? Чтобы держать себя в форме для... любимого мужчины. Для чего еще женщине нужны формы?

— Замешай в йогурт мёд, будет вкуснее.

Я смотрела ему в глаза и чувствовала на своих слёзы. Не горькие, а те, которые невозможно объяснить. Мне было вкусно, хотя я и не хотела есть. Вся эта красота вокруг растворилась. На смену элитной квартире пришёл мягкий тёплый плед, укрывший мои поникшие плечи, которые хотелось расправить и никак не получалось. Я протянула руку, чтобы потрогать дочкин лоб, а дочка дернулась от меня, как от чужой, и мне пришлось ухватиться за розового единорога, чтобы удержать Любу на стуле.

— Каковы результаты проверки? — Гриша по-прежнему стоял напротив сидящих нас, точно официант, готовый броситься исполнять любой заказ привередливых клиенток.

— Горит.

— Лекарство есть?

— Да...

На этот раз я сама полезла в сумку и провела экзекуцию над ребенком.

— А теперь спать?

Гриша спрашивал не меня, и Люба впервые надулась на его предложение всем своим видом, а не только словами, заявив, что делать она этого не будет.

— Ты ещё мою кровать не видела... — Это было сказано снова не мне. — Я тоже всегда говорю, что спать не буду, а потом до подушки и моментом отрубаясь.

Я повернулась к нему, и улыбка пропала с его лица.

— Что я не так сказал?

А я не так посмотрела, да?

— У тебя разве нет детской кровати?

Он не улыбнулся, и в его голос тоже не вернулись задорные нотки.

— Здесь прошёлся смерч по имени Елена Владимировна. Только стены устояли, да и то не все. Она бы с радостью всю мебель поменяла, если бы муж не ограничил ее в бюджете. Но я могу перестелить кровать, если в этом проблема... Лиз, у меня раскладушки нет, — вдруг добавил он с прежней улыбкой, перекрывая затянувшуюся паузу.

А что я молчала? Просто молча соглашалась. Поняв это, Вербов подхватил Любу на руки.

— Да никто тебя спать не заставляет! — повысил он голос на выкручивающегося из рук ребенка. — Я тебе мультики включу...

Да, и выключит строгую маму. Прошёл мимо меня, точно пустого места, но я ринулась следом, через гостиную к лестнице, насчитав по дороге три колонны, за которые успевала схватиться, непонятно только зачем. Ноги подкашивались — вот зачем! Он укладывает в постель не меня, а мою дочь! Смешно и очень грустно.

Лестница деревянная, но без тапок мы поднялись по ней довольно тихо. Небольшой холл и три двери. Мы прошли к той, что посередине. Спальня небольшая, а может такой эффект создавала огромная кровать, не поместившаяся между окнами, потому изголовье сделали ступенчатым, чтобы оставить свет из окон с бежевыми романскими жалюзи, а прикроватные тумбочки как бы продолжали подоконники, в которых, точно в нишах, стояли лампы.

Я, кажется, слишком долго смотрела на чужую кровать, потому что закончилось все тем, что Вербов усадил на неё Любу и взялся за розового единорога. Нет, это перебор! Я ничего плохого не думаю — просто чересчур!

— Она может сама раздеться!

Я, наверное, сказала это слишком громко и грозно, потому что Гриша отдернул от Любы руки, точно обжегся, и даже поднялся с кровати.

— Лиза, ты чего?

Не знаю, что он прочитал в моих глазах — я действительно ничего плохого о нем не подумала, поэтому прошептала:

— Она большая. Мы дедушку тоже просим выйти.

— Хорошо! — он взмахнул руками, явно затаив обиду. — Позовёшь, если захочешь. Я в соседней комнате. Пульт от телевизора на тумбочке.

— Нам не нужны мультики. Она и так уснет. Да, Люба? — решила я за ребёнка. — Я с ней просто посижу.

Гриша кивнул и вышел, а я нервно схватилась за розовый свитерок, пытаюсь унять раздражение за собственное идиотское поведение и не сорваться на ребенке. Вербову уже прилетело от меня. Как говорится, не делай добра...

— Я не хочу спать!

Только не начинай истерик! Хватит на сегодня деда под дверью! Этот стучать не будет. Это его территория. Но дочке я сказала иное:

— Если хочешь завтра с Гришей на ёлку, то сейчас спи!

Я оставила Любу в трусиках и майке, аккуратно сложила детские вещи в изножье и откинула одеяло. Простыни не белые, а цвета слоновой кости. Или это отсвет из окон?

— Мама, полежи со мной.

Люба погладила одеяло подле себя. Обычно я лежала с ней на ковре подле детской кроватки, а сейчас действительно могла прилечь рядышком. Поверх одеяла и, конечно, не раздеваясь.

— Лиза, — услышала я тихий шепот Вербова и открыла глаза, которые непонятно когда закрыла и сколько продержала закрытыми. — Извини, что разбудил, — он стоял перед кроватью на коленях и держал мой телефон. — Два раза позвонили.

Глава 4.5 "Непропущенный разговор"

На телефоне два часа и два пропущенных звонка: один два часа назад, другой — пять минут. Оба от Александра Юрьевича, который никогда мне не звонит. Просто так.

— Я зря разбудил?

Еще не до конца... Я жмурилась, хотя в спальне стало намного темнее — Гриша, видимо, опустил жалюзи. Но экран телефона оставался слишком ярким.

— Что-то случилось? — добавил Гриша к первому вопросу, когда я принялась нещадно тереть висок, превращая волосы во вшивый домик.

— Сейчас узнаю...

Я с трудом свесила с кровати ноги и с еще большим — встала на них. Пошла к двери и к лестнице. Никакого звука, кроме моих шагов — Гриша решил остаться в спальне и дать мне спокойно поговорить, хотя я сильно сомневалась, что эхо моего шепота не разнесется по двум этажам, а выскакивать на лестницу два раза за один день будет верхом идиотизма. К тому же, Вербов имеет полное право знать на каком основании предоставил нам с Любой убежище.

— Александр Юрьевич, вы звонили? — спросила я, прижимаясь животом к холодному граниту кухонной столешницы.

— Спасибо, что перезвонила...

Мое сердце пропустило пару ударов — такими словами деда Саша никогда не отвечал на мои звонки.

— Лизавета, почему ты мне ничего не сказала про квартиру?

Сердце решило вообще не биться. А голос — не возвращаться.

— Кирилл все мне рассказал.

— Александр Юрьевич, вы его не так поняли, — наконец выговорила я.

— Я его никогда не понимал, — вставил свёкр сухо.

— Я дома всё вам объясню...

— Ты не сможешь мне это объяснить, — снова перебил дед.

Голос у меня дрожал, как и сердце. Но боялась я за сердце старика.

— Хорошо, если не объяснить, то решить. У меня есть решение. Хорошее решение. Вы только не нервничайте, Александр Юрьевич. Мы вечером сядем и спокойно поговорим.

— С Кириллом?

— Нет! — я хотела не кричать, но крик вырвался из груди против воли. — С ним мы ничего обсуждать не будем. Лично. Поверьте, я пыталась. И сами знаете, что мне удастся с ним общаться только через суд.

— Тут суд тебе не поможет...

— Я не собираюсь его судить! Он во всем прав. Я просто заплачу.

— Чем ты заплатишь? — почти кричал свекор, и мне тоже пришлось кричать в ответ:

— Деньгами! Чем я еще могу заплатить? А ваше здоровье мне никакими деньгами не купить. Пожалуйста, выпейте лекарство и полежите. Это не проблема. Это действительно не проблема. Вы мне обещаете принять лекарство? Обещаете?

После положительного ответа, в который верилось с трудом, я положила телефон на гранит и хотела прижаться к нему лбом — у меня тоже начинался жар. Главное — не пороть горячку.

Но охладить лоб мне не дали мужские руки. Я машинально ухватилась за плечи, лишь Гриша развернул меня к себе, но в грудь его не ткнулась — из страха в этот раз действительно разреветься. Мы смотрели друг другу в глаза — и снова передо мной вздыбилось штормовое море.

— А мне можно все объяснить прямо сейчас?

— Не сейчас... — это вырвалось скорее машинально, чем осознанно. Я же собиралась все ему рассказать.

— Тогда я тебя не отпущу, — и сильнее сжал мне плечи, а я нахально откинулась назад, но не для того, чтобы вырваться или проверить силу его рук, потому что на все сто была уверена, что Гриша меня удержит, а потому что именно в такой позе надо было давать тот ответ, который хотелось дать:

— И не отпускай. Я разве против?

Он чуть свесил голову на бок, не возвращая мне равновесия.

— Наглая черная кошка, которая гуляет сама по себе, возомнила, что может бесплатно лакать молоко в пещере человека, позабыв обещание петь для него песни... Давай, начинай мурлыкать, а я с удовольствием послушаю, что натворил твой Кирилл. Я пообещал оградить тебя от его посягательств, но должен знать, как именно это сделать...

Он притянул меня к себе, но не для поцелуя, а чтобы отпустить в более-менее вертикальном положении. Пришлось ухватиться за столешницу, вынужденно приняв еще более развратную позу — но моя грудь, даже выпяченная, никак на него не действовала — Вербов не сделал ко мне даже шага, только скрестил на груди руки, давая понять, что разговор состоится, хочу я этого или нет.

— Гриш, мне реально стыдно...

— За себя или за бывшего?

Нет, за позу, дуралей! И я подтянулась вверх и скрестила руки перед собой, на его же манер.

— Это длинная история...

— Расскажи ее коротко, — Вербов щелкал словами, как спичками, сжигая все мосты к моему отступлению.

Пришлось говорить.

— Не надо так на меня смотреть! — выдала я громче, чем вела рассказ про то, как отца Любы собственные родители выставили за дверь. — Я прекрасно понимаю, что он имеет полное право на квартиру...

— Помимо прав существуют еще и обязанности, — впервые за весь рассказ перебил меня Вербов. Глаза его оставались темными и малость прищуренными. — А еще существует понятие мужской чести. Не слышала про такое?

Мне жутко не нравился его тон. Он раздражал, он оскорблял — не Кирилла, а меня.

— Я пришла не для того, чтобы обсуждать моего бывшего мужа. Я пришла, потому что ты меня позвал. Прости, что все это наложилось...

— Прости и все? Думаешь, со мной прокатит? Ты тут в истерике бьешься у меня на груди, а я должен, как дурак, стоять и хлопать глазами.

— В истерике? — даже будь у меня на глазах слезы, они бы тут же высохли. — Где ты увидел истерику?

— Я ее услышал, — Вербов откинулся спиной на холодильник, и тот недовольно пикнул, но хозяин все равно не сменил позы. — Только невменяемая истеричка может нести бред по поводу выкупа доли в чужой квартире, да еще и под кредит.

— Прости, но только под кредит я и могу! — почти выплюнула я. Почти. Потому что все равно бы не доплюнула до холодильника.

— А можешь заставить свекра переписать на тебя или на Любу свою долю? Можешь?

— Зачем?

— А затем! Ты знаешь, у него на тебя завещание написано или на внуку? И написано ли оно вообще?

— А что ты его хоронишь раньше времени?

— Кажется, ты тут кричала про лекарства... Нет? Слушай, Лиза...

Вербов наконец отошел от холодильника, но ко мне не подошел. Встал напротив, как стоял, пока кормил Любу или пока она кормила его моими блинами! Наверное, я не умею их правильно печь. Не достучалась ни до желудка, ни до сердца. Смотрит так, будто ненавидит.

— Ты хочешь загнать себя в долговую яму, покупая квартиру, которая тебе нафиг не сдалась, разве нет?

— Вообще-то я в ней живу...

— Не живешь! — Вербов перегнулся через столешницу, но, к счастью, стойка была достаточно широкой, чтобы оградить меня от лобового столкновения. — Тебя оставили там жить и ты осталась, потому что не могла ничего сделать. Так скажи, какой смысл продолжать вариться во всем этом говне, когда можно просто взять ребенка и уйти...

— Куда? — теперь я выплюнула вопрос, потому что с такого расстояния он мог ударить Вербова по носу.

— Да хоть в никуда... — голос его сел до хриплого шепота. — Но точно не в долги! За квартиру, в которой ты снова можешь оказаться со своим дорогим Кириллом. На няню у тебя деньги есть, а на съем нет?

Я вся сжалась — нет, мне хотелось оторвать этот чертов гранит от шкафчика, если уж не получится разбить его кулаками!

— Ты хоть понимаешь, какие это суммы? — только и нашлась я что сказать.

— Я-то понимаю, а вот ты не понимаешь, когда говоришь про сомнительный кредит за сомнительную квартиру. Ты не понимаешь, что в России в кредит ничего покупать нельзя. Просто нельзя... У тебя же никакой спины нет, что ты такое делаешь?

— Пытаюсь выжить, — выплюнула я, но в этот раз на гранит, потому что не могла больше смотреть Вербову в глаза.

— А жить не пыталась? Просто жить...

Ему понравилось буравить меня взглядом, поэтому он выплыл из-за барной стойки и развернул меня к себе. Хорошо, не схватил за подбородок — держал за плечи обеими руками, точно боялся, что я начну вырываться. Зачем? Я его не боюсь... Он из тех собак, которые лают, да не кусают.

— Ладно, Лиз... Не понимаешь денежные минусы, так пойми любовные... Жить с отцом своего бывшего — это же себя не любить... Лиза, — он чуть приблизился ко мне, но все равно я видела не только его глаза, но и все лицо. — Я не хочу форсировать события, но ведь есть шанс, что я решу проблемы жилплощади...

Он тяжело выдохнул.

— Как по-идиотски звучит... — Вербов опустил глаза. — Извини, я не умею говорить с женщинами красиво. Я вообще не умею говорить с женщинами... Не научили. Я тебя просто умоляю, да хоть на коленях... — И он снова сделал, что вчера: встретился коленками с полом, пусть и на сей раз с подогревом. — Ради меня проигнорируй сейчас своего Кирилла. Я понимаю всю ответственность, которую возьму на себя, если переселю тебя к себе с ребенком, и я понимаю, как тяжело тебе принять решение насчет меня из-за Любы. Но ради Любы не влезай в финансовые дела с ее отцом. Просто пойми...

Гриша поймал мои руки, только не поцеловал, а просто начал наглаживать, так и не поднявшись с колен. Точно и он теперь не мог смотреть мне в глаза.

— Я знаю, что давлю на тебя. Но, поверь, не с задней мыслью, честно... Просто то, что ты собиралась сделать с квартирной тяжбой — реально игра в свои ворота. Лиза, ты веришь, что я тебе не вру?

Теперь он запрокинул голову, чтобы видеть мое лицо, и я кивнула — снова раньше, чем подумала. Впрочем, я ничего и не думала, понимая, что думать мне стало нечем... Вся кровь от мозга отлила к рукам, которые Гриша продолжал греть в своих.

— Лиза, у Ленки есть пара пустых квартир. Они не сдают их. Вложились, когда рынок стоял. Она даст тебе ключи, если Кирилл попрет против собственного ребенка и собственного отца. Я тебе обещаю. Лена, она очень хорошая. Моему отцу несказанно повезло. И моим братишкам, что у них такая мама. А мне повезло, что ты пришла сегодня ко мне... Знаешь, мальчишки очень любят быть рыцарями... Ну, или Щелкунчиками и сражаться с мышинными королями... Год как раз крысы, вот некоторые и начали заранее крысячить... Но мы его башмаком, башмаком, верно?

— Ты не с Любой разговариваешь, — только и смогла выдать я.

Гриша поднялся и поднял мои пальцы к своим губам.

— Я разговариваю с Любиной мамой. Только эта женщина взрослых разговоров не понимает. Приходится быть с ней великим сказочником... Как тот, что был у Герды,

помнишь?

— Гриша, прошу тебя, прекрати...

Нет, не целовать мне пальцы, а говорить глупости... Но ему, наверное, показалось, что все наоборот, и он прижался теперь губами к моему рту, чтобы не слышать новых глупостей от меня. Да вся моя жизнь в его глазах — одна большая глупость.

— Лиза...

Здесь барная стойка была намного выше кухонного стола, но он все равно сумел усадить меня на нее, заставив снисходительно смотреть на себя сверху вниз.

— Лиза, а давай вы сегодня не пойдете домой? У меня в кабинете есть диванчик. Мне хватит...

Сейчас я могла стиснуть коленями только его грудь.

— Дед ждет нас. Мы не можем не прийти. И, знаешь, я не представляю, как смогу оставить его одного...

— У него есть сын. Пусть живет с сыном...

Пришлось зажмуриться от неоновых светов, лившегося из пытливых глаз.

— Ты не понимаешь, Гриша, ничего не понимаешь... Кирилл не будет за ним ухаживать, не будет... А один... Дед никогда не жил один, жена пылинки с него сдувала...

— Я его тоже должен взять к себе?

Я дернулась от такого дурацкого вопроса, да еще сказанного таким серьезным тоном.

— Что за глупости...

— Я и спрашиваю тебя — Лиза, что за глупости? У тебя своя жизнь, у него своя... прожита. И у него есть сын. Что воспитал, то и получил. И это Кирилла, а не твоя обязанность содержать отца. И вообще, пусть размениваются, если не хотят жить вместе. Это их квартира, это их проблемы, Лиза.

— Ты не понимаешь...

— Да, не понимаю! — вскричал Вербов. — Но я не хочу и не допущу, чтобы какой-то дед выступал преградой к моему счастью.

— Да с чего ты взял, что мы — твое счастье?

Я подалась вперед с твердым намерением спрыгнуть на пол, и Вербов помог мне, но рук с талии не убрал.

— Я так думаю, а время покажет. Лиза, оставайся у меня. Сегодня, завтра, навсегда. Ты — взрослая женщина, ты не обязана отчитываться перед посторонним мужиком...

— Знаешь, — я вскинула голову, чтобы не смотреть снизу вверх в чуть покрасневшее лицо Вербова. Мое, наверное, горело еще хлеще. — Посторонний пока у меня ты. А с Александром Юрьевичем я живу седьмой год. И он первым встал на мою защиту. Он сказал собственному сыну, что тот сволочь. Я не могу уйти просто так. И я не могу оставить его один на один с Кириллом, потому что Кирилл уже довел до могилы мать, а я хочу, чтобы у Любы был дедушка как можно дольше. Дедушка, которого моя дочь обожает. Моего отца она, увы, почти не знает. Так что, Гриша...

— Так что, Лиза, — перебил меня Вербов. — Бери-ка, дорогая, такси и езжай к Любиному дедушке. Поговори с ним откровенно о сокровенном. Без детских ушей, а потом возвращайся к нам с Любой.

Я раскрыла рот и не сразу сумела переспросить:

— В смысле? К вам с Любой...

— Ребенок болеет. Ребенок спит. Поверь, я могу сыграть роль безусого няня до твоего возвращения на пятерку с плюсом. Ваш разговор с дедом не для детских ушей.

— Я не хочу оставаться у тебя...

Вербов зажмурился. На секунду. Потом на другую — прикусил губу, а на третью уже сказал:

— Я привезу тебе ребенка по первому твоему звонку. Езжай и поговори. Я сейчас говорю абсолютно серьезно. Я тебя нахер уволю без выходного пособия, если узнаю, что ты взяла ипотеку. Поняла? Да ты и не возьмешь ее, потому что бухгалтерия не выдаст тебе справку о зарплате. Ясно?

— Ты мне угрожаешь, что ли? — с трудом выговорила я, не в силах ни стоять подле него, ни отступить. Под коленкой тряслась жилка. Он вытащил телефон и молчал. Минуту. Угрожающую минуту.

— Я взываю к твоему здравому смыслу всеми доступными мне способами, — он поднес к моему лицу свой айфон. — Машина будет через десять минут. Могу пока налить тебе для храбрости коньяка или водки.

Я по-прежнему молчала и не верила, что делаю это... Вышибаю стул, на котором сижу. На котором сижу вместе с Любашей.

— Ну, так коньяк или водка?

Глава 4.6 "Лиза, чего ты боишься?"

Во всем и всегда виноват французский коньяк. Я впервые не могла молчать в такси — нет, я не собиралась излить душу таксисту и полагаться на общественное мнение. Мне надо было с кем-то поговорить, а говорить было не с кем... Говорить о сокровенном. Я не могла позвонить Лии — Вербов ее начальник, я не могу трясти его грязным бельем... А мое она уже все видела... И я набрала мамин номер.

Мы редко откровенничали за чаем. Ни в детстве, ни в мои нынешние краткие визиты домой. И почти никогда не говорили о самом главном. Не было нужды. Выговориться мне потребовалось только тогда, когда стало действительно плохо... И я начала названивать домой. По телефону, не видя маминых осуждающих глаз, было значительно проще говорить о том, о чем следовало бы промолчать.

Я рассказала маме все — все, начиная с вечера пятницы. Про мои терки с начальством из-за удаленки она уже знала. И что услышала в ответ — переезжай к нему. Мама, ты серьезно? Ты в своем уме?

— Мама, ты понимаешь, как это будет смотреться со стороны? Что я цепляюсь за его положение...

— Я тебе сейчас скажу, как смотрится со стороны твоя сегодняшняя жизнь! — вдруг повысила голос мама.

Да так сильно, что я невольно отдернула от уха телефон. И посмотрела в зеркало заднего вида — нет, водитель не смотрит на меня. Да и вообще мне впервые было плевать, что обо мне подумает незнакомый человек, пусть хоть все кости на кухне потом перемочет...

— Все мои подруги спрашивают: твоя дочь действительно дура или ты просто нам не все рассказываешь? И я говорю им — да, дура. Не знаю, как такую воспитала. И тебе говорила и снова говорю, что ты дура. И будешь еще большей, если упустишь свой второй шанс. Он даётся единицам! Лиза, мужика не оттолкнул чужой ребенок...

— Вот именно, мама! Баб вокруг без всякого хвоста пруд пруди. Зачем ему сдалась я со всеми моими проблемами? Сказок не бывает. Я не верю в такое рыцарство или...

Мама молчала, требуя, чтобы говорила я.

— Ну пусть так... — язык бежал впереди мыслей. — У него есть дочь, так что ребенок для него действительно не проблема. Или наоборот он искал женщину с ребёнком и подвернулась я. Да и Люба, по всей вероятности, похожа на его Илону. Но где гарантия, что Люба не надоест ему после первого скандала? А она будет скандалить — она взрослеет... Чужой ребенок — это чужой ребенок. Он, видимо, обсуждал меня с соседкой. Она высказалась против и он согласился с ней... И тут же снова позвал меня на свидание... Мама, я не понимаю, что происходит. Просто не понимаю...

— Лиза, ты никогда меня не слушала, но послушай сейчас. Ты не одна, у тебя есть мы. У тебя всегда есть возможность уйти. Но вот возможность куда-то прийти дается не каждой и уж точно не каждый день. Иди, пока тебя зовут на свидание...

— Мама, у нас с ним даже ничего не было, а он уже все решил...

— Но ведь будет... Ты молодая, красивая... Когда, если не сейчас? Потом поздно будет. И точно никто не посмотрит на тебя.

Ну как до неё достучаться? Ей главное, чтобы у меня был мужик да ещё лучше, чтобы при деньгах!

— Мам, он честно какой-то странный... Ну вот честно...

— Лиз, может ты наконец нормального мужика встретила? А не странного. Может, тебе наконец повезло? Может, нам всем повезло, что рыцари еще остались. При деньгах и благородные. Может, ты выстрадала наконец простое женское счастье? — вещала мама мимо моих ушей. — Лиза...

Это не были вопросы, в мамином голосе слышалось утверждение, а в моем едва сдерживаемые слезы.

— Мама, это какое-то сумасшествие, — едва выговорила я и переложила телефон в другую руку, чтобы пальцами правой промокнуть глаза.

— Иногда надо сходить с ума, чтобы не тронуться умом. А ты тронешься... С Кириллом и его папашей...

— Мама, не надо так про Александра Юрьевича... Пожалуйста, не надо.

— Даже не проси меня менять мое мнение, — как обычно, встала на дыбы мать. — Я никогда не прощу ему, что он не отпустил тебя домой...

— Тогда бы я не встретила Лию, не пошла бы работать и не познакомилась с Гришей... — теперь перебивала я, но совсем не твёрдо. — Мама, мне страшно! — наконец выкрикнула я то, зачем звонила.

Не последовало даже самой краткой паузы.

— Лиза, ты столько всего пережила. Неужели тебе все еще страшно? — в мамином голосе слышалось неприкрытое удивление. Или даже раздражение.

Она что, серьезно так думает? Я не сильная, я слабая... Слабая в отношениях. Меня, как женщину, растоптали...

— Мама, я не хочу разочаровываться. Во второй раз. Я не открою свое сердце в

третий. Не открою... Просто не смогу.

Господи, я плакала и не утирала слез.

— Лиза, включи для начала голову, — мамин голос звучал абсолютно ровно. — Ты в тупике. Ты загнала себя в тупик и не прошибешь эту стену. Надо просто развернуться и пойти по другой дорожке. Ждут тебя там или нет — это уже вопрос десятый. Но я поклонюсь в ноги этому Грише, если он уведёт тебя от Каменцевых. Мне больше от него ничего и не надо...

— А мне надо, мама, надо! Я не хочу, чтобы меня снова бросили. Не хочу... И Любу. Зачем ей такая травма? Она уже к нему привязалась.

— Поэтому будешь прозябать одна, да? И ухаживать за чужим стариком. Потрясающе!

Боже, в мамином голосе слышались Гришины нотки. Оба отчитывали меня, считая полной дурой...

— Лиза, ты очень красивая. И я говорю это тебе не потому, что я твоя мать, а потому что так оно и есть. Пользуйся тем, что дала тебе природа.

— Мама, на что ты меня толкаешь?

— Я? Тебя? Ты, кажется, сама побежала к этому мужику, стоило ему пальцем поманить, и теперь ломаешься. Чего ты испугалась?

Я сидела с закрытыми глазами и шмыгала носом. Чего испугалась? Себя. Я не знаю, как нравиться мужчинам. Я не знаю, как поддерживать интерес к себе. Господи, да я не знаю, что делать в постели. Я забыла... И никогда не знала, боясь лишний раз вздохнуть с картонными перегородками в квартире. Он ведь будет сравнивать меня со своей Ульяной... В умении готовить блины уж точно! А в остальном... Ему ничего не стоит взять женщину, которая знает, что ему может понравиться... Да хоть каждую ночь новую! Зачем ему я?

— Мама, ты просто не знаешь, что такое строить отношения, имея ребенка от другого мужчины, — прекратила я разговор по собственной воле. — Спасибо, — это я бросила уже таксисту вместе с деньгами и поспешила в подъезд.

К лифту. Подниматься по лестнице не было сил. У меня тряслись коленки. Точно на допрос иду. Ну почему я так нервничаю? Я ведь ни в чем не виновата...

Глава 4.7 "Неродная родная кровь"

Я сидела на кухне. Чужой — даже не знаю, как это поняла. Точно рычажок переключили: не знаю, кто: Гриша ли со своими призывами к здравому смыслу, мама — с желанием, чтобы у меня наконец появился мужик, или я сама с пониманием, что у меня нет сил на войну с Кириллом. Откупиться — но откупаться придется не один год. И все эти годы я буду прикована к оформленным на мое имя квадратным метрам. Боже, я, кажется, превратилась в транслятор мыслей ГАВа. Нет, это и мои мысли, просто другого выхода до появления Вербова я не видела. Но и Вербов не выход. А как же дедушка Саша? Родной — это же не только кровь, родная кровь скорее мешает. Порой...

— Александр Юрьевич, — голос дрожал, но я прикусывала язык, чтобы взять себя в руки. — Я просила у Кирилла отсрочку не из-за денег, а чтобы разобраться в личной ситуации, — вертелась я ужом на сковородке, подогретой недоверием бывшего свёкра. — Вы же помните, с чего все началось? С желания Кирилла, чтобы мы уехали. Возможно, мы уедем, но не в Ижевск. Мы будем в городе и будем к вам приходить...

Я замолчала, не в силах больше, как выразился Вербов, форсировать события.

— Но мы всего три месяца знакомы, — я не врала, но все же передергивала факты от полной безысходности. — Мы вместе работаем, — Не буду говорить, что работаю на него. — Он разведен и дочь с матерью живут в другом городе. — Не стану говорить: в другой стране. — Они с Любой нравятся друг другу, но вы понимаете, что еще рано говорить о чем-то серьезным, а Кирилл настаивает на деньгах... Но, кажется, ему просто до сих пор хочется, чтобы я уехала и не мозолила ему глаза. Вот съеду от вас, и он успокоится. А если нет, то... — теперь голос начал дрожать, как и веки, как и ресницы. — Мы сможем разменять квартиру, я вам помогу...

Я вру, но что мне делать... Нет, не вру, я действительно не брошу старика... Который не бросил меня и сутками работал, чтобы купить мне лучшие фрукты.

— Помогу купить однокомнатную квартиру. А Кириллу отдадим деньги за его долю. Может, ему действительно нужны деньги.

Господи, ну нельзя, чтобы старик окончательно разочаровался в сыне...

— У нас все получится, — голос звучал твердо, но внутри все дрожало. — Только верьте в меня! Пожалуйста!

Так нужно, чтобы кто-то в меня поверил. Сказал, что у меня все получится. Пока все только грозятся отобрать у меня последнее! Даже тот, кому я якобы нравлюсь, то лижет руки, то облаивает, как настоящий пёс. Не хочется употреблять другое собачье слово... Хочется, чтобы он действительно оказался рыцарем.

Александр Юрьевич по-прежнему молчал. Я смотрела на него и держала дрожащую

губу прикушенной: как же он сдал! Даже, кажется, с утра.

— Кирилл сказал, что ты не даёшь ему видеться с ребёнком.

Голос глухой, сухой, как после кашля. Я откинулась на спинку стула — взять лишнюю секунду на размышление над следующей фразой.

— Сегодня он первый раз после дня рождения заикнулся о желании увидеться с дочкой, чтобы вручить Любе подарок. Возможно, в другое время я бы не воспротивилась. Но сейчас, когда она начала привязываться к Григорию, я не хочу ее тревожить общением с отцом.

Хотелось сказать — с биологическим, но это прозвучало бы слишком грубо. Сказать «с настоящим» я не могла по другой причине: Кирилл никогда не был Любе настоящим отцом. Поэтому я одним словом констатировала факт его отцовства. Папой он не был тем более. Это «слово» вообще отсутствовало в Любашином лексиконе.

— Поймите, — повысила я голос, хотя Александр Юрьевич не собирался ничего говорить. — Это во благо ребёнка. Она маленькая. И если это шанс подарить Любе полноценную семью, я не хочу его упускать. Я знаю, как вам обидно...

— Ты не знаешь, — перебил меня бывший свёкр. — И дай бог, никогда не узнаешь. Я желаю тебе счастья и не хочу тебе мешать. Но и не знаю, как помочь. А квартира... Ну, честно, неужели ты думаешь, сын станет со мной судиться?

Я ничего не знала. И не хотела знать. Верить Кириллу у меня не получалось.

— Все будет хорошо, — ответила я сразу на все вопросы, заданные и пока еще нет. Особенно те, что обитали в моей голове, озвученные в разговоре с матерью и проглоченные вместе со слезами.

Новый год, все должно быть новое, а плохое по-новому — это определенно что-то хорошее.

— Ты будешь продолжать вот так вот бегать от Кирилла?

Я не подняла глаз, теребила в конец измятую кофту. Бегать? О, да — именно этим я занималась целый день. Да что день — я полгода, как заведённая юла, бегала по кругу. Я отключала нервы, а с ними отключились и мозги. Лия говорила — езжай к матери, успокойся. Нет, мать бы меня завела ещё больше и никуда б не отпустила. И дед, он не жилец, если будет один. Так нельзя. Он мне больше не родственник, но он родственник Любы на все времена. Почему окружающие этого не понимают?

— Нет, конечно. Просто не хочу портить ребенку праздник.

— А как ты заберёшь сегодня Любу? — спросил ее дедушка, согласно кивнув на мой предыдущий ответ.

— Сейчас Григорию позвоню. Он привезёт.

— Ты бы ужин приготовила...

Я машинально оглянулась на плиту, потом на холодильник. Затем представила себе Вербова на двухметровой кухне. Нет...

— Это не очень хорошая идея, — почти что вспыхнула я.

— Ты меня стесняешься? Я уйду к себе, — и Александр Юрьевич заранее поднялся.

— Нет, что вы! — я тоже вскочила. — Тут наоборот. Ему будет дискомфортно. Вы все же не мой отец...

Секундная пауза. Или всё-таки мы молчали больше минуты, глядя друг другу в глаза? Идиотская ситуация — мама права — жить с бывшим свекром, но ведь столько лет в этом был какой-то смысл. Почему же это так напрягает сейчас?

— А что он почувствует, если ты заберёшь у него ребёнка через порог и захлопнешь дверь? Ты должна пригласить. А дальше хозяин — барин. Иди готовь ужин.

И он ушёл, жутко шаркая. Намного громче обычного. Я достала телефон, но побоялась звонить. Послать эсмэску или все же проверенное сообщение в соцсети? Слишком много нового на сегодня: я открыла ВКонтакте и по ошибке ткнула пальцем в сообщение от Лии, которое второй день игнорировала, не чувствуя в себе силы делиться сокровенным про ее босса. Сейчас из ее сообщения вылез скрин нашей коллективной фотографии и ее подпись: товарищи протрезвели, комменты подчистили, но Гришка все равно мог увидеть.

Я увеличила фотку — все цивильно: Дед Мороз Снегурочку даже за ручку не держит. Опускаю глаза к комментариям: в любых ты, душечка, нарядах хороша — а без них ещё лучше — главное, держать под замком и никому не показывать — ну да, бонусом шла к фирме...

Я чуть не шарахнула телефоном о стол. Но вовремя одумалась. Твою ж мать! Теперь понятно, откуда ветер дует... Может, Гришка ничего и не увидел — он в сети не сидит, теперь я точно знаю — а вот кому-то я ленту точно испортила! Аж с подарком подсуетился. Но зачем?

Я написала Вербову, что он может привезти ребёнка в любое время. Ответ пришёл лишь через пятнадцать минут, за которые я пару раз порывалась ему позвонить:

— Извини, мы обедаем.

— Где?

— Напротив дома. Люба сразу проснулась, как ты ушла. Можно мы через часа два приедем? Я тут кое-что пообещал ребёнку.

— Что?

— Ты ругаться не будешь. Ну, может, если совсем чуть-чуть, но неприятность эту мы переживём. До встречи и не звони мне. Не отвечу.

И чертика прислал. Хорошо, не губки! И ты, Брут? Вы меня сегодня до белой горячки довести хотите? Зима на дворе, кажется. Пусть и без снега.

Глава 4.8 "Новогоднее настроение"

Я не подсыпала отравы в еду, но пробовать собственную готовку не хотелось. Как и вспоминать йогурт с мёдом. Сколько килограмм я сегодня сожгла и нервов, не хотелось даже прикидывать. Я стояла у окна, вжав ладони в холодный подоконник и при этом чувствуя ногами жар от батареи. За окном тьму прорезали одинокие фонари. Я чувствовала себя одним из них. Где-то там в бескрайнем темном городе была моя звездочка с одним офонаревшим мужиком, который удосужился все же прислать сообщение, что опаздывает минут на сорок. Я зависла над экраном телефона, не зная, что послать ему в ответ. Хотелось просто послать и грубо — что он себе позволяет, но я спросила: где вы? — и не получила ответа.

— Александр Юрьевич, они обедали, а может быть даже ужинали. Пожалуйста, идите поешьте? — заглянула я после стука в комнату свекра.

Это был не совсем вопрос, скорее — приказ. Хоть кто-то должен меня слушаться!

— А ты?

А я не в состоянии проглотить даже корочку хлеба, которую отломила от буханки. Да что же мне так везет на засранцев?! Звук уведомления заставил меня подпрыгнуть вместе со сковородой — хорошо, не выронила ни картошку, ни рыбу, это все, на что хватило моей усталой и замученной за последние полгода фантазии. С большим трудом я брякнула сковороду на подставку и схватила телефон. Нет, всего лишь Степанова с очередным, слишком уж настойчивым, предложением присоединиться к их новому столу.

— Ты не успеваешь с готовкой? — нагрубила я. — Я могу настрогать тебе Оливье...

Отправила и лишь затем прикусила губу.

— Лиза, я серьезно.

— Я тоже. Спасибо, но я буду с дедом.

— Так я и его приглашаю. Думаешь, трех стульев не найдем?

Да, в этом вся Лия — не поймешь, где шутит, а когда серьезно говорит.

— Мне не до улыбок. У меня Кирилл активизировался... Только не спрашивай ничего, я не хочу его обсуждать...

— Козел. А я думала, что это ты сообщение про Гришку проигнорировала...

Она еще что-то печатала, но я успела отправить свой ответ прежде, чем ее текст увидел свет в моем ящике:

— Извини, мне ребенка кормить.

И Лия стерла продолжение своего сообщения.

Черт, неужели Каменцев увидел фото и прочитал комментарии? Да пусть даже так, это же не повод вспоминать про ребенка! Зачем ему понадобилась Лиза? Расспросить Александра Юрьевича не получилось — я к нему и так и этак, со словами и без слов... Но либо дед не хочет говорить, либо ничего не знает. А самой строить предположения мне уже страшно.

— Спасибо, Лизавета...

Я даже не заметила, как деда Саша поел. Не удивлюсь, если две потеряшки действительно отправились ужинать: куда иначе они могли запропасться? Люба никогда ничего не клянчит... Не клянчила, потому что со мной такое не прокатывало, но Гриша же на все скажет — да. Это же в мужском характере покупать женщину любого возраста.

Теперь я схватила телефон с твердым намерением позвонить — и пусть только посмеет не ответить на мой звонок. Черт возьми, он взял чужого ребенка! Я, мать-дура, отдала ребенка человеку, которого знаю три дня — офис не в счет. Может, у него там деловая встреча нарисовалась и он потащил ребенка черти куда к черти кому... Не просто же так попросил не звонить. Не из-за капризов дочери же решил пойти со мной на конфликт? Только бы не потащил ее к кошкам. А она ведь просилась туда у него с утра...

Боже, Кирилл, какого черта ты притащился именно сегодня?! Этих двоих нельзя оставлять одних!

Я уже почти нажала на кнопку вызова, как сработал домофон. По моему вопросу «кто?» было все ясно, поэтому Вербов молча подтолкнул ребенка к диалогу с матерью. «Это мы» — интересно, кто это «вы» и с каких таких пор это «вы»?

Я нарочно не пошла открывать им дверь. Вернее, открыла замок и приоткрыла дверь, но решила не работать для них швейцаром. Александр Юрьевич успешно ретировался к себе в комнату и закрылся там, сказав, что не хочет нам мешать.

— Мама, это тебе!

Ребенок вручил мне огромный букет красных роз. Это они лишние сорок минут за цветами в очереди простояли? Или... Искали цветочек аленький? Я как-то в момент вспомнила про свою просьбу к Деду Морозу.

— Чтобы не ругалась, — добавил его внук.

Я не успела спросить, на что? Потому что Люба выдала:

— Мы елку купили.

— Что?

Переспрашивать было глупо, потому что елка уже вошла в прихожую раньше Вербова. Он явно прислонил ее к стене на лестничной площадке, когда запускал в квартиру ребенка в расстегнутой куртке. Цветы в руке — это, чтобы я в глаз ему не дала?

— Извини, я знаю нормальный елочный базар только в Новой Голландии.

— Зачем? — только и смогла выдать я, глядя на довольную физиономию Вербова, высывающуюся из-за колючей макушки. Наверное, он сейчас такой же колючий, но целовать я его не буду по другой причине: я не просила у него елку! Не я просила... Неужели Люба?

— Для новогоднего настроения. У вас же нет живой елки. А искусственные не пахнут.

— Купил бы свечку! — вырвалось у меня.

— Сказал же, что будешь ругаться... Не ругайся, такое дело... Скажи лучше, куда поставить... И... На выбор, либо елку подержи, либо шнурки мне развяжи...

Я раскрыла рот, но к счастью не лишилась дара речи.

— Я лучше потом пол помою, — ответила я, не в силах сдержать улыбки. Боже, Вербов, ну как тебе это удастся?!

Я открыла ему дверь в свою комнату, где на тумбочке у окна стояла искусственная елка. Ставить настоящую было некуда, и Вербов понял это с первого взгляда.

— Я бы тебе сказала заранее...

— Безвыходных ситуация не бывает. Поставим на кухню...

— Издеваешься сейчас, да?

— Нет, предлагаю выход из безвыходной ситуации. Какие у тебя будут варианты — обсудим. Они у тебя всегда имеются...

Это он меня сейчас подколот или наоборот подчеркнул, какой я ценный работник?

— Ты лучше знаешь этот регион, — и он обвел свободной рукой комнату.

Хорошо, не спросил, где я сплю. Все убрано — стерильная чистота.

— А больше нигде нельзя ее поставить? — спросил Вербов совсем потерянным голосом, не получив от меня никакого ответа.

— Подожди. Я спрошу.

Комната свекра была больше, но это была его территория, и я даже на Новый год не собиралась на нее вторгаться. Сейчас же вынужденно постучала, и мне тут же открыли.

— Александр Юрьевич, можно к вам елку поставить?

Он обернулся на свою комнату растерянно. Место было, если втиснуть дерево между сервантом и шкафом. Или если поставить напротив окна, рядом с телевизором и чуть-чуть оттащить к двери диван.

— Конечно.

Но для начала пришлось их познакомить. Колючей оставалась только елка, эти двое без лишних разговоров пожали друг другу руки. Не знаю, вспотели ли ладони у Александра Юрьевича, но в сухости рук Вербова я не сомневалась.

Елка была в горшке, так что поставить ее проблем особых не составило, как и оттащить диван.

— А сейчас я схожу в машину за игрушками.

Боже... Гриша, что ты делаешь?! И что не делаю я — не раздеваю ребенка, который носится по квартире в куртке — хорошо еще Люба про обувь не забыла бесшнурочную. Глаза чуть-чуть потухли, когда елка не поместилась в нашу с ней комнату, но Любу все равно можно было как светящуюся звезду или ангелочка сажать на елку без всяких игрушек.

— Ты зачем выпросила у Гриши елку? — сорвала я с нее шапку.

— Я не просила елку. Честное-пречестное.

— Лизавета, зачем ты на ребенке срываешься? — свекор стоял в дверях своей комнаты, которую делил теперь с елкой, и смотрел на меня осуждающе.

Я срываюсь? — светился негодованием мой взгляд. Или Александру Юрьевичу просто неприятно присутствие в квартире Гриши, вот и нашел, к чему придраться.

— Ну, вы сами, надеюсь, справитесь с гирляндой и шариками? — спросил Вербов, протягивая мне объемный пакет. Через порог.

— А ты не останешься? — в мой голос так и не вернулась мягкость. — Я ужин приготовила. Или вы поужинали?

Секунда замешательства — или он просто смотрел мне в глаза и искал оставшееся в них тепло.

— Мы к тебе спешили. Нервничали. Голодали. Но я не хочу мешать. Завтра ходим куда-нибудь после елки. А сейчас я пойду.

— Я ужин приготовила, — повторила я не мягче, а еще более твердо.

— Лиз, я бы с удовольствием, но здесь я лишний, — нагнулся он ко мне, чтобы говорить шепотом. — Я не люблю быть лишним.

— Ты не лишний, — я тоже шептала. — И Александра Юрьевича я уже покормила. И они вместе с Любой нарядят елку.

— Ты действительно хочешь, чтобы я остался? Только скажи, и я останусь.

— Да, хочу.

— А что с моими шнурками?

Я машинально опустила взгляд к его ботинкам. Обтопанным явно Любой.

— Не маленький. Сам справишься. Я тебе сейчас тапки дам.

— Только не тапком, ладно? Я действительно хотел, как лучше... Елка пахнет, чувствуешь? И в машине у меня теперь пахнет Новым годом...

— Как ты впихнул туда елку?

Я протянула ему тапки, он сунул ботинки под скамеечку.

— Переставил автокресло, разложил оба сиденья... Мне предлагали доставку, но мне хотелось прийти к тебе с елкой сегодня. Мне хотелось прийти к тебе с праздником.

— Боже, цветы... Я о них забыла.

Быстрее на кухню, поставить розы в воду... Они явно подарены от всего сердца.

Через пять минут мы уже сидели за столом втроем, через десять — вдвоем.

— Поговорили?

Я опустила глаза:

— Поговорили. Но ни к чему не пришли. Кирилл и отцу сказал, что ему, типа, нужен ребенок. Но моему ребенку такой отец не нужен...

— Лиз... — Мне пришлось поднять глаза. — А как Люба к нему обращается?

— А никак... — я закусила губу, не понимая, почему мне стыдно за Кирилла. — Люба слишком мало его видела, чтобы как-то его называть. И она не спрашивает о нем, и меня это более чем устраивает... Ты зачем сейчас спросил?

Вербов отвернулся со странной улыбкой и ответил, глядя на стену, у которой стоял обеденный стол — всю увешанную детскими рисунками.

— Да тут Илона выдала: у меня есть папа и есть дэдди. Правда, она в обратном порядке сказала. Я все-таки у нее на втором плане... И теща еще масла в огонь подлила, требуя, чтобы Илона говорила со мной исключительно по-русски, так она теперь вообще со мной говорить не хочет... Я ей пытался сказки на ночь читать. Говорит, ей неинтересно — думаю, она просто половину слов не понимает. Попытался по-английски читать, так Илона тут же заявила, что меня невозможно слушать и по-английски она может спокойно читать сама. И вообще она уже не маленькая, и я могу ей не звонить каждую ночь. Даже сейчас, когда она только с бабушкой, Илона отказалась со мной говорить. Сказала, у нее важные дела... Я не думал, что это произойдет так скоро. Что папа ей станет совсем не нужен. И мне кажется, я уже никак не могу повлиять на ситуацию...

Он говорил не для меня. Он говорил для стены. Просто высказал вслух, что носил в себе. Предложить выпить я ему не могла. Если только чаю.

— Чай хочешь?

Вместо ответа Вербов резко поднялся.

— Я лучше пойду. Завтра хочу в восемь в офисе быть. Ты возьми такси до театра. Я подъеду уже туда и буду с вами до вечера.

Он задвинул стул, сделал шаг к двери, но вместо того, чтобы выйти в коридор, наоборот закрыл дверь и резко обернулся: на нем не было лица. Вернее, была маска — страшная.

— Лиза, — он схватил меня за плечи. Достаточно сильно и достаточно неприятно. — Ты только не подумай, что это из-за твоей дочки. Я о ней не знал больше месяца, пока не стал выяснять, какого черта ты работаешь из дома. Хотя вообще-то выяснял немного другое, свободна ты или нет. Я был уверен, что нет, и был готов отбить тебя у него. А ребенок... Это не главное. И ни в коем случае я не ищу в Любе замену Илоне. Лиза, но я могу стать для нее отцом и если ее надо отбить у Кирилла, я сделаю это...

Я дернулась, но свободы не получила.

— Ты ее покупаешь, тебе это не кажется? — откинула я голову, чтобы видеть его лицо.

— Любовь... — он выдержал паузу, чтобы я не думала, что он говорит о Любе, — нельзя купить. Ульяна отказалась от всего, что я ей давал, ради мужика, у которого, по хорошему, за душой ни гроша. Она точно зарабатывает больше него. Я даже не купил Любе подарок на Новый год. Скажи, что она хочет? Я уже знаю про платье, которое появится под елкой ровно в полночь. Что еще?

— А почему ты должен что-то ей дарить? — я выдержала долгую паузу, но так и не получила ответа. — В Новый год подарки дарит Дед Мороз, а ты не дед... Не надо ничего дарить.

— Жестокая ты женщина, — по губам Вербова скользнула улыбка. — Я ведь все равно подарю. И ты будешь мучиться с моим подарком, как с елкой.

Я машинально подняла руку к колючей щеке, и Вербов отпустил мои плечи, чтобы прижать мои пальцы еще сильнее. Щека оказалась не колючей, он побрился еще раз.

— У моей дочери действительно все есть.

— Кроме папы?

Теперь молчала я.

— Не надо об этом... Это очень больно... — вырвалось у меня, как в разговоре с матерью. — Терять... Когда только нашел.

— Лиза, мы только нашли друг друга... О чем ты говоришь? — он не смеялся, это горький смешок сам прорвался в его речь.

— Чтобы ты не торопился с моим ребенком.

— Да я и с тобой не тороплюсь... И даже не говорю тебе, что ты прогуливаешь завтра рабочий день...

— Я попрошу отгул...

Он покачал головой и переместил мою ладонь себе на губы.

— Тогда возьму больничный. По уходу за ребенком. И снова отведу ее к волшебному доктору. Гриша, что ты делаешь?

Я попыталась отнять ладонь от его губ, но он в отместку еще и языком ее тронул. Господи, что он со мной творит...

— Поставил подпись и печать на твоём заявлении.

Он потряс нашими сцепленными пальцами в наэлектризованном воздухе.

— Но я никуда тебя не отпускаю... От себя.

— Не дари ничего Любе материального, ладно? Обещай. Ты уже подарил ей елку: и живую, и театральную.

— Понял. Не дурак.

Дура я, что как идиотка улыбаюсь. Но ничего не могу с собой поделать. Мне хорошо, и я не хочу, чтобы Гриша уходил. Но суровая действительность не спрашивает моего на то разрешения. Как дожить до завтра? Я в детстве, наверное, так не ждала елки...

Глава 5.1 "Елочный папа"

Гриша ушел, но оставил в нашей квартире свой запах — за ночь, которую я впервые проспала без задних ног, ёлка напоила воздух лесным ароматом даже в кухне, или это мой нюх раздражило излишнее количество мужской туалетной воды.

— Лизавета, можно с тобой поговорить?

Я уже поставила яичницу с овощами на стол, потому нашему завтраку ничего не грозило. Впрочем, Александр Юрьевич не выглядел слишком грозным. Я кивнула и приготовилась слушать, надеясь, что не придется ничего выслушивать.

— Что ты собралась делать на Новый год?

— В новом году? — переспросила я, уверенная, что свёкор из-за нервов перепутал предлоги. Что мы делаем завтра, он знал прекрасно: оливье, как и все.

— Я про завтрашний вечер.

— А что такое?

Я не собиралась вставать в позу руки в боки, я просто не знала, куда деть эти самые руки.

— Григорий приходит сюда или ты идешь к нему? Я просто хочу знать, — добавил Александр Юрьевич быстро, точно запыхался. Наверное, от мысленного хождения по кругу.

— Ни одно, ни второе. Если бы мои планы на НГ изменились, я бы сказала вам это не в последний день. Новый год мы встречаем втроем: вы, я и Люба. Что вас не устраивает?

— Не устраивает быть лишним, — выдал Александр Юрьевич глухо. — Ты не должна из-за меня жертвовать праздником. Люба большая. Я могу остаться с ней...

— Александр Юрьевич! — почти закричала я. — Я ничем не жертвую. У Григория свои планы, у меня свои...

— Лизавета, хватит! У вас не могут быть разные планы. Это все из-за меня, — я заметила, что у него трясутся руки. — Ты не хочешь, чтобы я чувствовал себя одиноко или не доверяешь мне внучку — одно из двух.

— Хорошо! — я закричала, да так громко, что к нам прибежала Люба в пижаме. — Я приглашу его к нам. Но у него есть родственники, к которым он собирался. И к которым не собиралась я. Я прошу вас успокоиться.

Мне бы самой для начала успокоиться. Ложь во спасения совсем не ложь. И на самом деле я понятия не имею, что собирается делать Гриша — не смотреть же с кошками

обращение президента? Может, он действительно ждет от меня приглашения. Будь что будет. Я все равно уложу Любу спать в первом часу, если она вообще досидит до полуночи, а потом можно пойти погулять или остаться в кухне. Дед тоже пойдет спать. Другое дело — надо ли все это Грише? Может, с кошками ему спокойнее?

Я ждала его перед входом в театр, точно на свидании, хотя и понимала, что зря морожу ребенка. Он же позвонил и сказал, что в пробке и чтобы мы его не ждали. И я уже даже ходила к билетерше с электронным билетом сообщить, что наш папа задерживается, но у него есть электронная копия. Так и сказала — наш папа. И получила от Любы удивленный взгляд.

Пришлось присесть подле нее и сказать, что людям долго объяснять, кто такой Гриша. Хорошо, что она не попросила объяснить хотя бы ей — я бы не смогла.

— И зачем ты меня ждала?

На этот вопрос у меня тоже не было ответа. Хотя он был написан на довольной физиономии Вербова. Потому что ты этого хотел! Уверена, ехал и гадал, дождётся, не дождётся. Дождалась, кажется... И впервые я не провожала глазами родительские парочки.

— Просто знала, что ты все равно успеешь, — улыбалась я, выкручиваясь из его объятий. Благо мной у него была занята всего одна рука. Да, жаль, что он не спрут... Впрочем, душить в объятьях умеет и одной щупальцей. От него снова пахло елкой, праздником и чем-то очень желанным, но пока запретным. Но ведь нет ничего лучше ожидания праздника. А нас уже явно заждались. Первый звонок дали давно.

— Успел ваш папа все-таки, — улыбнулась билетерша, сканируя штрих-коды с моего телефона.

Я ответила ей улыбкой, но малость затравленной. Конечно, краснеть нет никакой причины — бабушки в жабо всем так говорят. Краснеть следует, когда открывает рот собственная дочь:

— Ты — наш папа? — и задрала голову с белым бантом.

Вербов кивнул раньше, чем я моргнуть успела. Но ведь ничего не сказал, и я успею...

— Если хочешь, называй меня папой...

Не успела.

— Хочу!

В фойе театра жуткое эхо или это Люба закричала от радости? Мы должны бежать в зал, пока не закрыли двери, а мы стоим и никуда не идём. Или куда-то уже пришли. К чему-то... К точке невозврата?

— Люба, мы опаздываем.

Он взял за руку ее, не меня. И пошёл вперед. Это их ёлка, а я так... Просто мама... Которую даже необязательно хотеть иметь. Она же всегда здесь и никуда не денется. А вот дядю надо держать двумя руками, а то вдруг еще передумает быть папой...

— Поторопитесь, пожалуйста! — это меня уже подгоняла служащая театра.

А Вербов все же подождал меня с билетами в дверях. Хотя знал же, что первый ряд, и в нем сейчас только три свободных места. Я села первой. С краю, чтобы Люба оказалась посередине, но рядом со мной сел Вербов.

— Там ребёнок сзади, — предупредил он мой вопрос.

Успел даже зал осмотреть — да, реакция у него куда быстрее моей. Он вытащил телефон, я — тоже, но не спешила выключать, заметив, что он что-то слишком быстро печатает. А вдруг мне? Так и есть:

— Не сердись. Хватай за хвост удачу. Потом бы долго искали слова, как объяснить про нас ребёнку...

Получив первую часть сообщения, я уже набрала ответ, путаясь в буквах, но он поймёт: она знает тебя три дня.

— Выключай телефон, — пришел ответ.

Я поймала его взгляд. И не выключила телефон. Наоборот встала и сфотографировала их с Любой. Он не сделал каменное лицо, хоть и удивился. И я впервые осталась довольна фотографией со смартфона.

— Прекрати злиться, — шепнул Вербов, когда я наконец спрятала телефон в сумочку. — Тебе не идет.

Я ничего не ответила и уставилась на сцену. Тогда он вынужденно взял мои пальцы в свои — мои горячие, его сухие, но теплые. Я не вырвала руку, хотя это и было первым порывом, но порывы на то и порывы, чтобы их вовремя душишь. Мама права: своим ерепеньем я только отпугну Вербова или спугну совсем, а из-за Любы этого делать нельзя теперь ни в коем случае. Он не маленький мальчик, он отец со стажем, пусть и отец на расстоянии. Предлагая ребёнку себя в папы, он, наверное, — надеюсь! — понимал, что делает. А я — я ничего не понимаю. Я впервые хочу платье... Надо было все же попросить его у Деда Мороза...

И хорошо еще, когда есть папа, который не только крепко держит маму за руку, но еще и следит за происходящем на сцене вместе с ребенком, потому что я не видела ничего: все кружилось перед глазами разноцветными пятнами. И это хорошо — до Вербова все было серым, беспросветно серым. Люба, конечно, улыбалась и до встречи с папой Гришей, но

сейчас, скача подле него зайцем, светилась, точно лампочка Ильича... Нет, Мороза... Гриша ее не одергивал, что давно сделала бы я. Я первым делом забрала подарок и теперь прижимала к груди, из которой выскакивало сердце. Только бы не растопить сердечным жаром весь шоколад. Так что я вернула коробочку Любе и сказала, что сама принесу одежду, а они пусть ждут у зеркала.

— А что мы в зеркале не видели? — заулыбался Гриша еще больше, хотя я не думала, что его губы способны растянуться еще сильнее. Он явно смаковал забытое с уходом жены местоимение «мы», но я снова в него не вписывалась. Я была той самой Бабой Ягой, которая всегда против. Против дурацких инициатив Вербова: как он меня с планерок не выгонял, не понимаю...

— Ну не в угол же вас ставить?! — сумела, кажется, парировать я, хотя и не собиралась соперничать с Вербовым в остроумии.

— Да, кажется, и не за что?

Нет, он привык, что его слово всегда последнее, и я молча пошла в очередь, на всякий случай держа наготове телефон: вдруг придет мне самую последнюю реплику. Не прислал. К счастью! Я не хочу думать про «последнюю». Он же сам сказал — это только начало. И начала чего-то хорошего, чего у меня никогда не было... Правда, сердце уже стучало так неровно семь лет назад, но никогда мою руку не оттягивали сразу три куртки. Только мужскую отдать было некому — Вербов стоял ко мне спиной, лицом — к банкетке, на которой с ногами стоял чужой мальчик. Он протянул ему руку и сказал:

— Это стул, на нем сидят...

Мальчик почти уже спрыгнул на пол, когда его с Вербовым рукопожатие разорвала куртка или пакет: я не увидела, что первым обрушила на них рассвирепевшая мамашка. За криками «не трогайте моего ребенка» последовало еще что-то, но я расслышала только ответ Вербова:

— За моего ребенка не переживайте. Он воспитан. Вас воспитывать я не берусь — бесполезно, а у вашего ребенка есть еще шанс быть воспитанным обществом, в котором еще недавно было принято ходить в театр в сменной обуви.

— Гриша! — довольно громко позвала я, и он, схватив Любу за руку, рванул ко мне шагом скорохода.

— Надо было смотреть в зеркало, — улыбнулся он, — а не по сторонам. Пошли. У меня аппетит разыгрался. Не пойму, почему бы это... Наверное, потому что мы пропустили обеденный перерыв. Но я знаю ресторан, где подают самую лучшую солянку в городе. Не знаю, в каком именно городе... Но там действительно вкусно, — и нагнулся к Любе. — Там и пельмени есть, не переживай. Я не буду заставлять тебя есть суп.

Ах, вот что они обсуждали у зеркала!

— Мы всегда в обед едим суп, — не промолчала я, застегивая на ребенке куртку.

— Сегодня не всегда. Сегодня, во-первых, понедельник, а, во-вторых, я впервые прогулял работу без уважительной причины.

— А какая для тебя причина уважительная?

Я смотрела на него с вызовом — с вызовом против воли, ведь приказала же себе быть с ним мягкой.

— Ну... — и дальше он просто подмигнул мне. — Я тебе скажу после солянки. И если ты не заставишь ребенка есть суп. Идет?

И мы действительно пошли. К машине. И садясь в нее, я вдруг увидела ту недовольную мамашку. Хорошо, что взгляд у меня тоже темный — ни на чьи косые не реагирует.

Глава 5.2 "Вот вам, Елизавета Аркадьевна, и сладкий пунш"

— Лиза, она умеет читать!

Вербов силой вырвал у меня из рук меню и вернул Любе. Даже прижал пальцами, чтобы я не вздумала забирать его вновь.

— И в меню есть картинки!

Вербов очень легко начал диктовать свои условия — нам, или во всяком случае — мне. Хотя мы сидели за обеденным столом, а не за столом переговоров. Впрочем, стол не круглый. И вообще постулат Гоши вечен — у мужчин, во всяком случае. Если он не сам будет решать, что станет есть моя дочь на обед, то уж я точно не получу от него права сделать заказ на суп. На секунду мне даже показалось, что это он так наказывает меня за упрек, который я ему выдвинула, когда Люба по его попустительству влезла на диванчик с ногами:

— Значит, воспитывать можно только чужих детей?

Чужих? Надо было сказать «посторонних», но Вербов понял меня правильно, даже без моего дополнения:

— А своих только баловать...

— Она разулась, разве нет? И для чего здесь стоит диван? Чтобы можно было чувствовать себя комфортно. А ребенку с болтающимися в воздухе ногами комфортно не будет. Еще остались вопросы? Или я предельно ясно объяснил свою позицию?

И тут между нами протянулась детская ручка. Она прикрыла пальцы Вербова — совсем по-женски, обалдеть! Откуда у нее этот жест? От женской природы?

— Почему ты кричишь на мою маму? Из-за меня?

Боже, слова ребенка легли бальзамом на мою истерзанную ревностью душу.

— Я кричу? — опешил Вербов. — Люба, извини... Лиза, тоже извини.

— Люба, он не кричит. Он просто привык говорить на работе очень громко.

— Но сейчас он не на работе...

— Давай, Люба, лучше выбирай еду, а то мы так и не пообедаем, — придвинулся к ней Вербов, используя все преимущества диваносидения.

А я сидела напротив на стуле, с мягкой подушкой, но все же стуле и через стол от ребенка, который еще пару дней назад был только моим, а теперь кто-то заявлял на него права, причем полные. Мне это не нравится? Скорее, я к этому не готова... Не была готова и вот сейчас в ускоренном порядке перенастраиваю свои нервы. Они дрожат — только бы не лопнули. Но один оборвался, когда Люба четко произнесла «папа»... Господи, Вербов, надеюсь ты знаешь, что делаешь... Будет жестоко и мерзко, если ты играешь моим ребенком в своих личных целях — психологических и сексуальных. Не надо впутывать ребенку в постельные отношения с его матерью. Если тебе надо только это, то я соглашусь без всякого «папы».

И вот когда Люба снова произнесла это новое для себя слово, я поймала на себе внимательный взгляд Вербова и только через секунду поняла, что он смотрит на официанта, который стоит у меня за плечом.

— Две солянки, пельмени, блины с лососем две порции, морс не холодный и два пунша. Один приготовьте, пожалуйста, без алкоголя. Это для меня.

А с алкоголем, значит, для меня — за спаивание немалолетних тоже не всегда по головке гладят.

— Папа, я хочу сушки.

— И сушки.

— Какие сушки? — наконец отыскала я свой голос, придавленный кирпичом слова «папа».

— Обыкновенные сушки или с маком, — это дал ответ на мой невопрос официант, и за меня ответил Вербов:

— Обычные, пожалуйста.

— Гриша...

— Ребенок хочет сушки, в чем проблема? — снова повысил он голос. — Лиза, в чем твоя проблема?

Это Вербов добавил уже, когда официант ушел. В чем? Да в тебе, милый, больше ни в чем. Не в сушках же, право!

Дизайн ресторана выдержан в советском стиле и залы напичканы всевозможными атрибутами быта века двадцатого. Потому и музыкальное сопровождение соответствующее: Мне говорят: он маленького роста. Мне говорят: одет он слишком просто. Мне говорят: поверь что этот парень. Тебе не пара совсем не пара... Только не та пара — это я. Зачем я ему в качестве пары? Ведь можно было просто переспать со мной... Или хотя бы сначала переспать, а потом уже навязываться в папы к чужому ребенку... Мне было больно потерять мужа, которого я любила, но я была почти взрослой на тот момент, а вот Любе потерять

«папу» будет куда больше — она еще не знает, какие люди жестокие лгуны... Вербов, ты ведь не можешь оказаться циником? Ведь не можешь...

— Я не знаю, Гриша... Извини. У меня нет праздничного настроения, вот и все...

— Нет, так сделаем. Не сделаем, так купим? Скажите, Елизавета Аркадьевна, где продается хорошее настроение? Я никаких денег не пожалею.

— Не сомневаюсь, — выдала я достаточно зло. Истратился ты на нас уже конкретно.

— И я не сомневаюсь, что ты заработаешь мне еще больше. Поэтому мне нужно обеспечить тебе здоровый дух прямо сейчас, а то мне начинает казаться, что это ты меня на дух не переносишь.

Взгляд злой — или мне уже всякие чертики везде мерещатся?

— У меня выходной, — слова давались с трудом, но я их произносила.

— А у меня прогул без уважительной причины. Я сбежал на свидание, а что получил? Промывку мозгов, а это уже больничным пахнет, а я завтра планировал работать полный день.

— Зачем? — я смотрела ему в глаза. Вернее, он не отпускал меня взглядом.

— А что мне еще делать? Заранее слушать по зомбоящику, что в будущем году будет лучше...

— Гриша, приходи к нам, — я это сказала! Он прав, надо ловить момент, а не искать слова, когда те не к месту и не ко времени. — Ты как Оливье любишь? С мясом, с курой или с колбасой?

Он не отвечал, молча смотрел мне в глаза, и от напряжения они у меня начали слезиться.

— С курицей. Не надо говорить по-питерски. Мы с тобой не совсем местные. Мы знаем нормальный русский язык. И не только его... По-молдавски это означает нечто другое. То, на чем сидят. Я долго не мог привыкнуть... Хотя дома у нас по-молдавски почти не говорили.

Напряжение только усилилось — он сейчас что-то расскажет о себе? Нет, ошиблась.

— Я целый день думал, как утащить тебя от домашнего Оливье... — выдал Гриша полусшепотом.

— Никак...

— Я это знаю. Я вообще люблю размышлять над нерешаемыми проблемами. Например, отчего вымерли саблезубые тигры...

— Ты придешь? — перебила я.

— А ты надеялась, что откажусь?

— Я надеялась, что ты согласишься.

— Я буду лишним...

— Папы лишними не бывают...

— Смотря какие... Во сколько мне прийти?

— После работы. К девяти, — попыталась улыбнуться я, но получилось лишь усмехнуться.

— Можно только поставить одно условие? — спросил и не стал ждать от меня даже кивка. — Я куплю и Оливье и все прочее. Я не хочу, чтобы ты пахала весь день ради... ребенка, который хочет сушек. Мне-то точно ничего не надо.

— Даже солянки? — это я кивнула на появившиеся на столе тарелки.

— Может, посидишь со мной в офисе? Тогда возможности готовить у тебя просто не будет...

— Гриша, в чем дело? Я не собираюсь устраивать разносолы. Я приготовлю то, что планировала приготовить...

— К черту еду! Ее всегда можно купить... Люба, — он вдруг повернулся к ребенку. — Отпустишь маму завтра на работу? Обещаю, я не буду на нее кричать. Отпустишь?

— Завтра вторник, — ответил ребенок спокойно. Ее вопрос, кажется, и не удивил совсем. — Мама ходит на работу только в пятницу.

И Люба уткнулась в пельмени.

— Не отпустишь, значит?

— Неа... — ответила она уже с набитым ртом.

Что за странный диалог? Что за странное желание видеть меня в офисе? Разве Оливье не важнее? У меня еще даже картошка не сварена.

— Ну вот... А я думал подарить маме хорошее настроение. А то она у нас и в новом

году такая злюка будет.

— Мама не злюка, это ты злюка...

Получил? Может, кому-то надо жевать, а не говорить. Солянка стынет.

— Ну, за мою фантазию... — Гриша вдруг поднял стакан с пуншем и толкнул доньшком верх моего. — Старею. Даже ребенок раскусил меня... — добавил он совсем шепотом. — Ну что поделать, не заслужил в этом году...

О чем он вообще? Я сделала глоток — обжигающий, как и его взгляд: только направлен он совсем мне не в глаза. Алкоголь должен согревать, почему же тогда по моему телу разбежались мурашки?

Вербов так и не объяснил тайное значение своих слов до конца обеда. Люба рассовала недоеденные сушки по карманам куртки и, уже будто по привычке, дала руку своему новому — а можно сказать и первому — папе.

— Лиз, кто тебя фотографирует? — спросил вдруг Вербов на улице, запуская Любу в стоящий на приколе мотоцикл.

— Александр Юрьевич.

— Талант. Или просто с моделью повезло.

И снова этот взгляд, только на этот раз от него мне стало жарко.

— Папа, у тебя есть мотоцикл? — Люба не протянула к Вербову руки, когда тот решил вынуть ее из красной мотоциклетной коляски.

— У меня есть квадроциклы. В четверг поедem на дачу. Я тебя на них покатаю.

На дачу? Нет, только не это! Я не готова встречаться с его семьей. Нет, это неправильно... Мы еще недостаточно знакомы для этого.

— Договорились?

Они обо всем договариваются в обход меня. Люба пожала протянутую руку, и Вербов наконец сумел вытащить ребенка из мотоцикла.

— Какая дача? — прошептала я не своим голосом.

— Лиза, обыкновенная. На которой без тебя разразится большой скандал. Кстати, я знаком с твоим бывшим свекром, а ты не хочешь познакомиться с моей мачехой? Это нечестно, тебе не кажется? И это не для тебя. Это для Любы. Там квадроциклы и две сорви-голова. Это я о своих братьях. Мне кажется, чем раньше научить девочек общаться с мальчиками, тем девочки лучше будут понимать их. С полуслова, согласна?

— Гриша, в чем дело? — снова начала заводиться я. Пунш согрел и голову тоже. Снять бы шапку, выпустить пар.

— Лиза, при ребенке про такие вещи не говорят, — он улыбался, как всегда. — Но у тебя еще есть шанс поговорить со мной об этом в офисе. Подумай...

Если бы многоточечная пауза не снабдилась ощутимым прощупыванием моего пальто, я бы по-прежнему невинно хлопала ресницами... Вот, блин, гад, выражения выбирает!

— Лучше ты хорошенько подумай... — я хотела вырвать руку, но Вербов предусмотрительно стиснул мне пальцы, чтобы точно никуда...

— Да нечем, Лизонька, уже нечем...

— Не называй меня Лизонька. Никогда! — вырвалось у меня нечаянно, и я вырвалась, уже намеренно, потому что Вербов меня отпустил.

— Извини, учту. Против Бетси или Элизабет или Элайзы, ты ничего не имеешь?

— А чем тебя Лиза не устраивает?

Мне хотелось прекратить уже этот дурацкий разговор и уйти с разряженных в пух и прах улиц во дворы, чтобы найти одинокий Мерседес.

— Да тем, что эта Лиза в офис не ходит... Все, шучу, шучу... Я буду хорошим в последний день года и мне воздастся в новом. Верно?

Я промолчала — ну что он при ребенке заладил? На это есть телефон и буковки на виртуальной клавише. В виртуальной реальности я умнее. Это в жизни я жутко торможу...

Глава 5.3 "Я — пантера"

На работу тридцать первого декабря я, конечно, не пошла. У всех работников, со слов Лии, был короткий рабочий день — ну кто бы сомневался! Планерку в пятницу я не проигнорировала, ее просто не было — все готовились к корпоративу без начальства. Я, кстати, тоже... Но начальство явилось и больше никуда не девалось. Из моей жизни уж точно. Все, что было с ГАВом, было в прошлой жизни. Все нынешнее происходило с Гришей. И пусть в офисе уже неделю делать нечего, мы бы с Вербовом, конечно, нашли где и чем заняться, но я решила заняться салатом Оливье. Новый Год его отсутствия на столе не простит. Да и пять новогодних минут разве достаточно для любви, которую ждали пять лет? Гриша должен это понимать — его приглашение в офис, конечно же, было дурацкой шуткой. Или проверкой, которую я, надеюсь, прошла.

— Люба готовит для тебя шоколадную колбасу, — послала я Вербову фотку ближе к обеденному перерыву.

Дочка устроилась рядом со мной с огромной миской и крошила в ней руками печенье с очень серьезным выражением лица, прямо как у ее Гриши на планерках.

— Скажи ей правду о мужской физиологии: сердце находится в груди и никак не связано с желудком. Впрочем, ты тоже этого не знаешь. Променяла меня на Оливье. Я его ненавижу.

А я ненавижу твой юмор. Иногда, Гриша, он совсем не к месту.

— Не надо любить Оливье. Его надо просто съесть. Приезжай пораньше. Чего тебе в офисе сидеть?

— Я к кошкам поеду. Они в отличие от некоторых меня любят и жалеют.

Я замерла — любят? Он ждет от меня признания? Но не слишком ли рано для подобных слов? Он сказал, что я ему нравлюсь, я ответила, что он мне тоже нравится. Разве этого мало для пятидневного знакомства?

Но все же написала в ответ:

— Я не кошка. Я пантера.

— До вечера, Багира. Не перетруждайся. Я не собираюсь всю ночь есть.

Я побоялась спросить, чем он собрался тогда всю ночь заниматься... у меня на кухне. Но стол-книжку мы раскрыли все же около живой елки. И не только из-за самой елки. Александр Юрьевич заявил, что пойдет спать на мое кресло вместе с внучкой, чтобы нам не мешать. Мне никто не мешает, кроме моей бурной фантазии. Мы еще недостаточно с Вербовом знакомы, чтобы он отвечивал пошлые шутки направо и налево. В письменной и устной форме.

— Просто хотел услышать твой голос, — вместо «здрасьте, я ваш папа», сказал Вербов, когда я, на ходу вытирая руки о мокрое полотенце, приняла в последний момент его вызов. — Ты Любу спать во сколько будешь укладывать?

— Понятия не имею... — чуть не зевнула я сама.

Полночи я провела над подарком для «папы». Сломав голову, из чего можно сотворить чудо, я выбрала серую шерсть и сваляла стальную крысу. Захочет повесить в машине на зеркало, повесит. Нет — не обижусь, пальцы от иголки уже не болят и глаза уже не в кучку. А что можно подарить человеку, у которого есть все, кроме Паркера, когда на Паркер не хватает? Только символ наступающего года, сделанный своими руками. И вообще стыдно ни разу не взять в руки иглы для сухого валяния. С ребёнком я решилась только на мокрое, и у нас с Любой появились одинаковые бусы из разноцветной шерсти. Ночью я нашла руководство к действию и использовала иглу по назначению. Пару раз укололась, но это было оздоровительное иглоукалывание: я делала подарок для мужчины, оценка которого была слишком для меня важна.

— Ты все же решил приехать к нам пораньше?

— Нет, просто... У меня ещё дела. Так во сколько уложишь ее?

— Не раньше пяти. Иначе она не высидит до Нового года.

— Отлично. Хочешь я ей прочитаю сказку по телефону?

Я замерла. Нет, зачем так? Она не Илона.

— Скажи, Люба внешне очень похожа на твою дочь? — сорвался наконец с языка вопрос, крутившийся там с визита в кошачью квартиру.

— С чего ты взяла? — Вербов замялся всего на пару секунд. — Илона — смуглянка-молдаванка. А чего ты спросила?

Снова все во мне замерло — не скажешь же, что я не верю в его чувства ко мне.

— Просто меня смутил взгляд твоей соседки. Думала, девочки похожи...

— Ты про Софью Васильевну? — и хохотнул, только как-то нервно. — Боже, Лиза, не проси у меня объяснений. В этом году хотя бы. Я хочу побыть для тебя умным и взрослым. Меня дурака ты со временем узнаешь... Идёт?

Я махнула ресницами в знак согласия. Стояла перед зеркалом в коридоре и видела свои безумные горящие глаза.

— Ничего серьезного? — спросила я более чем серьезно.

— Да глупости, конечно. Сейчас понимаю, что глупости... Просто это не только моя тайна, но и отца. Так что сначала я познакомлю тебя с серьезным мужиком, а потом расскажу, какой он на самом деле дурак... Мы оба дураки, так Елена Владимировна считает, а с женщиной спорить чревато. Лиза, я скучаю... Безумно. Но я тренирую силу воли. Не разрешаю себе сорваться к тебе до положенного часа. Так когда ребёнка укладывать? Я хоть буду чувствовать себя при деле.

— Давай в пять. Ради папы она пойдёт спать. Ради мамы — нет.

— Зато к тебе, проснувшись, побежит. Я к тебе тоже в девять прибегу.

— Давай...

В прихожей было не так жарко, как на кухне, но спина моя взмокла. У него голос совратителя. Почему я раньше этого не замечала? Потому что раньше он говорил со мной лишь как с работником. А сейчас? Я не могла произнести слово, которое очень хотелось озвучить и воплотить в жизнь. Я покрутила у виска пустой рукой без кольца — не много ли я себе надумала?

В пять? Не забыть бы, да как такое забудешь! Разве можно таким голосом детские сказки читать? Только если про Руслана и Людмилу... Про темное ложе и ожидание первой любви.

— Люба, ты зачем холодильник открыла? — отлепилась я через силу от зеркала, по контуру которого пастой нарисовала неделю назад зимний узор. Пусть хоть в квартире наступит настоящая зима. — Колбаса до вечера должна лежать в холоде.

Я повысила голос, я против воли и здравого смысла срывалась на ребенке — без повода. Я — злюка, Гриша прав, но он не прав в первопричине: дело совсем не в том, что я пять лет без мужика. Дело в том, что все эти пять лет я так и не почувствовала себя абсолютно свободной от Кирилла Каменцева. И вряд ли смена фамилии на девичью помогла бы мне абстрагироваться от семейной жизни, которая закончилась, не успев начаться.

— Люба, давай ты салфетки красивые на стол положишь? — пошла я на примирение с ребенком.

Потом она чистила с яиц скорлупу, включала и выключала кухонный комбайн, измазалась по уши в селедке, но все же улыбалась уже более часа. И я улыбалась ей в ответ.

— А теперь умываться и переодеваться.

Пока не в пижаму. До Гришиной сказки оставалось еще больше часа. Люба надела домашнее, чуть линялое, платье и тараторила, что завтра она обязательно наденет то, что принесет ей под елку Дед Мороз.

— У нас с тобой еще много дел в старом году, — потянула я ее подальше от шкафа, на дверце которого висела вешалка с нарядным платьем, старым, прошлогодним.

Но до кухни мы не дошли. Нас остановил звонок в дверь. Домофон молчал. Да и все мы были дома. Кто это может быть? Сердце замерло от нехорошего предчувствия. Очень нехорошего.

— Не открывай! — потянула я Любу прочь от двери. Пусть оставляет подарок под дверью, как я ему и сказала.

— Кто там? — как назло, высунулся из двери своей комнаты дед.

Мое каменное лицо стало ему ответом.

— Сами открывайте, — сказала я, поняв, что дверь слишком тонкая, за ней все слышно, не поверит, что нас нет дома. — Нас нет! — это я сказала еще громче.

Схватила Любу и потащила в комнату, на ручке которой нажала замок. В коридоре тоже тем временем щелкнул тяжелый засов.

— Кто там? — спросила меня Люба.

Как ей сказать, кто? Не папа точно.

— Лизавета! — донесся из-за закрытой двери голос Александра Юрьевича. — Это Дед Мороз пришел.

Я привалилась к шкафу и скинула вешалку с платьем. Кирилл бы не додумался переодеться в кафтан Деда Мороза, а вот Гриша мог. Зачем? Я распахнула дверь и пожалела: своего Мороза я бы узнала в любом виде. Этот был ниже ростом.

Всех читателей с Днём Св. Валентина!
Продолжение будет 21 февраля (я в отпуске!)

Глава 5.4 "Стишок для Деда Мороза"

Когда Дед Мороз заговорил, с души будто камень свалился, и она из пяток вернулась в грудь — не Кирилл. И раз Каменцев внял моей просьбе и прислал подарок дочке через постороннего человека, я даже скажу ему спасибо — действительно, от всего сердца. Это хороший поступок. Особенно после разговора на повышенных тонах. Наверное, он повзрослел. Я просто через запылившиеся, бывшие когда-то розовыми, очки этого не заметила.

Я провела Деда Мороза к елке и, как положено, усадила на диван. Это был первый домашний Дед Мороз в жизни моего ребенка, но я знала из собственного детства, что сейчас Любу попросят рассказать стишок и была спокойна: Люба не растеряется. Так и вышло: она рассказала Есенинскую «Белую березу» без запинки. Подарок она заслужила. И я ждала, что же появится из красного мешка с таким же нетерпением, что и моя дочь.

Коробка большая и плоская. Не игрушка. Какое счастье! Набор для детского творчества: делать заколки, бусы, браслеты. Отлично — никаких новых пылесборщиков в доме не будет. Действительно Кирилл повзрослел. И подумал, что может увлечь подростковую дочь, а не тупо схватил первую попавшуюся куклу или пони.

— Я платье просила, — надувшись, почти плача, вдруг выдала Люба, и у неё даже затряслись ручки и огромная коробка в них.

— Так платье тебе? А я думал маме твоей! Ой, все зайцы мои с белками перепутали, — не растерялся актёр. Даже голос остался стариковским. — Но я успею по заячьей почте тебе платье отправить. Завтра будет под елкой лежать. Верись мне?

И Дед Мороз нагнулся к Любе, протягивая спрятанную в варежку руку.

— А мамино платье ты принес?

Вот же детская непосредственность! Не выкрутился актёр, не выкрутился...

— А то как же! — крикнул Дед Мороз и сунул руку в мешок. — Вот оно ж. Гляди? Передашь? А то мне до мамы твоей не дотянуться.

Для меня? Это уже перебор. Спасибо, Кирилл, такого внимания мне не надо. Но взять из рук пакетик пришлось, но лезть в него не хотелось. Но Люба настояла, и я сунула туда нос: платье красное и... Я достала коробочку явно с ювелиркой. Что за черт?

Черт в лице Деда Мороза улыбался, качая головой.

— Цветочек аленький твоя мама у меня попросила... С ног сбился, ища...

Я чуть не выронила коробочку! Боже мой... Уставилась на Деда Мороза. Как же я костюм-то не признала! Кто это? Приятель Вербова, которого мы подменяли в детском

доме?

Я открыла коробочку — аленький цветочек превратился в рубины с жемчугом. Серьги и кулон в форме роз. Гриша... Ты сдурел... Я же шутила... Но краше этого я ничего не видела. И есть ли что краше такого внимания? Но про платье я ничего не говорила... Он догадался, что я хочу быть девочкой, которой добрый принц скажет: с этого дня тебе не надо ничего решать. Я все сделаю сам...

— Спасибо, Дедушка Мороз. Краше этого цветочка нет ничего на целом свете...

Люба аж подпрыгнула к коробочке, и я положила украшения на стол, но попросила не трогать руками.

— Вот и славно, милые мои, вот и славно... А мне пора к другим детишкам. А вам хорошо встретить Новый год. Ты маме помогала готовить?

Люба кивнула.

— Молодец, хозяйюшка. Проводишь дедушку до дверей?

Люба дала Гришину другу руку так же смело, как давала самому Грише. Я прикрыла пакетом с платьем драгоценную коробочку и открыла дверь в коридор, заботливо прикрытую Александром Юрьевичем. Но дальше идти не смогла. В прихожей стоял Кирилл. А я не услышала ни домофона, ни звонка, оглушенная подарком.

— Что ты тут делаешь?

Деда Саши в прямой видимости не было. Но сын за отцом в кухню не пошёл, хотя и разулся. Даже тапки взял. Уходить не собирался.

— Здравствуй, Лизонька. С Наступающим Новым годом! — сказал не издеваясь, а очень серьезно и отступил от двери.

В углу стояла огромная коробка. Я не только оглохла, но и ослепла по всей вероятности: слона я не заметила, а слонем, судя по картинке, был кукольный домик. Я отступила назад, прямо в объятия Деда Мороза: да, мне сейчас мужская поддержка не помешает.

— Кто это, Люба? А? — спросил он прежним стариковским голосом. Он не собирается отступать от взятой роли, но, кажется, не забывает и про другую, более важную: роль друга, а настоящая мужская дружба подразумевает и защиту женщины друга. Я с удовольствием спрячусь сейчас под красный кафтан, чтобы не видеть довольную рожу Каменцева.

Люба растерялась. Я тоже. Кирилл — нет.

— Я Любин папа.

И тут растерянность как рукой сняло, и Люба выкрикнула. Как в лесу «ау», слишком громко для городской квартиры:

— У меня другой папа!

— Люба! — это мы сказали с Кириллом в унисон, но с разными интонациями.

Я боялась за Гришу — он мог не поделиться с другом такими подробностями, но ребёнок не молчал.

— У меня папа Гриша, — и обернулась к Деду Морозу. — Он разрешил мне так себя называть!

И вот обида за неполученное заранее платье прорвалась слезами через другую, намного большую обиду. И Дед Мороз вдруг схватил ее в объятия: как же они с Гришей похожи! Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты...

— Эй, девица-красавица, чего реветь надумала? — ворчал утешитель по-стариковски. — Знаю я про твоего папу Гришу, я все знаю... Зайцы с белками все мне про всех рассказывают. А-ну не реви! А то твой папа Гриша догадается, что ты плакала. Ведь ты не хочешь расстраивать своего папу, не хочешь?

— Лиза, что за херня здесь происходит?! — взорвался Кирилл. — Что еще за Гриша? Этот Вербов?

У меня аж руки вспотели! Про спину я молчала...

— А ты осведомлён. Чего спрашиваешь тогда? И последи за языком при ребёнке!

— Да ты, вижу, не только за языком не следишь при ребенке, но и ещё за чем-то...

— Товарищи родители! — перекрыл всех голос Деда Мороза. — Господа хорошие! Новый год на носу... Вы куда не надо его не суйте. Прищемит. И не только нос. И уже прищемило, похоже...

— Вы, дедушка, сколько на грудь принять уже успели? — не постеснялся Кирилл хамить постороннему человеку. — Вы идите, идите... Кони копытом бьют, заждались. И дочь мою отпустите. Так-то лучше...

Дед Мороз отпустил Любу с большой охотой, потому что хотел взять за руку меня: рукопожатие оказалось довольно чувствительным, но я не поняла его Азбуку Морзе. Тогда он сказал:

— Тепло тебе, красавица? Потерпи с полчасика. Потом мороз ударит, мало не покажется.

Я пожала рукавицу в ответ: нам бы полчаса простоять, нам бы тридцать минут продержаться.

Кирилл сам закрыл за ненастоящим Морозом дверь, но настоящему ее собиралась открыть я сама.

— Ты мои сообщения читала в Вацапе? — обернулся от двери Кирилл, закрыв ее громко, как всегда. Как всегда давно, очень давно. Только движения его оставались до боли знакомыми.

Тридцать первое декабря, половина пятого вечера... Что он делает в моем доме? Нет, в своём...

Глава 5.5 "У кого есть совесть?"

— Я ничего не читала, — отчеканила я, до боли сводя лопатки.

Я даже не успела скинуть фартук для встречи Деда Мороза. Для Кирилла делать этого я уж точно не стану. Мне бы только незаметно вытереть о фартук вспотевшие руки.

— Хочешь прочитать? Или лучше на словах пересказать?

Это, типа, ты просил разрешение приехать?

Знает, гад, что я не пользуюсь Вацапом. Не экономлю на смсках! Вот и написал туда специально, чтобы иметь оправдание своему приходу. Молчание — ведь знак согласия. Ну, конечно! Все продумано.

Мой телефон остался на столе рядом с Гришиными подарками. Я сфотографировала Любу читающей Деду Морозу стихотворение. Сейчас, только возьму телефон в руки, сразу же отправлю Грише дочку в качестве спасибо.

— Четыре тарелки? Неужто меня ждала? — послышалось за спиной.

Квартира крохотная: из коридора и через мое плечо все видно как на ладони.

— Знаешь же, что не тебя, — выплонула я, чуть не забрызгав слюной стол.

Обернувшись, встретилась с темным взглядом, а у Кирилла глаза ведь совсем голубые — он подарил их Любе.

— Хотел подарить подарок, дари, — отрезала я уже просто сухо. — И уходи.

— Я пришёл поговорить.

В его голосе не было злости, как не было и мягкости. Деловой тон. Будто сидим в юридической консультации. Спасибо — насиделась. Сегодня у меня Новый год в компании людей, с которыми мне хочется провести будущий. Ты в их число не входишь, так что вали!

— У меня нет времени с тобой разговаривать, — выбрала я почти что нейтральную формулировку.

Мне пришлось озвучить свое желание, потому что читать по моим глазам Каменцев отказывался.

— Я тебе четко сказала — все дела после Нового года.

Будем играть в гляделки? Так я глазом не моргну! У меня теперь есть, чем против тебя ходить.

— По мужикам шляться у тебя время есть!

Кирилл даже не подумал уменьшить громкость голоса — или наоборот даже повысил его. Впрочем, уши у меня и без того болели от знакомых звуков, которые больше не вписывались в мою жизнь. Мне хотелось, чтобы Кирилл исчез. Просто растворился в воздухе. Когда я подавала документы на лишение его родительских прав за полное невмешательство в воспитание дочери, я думала, так будет продолжаться вечно, но потом сама же открыла ему дверь. Дура! О чем я тогда думала? Хотела, чтобы у ребенка был папа, как у всех... Я не верила, что на эту роль найдется посторонний человек.

Меня трясло, меня колотило, как в крещенский мороз. Чего я боюсь? В отношениях с Каменцевым я уже прошла крещение огнем, мечом и всем, чем только можно... Мама права, но почему тогда у меня не на месте все, что только может быть: сердце вот-вот остановится, нервы лопнут... и вместе с ними барабанные перепонки!

— Следи за языком при ребёнке! — не выкрикнула, а прошептала я. Голос тоже пропал. От гнева или, что скорее, от беспомощности. — Люба большая. Она все понимает и запоминает.

Что на это ответишь, папочка? Ничего — Каменцева спас телефон. Он зазвонил громко. Слишком! Выше выставленных настроек. Точно желал разорваться в моей руке. Не нужно было смотреть на экран, чтобы знать, кто звонит.

— Яндекс пишет, что до тебя сорок минут. Может и час выйти. Все стоит.

Ни здрасьте, ни привет в сложившейся ситуации я от Вербова и не ждала.

— Не надо никуда рваться. У меня все под контролем, — я действительно сумела взять под контроль даже дрожащий голос. — Ради меня не спеши.

— Только ради тебя я и спешу! — с прежними злыми интонациями выкрикнул Вербов. Да, это не был Гриша, это снова был взбешенный ГАВ. Не знаю, что наплел там ему приятель. Впрочем, имя Кирилла даже на меня действовало, как красная тряпка для быка или чеснок для петуха, или чем там их кормят перед петушиными боями? Меня же будто накормили луком, заставив предварительно его порезать — глаза подвели, оказавшись на мокром месте.

— Вот именно... Ты мне нужен живой. Ради меня, не гони! И спасибо за цветочек аленький... Я больше никогда не буду озвучивать свои желания внуку Деда Мороза.

— Я и без озвучки их знаю, а ты знаешь мои! Сделай так, чтобы через час его духу там не было. Иначе я за себя не ручаюсь. Я вырос на улице. Я знаю, как дать в морду. Можешь так и передать ему... Или дай телефон. Я все сам скажу. А тебе потом куплю новый.

— До драки дело не дойдет, — улыбка появилась на моих губах против воли. — На

моей стороне закон. Мы с Любой тебя ждем.

— Я еду... Соблюдая ПДД, но в личной жизни у меня бои без правил. Так и скажи.

— Так и скажу. До встречи.

Я спрятала руку с выключенным телефоном за спину: Кирилл смотрел на меня с прежним вызовом. И я очень удивилась тому, что он не встрял в разговор. Впрочем, слушал мои ответы достаточно внимательно. Может, слышал и реплики Вербов, хотя я держала телефон крепко прижатым к уху.

— Не хватает перчинки в жизни? — спросил он глухо. — Драться за тебя? Размечталась...

Надеяться вывести меня на скандал — можешь закатать губу! У меня Новый год. У меня новые отношения. У меня новая я, которой на тебя плевать. Да, да — просто плевать.

— Кирилл, раз пришёл дарить подарок, дари подарок. И уходи. У нас свои планы на этот вечер...

— И ночь.

— И ночь, — не стала я припираться. — Например, ребёнка спать уложить. Кстати, и сейчас тоже собираюсь этим заняться. Люба должна спать. Пятнадцати минут тебе хватит?

Кирилл снова не отвечал и снова смотрел зло. Я с трудом удерживала глаза открытыми: они противно щипали. Да что же такое... Что с моими нервами?!

— Мне полчаса только его собирать, — вдруг спокойно ответил Каменцев. — Или хочешь сказать, у тебя есть, кому собрать домик?

Теперь снова наезд.

— А что, твой отец не справится, да? — нашла я подходящий вопросу ответ.

Ну, скажи мне теперь что-нибудь, скажи!

— Кирилл, я тебе помогу, — вдруг вынырнул из кухни Александр Юрьевич.

Вот только команды поддержки тут не хватало! Но сын тут же развернулся и, подхватив коробку, шагнул в раскрытую для него отцом дверь в мою комнату... Нет, в комнату его дочери, моего здесь ничего не было. Но дочь-то моя! По закону только моей, и сейчас она стояла потерянная у входной двери, не понимая, что происходит во взрослом мире...

Я взяла Любу за руку, маленькую, тёплую, но в отличие от моей, не дрожащую и подвела к двери, но шагнуть в комнату не дала. Там и так не было места для разобранной

коробки и двух мужчин.

Ну давай, спроси теперь меня, куда ставить домик? Так и хочется ответить — на помойку неси. Но спросил Александр Юрьевич — можно ли задвинуть мое кресло вплотную к столу?

— Можно, — отрубил я скрипуче. С таким стоном ломается в ураган дерево. Во мне явно что-то сломалось. Наверное, последняя ветка, которой я запуталась в кроне дерева бывшего мужа — дуба.

Я отпустила руку молчащей дочери и пошла на кухню. Быстрым шагом. Слезы закапали и я поспешила промокнуть глаза уже несвежим полотенцем, потому что искать чистое не было времени. Затем уставилась в окно на горящие фонари. Они горели так же одиноко, как и позавчера, и завтра изменятся только цифры года, на которые фонарям плевать. Мне тоже следует наплевать на мужчину, которого угораздило стать биологическим отцом моей дочери. Сделать вид, будто его и не было в моей жизни. Это последний раз, когда он видит свою дочь. И не только в этом году, но и в следующем и на годы вперед. Зачем ей такой отец? Такой отец Любе не нужен. А зачем Люба нужна ему, мне плевать...

Но пальцы сами открыли приложение Воцап. Кирилл, ты... то самое слово, цензурный эквивалент которого не в силах был описать то, на что меня навели мысли Каменцева:

«Я долго думал, как нам решить квартирный вопрос. Поделить три метра у нас не получится. Думал, ты своей головой дойдешь. Я дал тебе достаточно времени с Любиного дня рождения. И себе, чтобы принять окончательное решение: я уйду от Юли, семьи с ней у меня не получилось. С тобой у меня уже есть дочь. Это факт, который не поменять, но можно изменить к нему отношение. Возможно, я даже готов ко второму ребёнку. Ну, а потом общими усилиями сумеем купить квартиру и оставить эту отцу...»

Я не сумела не заржать в голос. Смеха у меня не получилось — это действительно был гогот, ржач самой настоящей кобылы. Да, он у нас экономист с дипломом, что тут скажешь... Наверное, все государственные выплаты за второго ребенка приплюсовал...

— А Юля в курсе? — спросила я, когда подняв глаза, увидела в дверном проеме кухни дипломированного идиота.

— Над чем ты смеёшься? — голос был как никогда суров.

— Над твоими финансовыми выкладками. А если двойня, то сам Владимир Владимирович пожмёт тебе руку...

— Лиза...

— Вали отсюда, вот прошу тебя — вали! — я качала головой, и все плыло перед глазами. Слезы выступили теперь уже от смеха. Нездорового. — Вали к Юле или не к Юле,

мне вот честно — плевать. У меня уже другая семья. Точка.

Кирилл отодвинул стул. Очень резко и очень громко. Сел. Ещё и локти на стол возложил.

— Лиза, у тебя нет другой семьи, — голос до дрожи спокойный. Это когда он научился так хорошо держать себя в руках? — У тебя есть любовник. Он наиграется и тобой, и моим ребёнком. Очень скоро. Прости, но тебе не восемнадцать. Личико не отфотошопишь.

Я тоже надела маску, отфотошопленную — ждешь скандала? Скандала не будет. Мне плевать на твои слова!

А он продолжал — идиот в кубе!

— Неужели ты готова сделать Любе больно из-за личной тяги к красивой жизни? Сколько он на тебя тратит? Уверен, меньше, чем на других баб.

— Вопрос настоящего бухгалтера, да? Ты сменил работу? Нет?

Каменцев молчал, но пронзительных наглых глаз не опускал. Я чувствовала, что начинаю идти красными пятнами.

— Хочешь, сам у него спроси? Если не боишься в морду получить, — я уже просто не знала, что говорить в этой бредовой ситуации. — Я не считаю, но у него явно имеется распечатка с визы. Сомневаюсь, правда, что он будет тебе показывать... Кирилл, тебе самому не смешно?

— Над чем я должен смеяться? Над тем, что ты вдруг решила заработать не головой?

Козел... Но защищаться не хочется, вот совсем не хочется.

— Ты не такая была раньше, когда я с пеной у рта защищал тебя перед матерью, когда та говорила, что тебе нужен не я, а возможность зацепиться в Питере. Теперь ищешь нового дурака? Только всех дураков восемнадцатилетние расхватили. На таких дур, как ты, только козлы остались. Наиграется и бросит, вот увидишь... Только он еще и Любой поиграет. У тебя совесть вообще есть?

Это вопрос, да? Давайте спорить о вкусе ананасов с теми, кто их ел. О совести заговорил...

— Уходи, Кирилл. Просто встань и уйди...

Я говорила тихо, очень тихо, а он заорал:

— Я никуда не уйду!

— Тогда я вызову полицию, — продолжала я все тем же полусшепотом. — Я не

разрешала тебе приходиться к Любе.

— И что? Что они сделают? Выкинут меня из собственной квартиры? Лишат прав на ребёнка, которых ты меня уже лишила?

— Ты нарушил соглашение, — проговорила я уже, кажется, еле различимым шепотом. Я не хотела видеть на кухне Александра Юрьевича. Двух Каменцевых мне не выдержать!

— Какое соглашение? Я с тобой ни о чем не договаривался, ты все сделала без меня. Ты у нас там юрист-самоучка, что в законе про меня говорится? Штраф в размере тысячи рублей? Скажи, чего я должен испугаться?

— Собственной совести. Вдруг проснется и укусит?

— Тебя ничего не кусает? Дать тебе почитать про отчимов и маленьких девочек, дать?

Я вскочила. Это уже слишком.

— Вон, Кирилл! Вон! — теперь я орала.

Пусть услышат соседи, плевать...

— Я сказал, что никуда не уйду, — теперь он говорил шепотом. Зловещим.

И даже ногу на ногу закинул.

— Отлично. Тогда уйду я!

Глава 5.6 "Десять минут — это много или мало?"

— Лизавета, что ты делаешь? — это на меня воззрился Александр Юрьевич, когда я фурией влетела в комнату, где он вместе с Любой наводил в кукольном домике последнюю красоту.

Неужели не видит? Ухожу! Что еще может делать женщина, доставая из шкафа одежду и даже не прося постороннего мужчину выйти? Правда, сначала я одела Любу.

— Мама, мы гулять?

— Да, к тете Лии, — сказала я, не задумываясь, то ли правду, то ли ложь. — Катя очень хочет встретиться с тобой новый год. Вы даже будете спать в одной кровати...

Дай-то Бог! Проверка женской дружбы... Что я делаю, что я делаю...

— Лизавета...

Я сычом глянула на бывшего свёкра — сейчас я готова была стереть его в порошок за то, что он открыл Кириллу дверь, хотя даже в гневе понимала, что старик думал, что у нас с его сыном договоренность. Мне бы тоже не помешало б научиться думать о людях хорошо... Только эти люди не дают мне никакой возможности поверить в их порядочность и доброту.

Я отвернулась от Александра Юрьевича, скинула спортивные штаны и влезла в брюки, сунула руки в серый пуловер и вынырнула оттуда, чтобы узреть Кирилла.

— Ты никуда не пойдешь, — сказала его голова.

— С дороги! — я не кричала. Не имело смысла. — Я сейчас вызову полицию, ясно?

Я не совсем понимала, что можно сказать и сделать в сложившейся ситуации, но была готова звонить, если только Кирилл не освободит от себя дверной проем. Но он отошел. Я свернула детское платье, прошла мимо Каменцева к накрытому новогоднему столу и схватила мешок с подарками Вербова — больше ничего ценного для меня в этой квартире не было. Сунула в пакет детское платье и крикнула, чтобы Люба одевалась. Ничего не спрашивая, ребенок подчинился. Я же, обувая и одевая самую себя, давилась слезами, наблюдая дерганные движения маленькой девочки — и просто боялась думать, что сейчас творится в ее детской головке. В моей точно царил сумбур.

— Александр Юрьевич, бросьте в казан отмоченный рис, залейте двумя стаканами воды и проварите полчаса. Остальное все готово.

Он не ответил мне даже спасибо. Про шампанское в холодильнике я говорить не

стала. Кирилл теперь молчал, а может и говорил — не знаю, в ушах звенело. Я с трудом слышала собственные шаги и жалела, что на сапогах нет каблуков, а на отсутствующий каблуках — звонких набоек: они бы заменили мне сейчас стук сердца. Я потащила ребенка вниз по лестнице, без лифта.

— Мама...

Я остановилась: что? Не спросила — просто взглянула на дочь.

— Мы забыли подарок для папы.

Сердце забилося, как бешеное. Да, я совершенно забыла про крысу. Из-за крысы настоящей!

— Еще рано дарить, — успокоила я ребенка. — И Гриша не придет к тете Лии.

— Почему?

Какой прямой вопрос — жаль, не дать на него такой же прямой ответ.

— Потому что там и без нас много народа.

— Там всегда много народа...

И это правда.

— Люба, пригласили только тебя. Пожалуйста... Мы с папой тебя завтра заберем.

Боже, я уже все решила за Лию. Степанова, не подведи! Но набрала я все же Вербову, когда мы с Любой наконец вышли на улицу. Нам идти-то три двора!

— Ты можешь меня дождаться? Пятнадцать минут! — сказал Гриша, когда я сообщила, что иду к Лии.

— Мне идти десять минут. Я сейчас пришлю тебе адрес. Будешь ждать меня у подъезда.

— Ты меня стесняешься? — почти перебил мои слова Вербов. Зло. Очень зло.

— Гриша, я ей даже не позвонила еще... Я позвонила тебе первому...

— И не звони! — снова перебил меня Вербов. — Поедем ко мне. Елки у меня нет, но есть шишки и веточки. Зачем нам Степанова, ну вот серьезно... Лиза, я действительно серьезно сейчас!

Только не кричи. Пожалуйста, не кричи! Мои уши уже скрутились в трубочку от Каменцева. Не надо плющить их молотом!

— Гриша, это праздник... — голос дрогнул. Мне хотелось быть с ним, очень хотелось. Но я уже пообещала Любе, что она идет к Кате. — Ты не понимаешь...

— Не понимаю, — говорил он по-прежнему нервно, но уже значительно тише. — Поехали на дачу. Если мы свалимся Ленке на голову, она от счастья по потолку ходить будет. Там и елка, там и домашний Оливье...

— Пожалуйста, Гриша... — я чувствовала, как у меня защипало глаза.

— Понял, жду адрес, — отрезал он абсолютно нейтральным голосом. Таким, к которому я привыкла на планерках. Тем, что так вымораживал Степанову. — Я уже близко.

Я тоже была близко и хотела списать сбившееся от разговора дыхание на быструю ходьбу. Ребенок уж точно бежал.

— Лия, твое приглашение еще в силе? — Господи, что я буду делать, если нет... — Я буду у тебя через три минуты. Только с Любой.

— Что случилось? — только и спросила подруга, потому что была действительно настоящей подругой.

— Случился Кирилл. Я все тебе объясню. Потом.

— Я тебя жду.

А больше мне ничего и не надо. Целый два человека меня ждут. Это такое счастье...

У подъезда я оглянулась, хотя и понимала, что Вербов не доедет так быстро. И позвонила в домофон. Люба поспешила ответить, что это мы, как еще недавно проделывала с Гришей. Мы поднялись наверх.

— Лия, мы без подарков, — сказала я вместо «С наступающим!», отодвигая от лица шуршащий дождик.

— Каменцева, у тебя с башкой все в порядке?

Нет, давно нет... И волосы под шапкой выбились из хвоста.

— Не называй меня так. Я не хочу слышать эту фамилию, — прорычала я шепотом, чтобы меня услышала только хозяйка гостеприимного дома, но не Люба. Малышке хватит на сегодня взрослых разборок. Ей вообще всего хватит: пять лет пыталась создать ей спокойную жизнь и смела ее одним несчастным корпоративом. Господи боже ж ты мой... Ну почему Вербов избрал экспресс-метод для знакомства? Почему у меня все не как у людей...

— Лиза, ты плачешь?

Лия моргала. Или моргала все-таки? Подняла пальцы к глазам — мокрые. Лия присела подле Любы и почти сорвала с нее куртку, отправляя поиграть к детям. Потом снова уставилась на меня, расстегнувшую только молнию на пуховике.

— Что он тебе сказал?

— Не важно! — отмахнулась я соленой рукой. — Главное, что он приперся к новогоднему столу, чтобы сказать, какая я сучка. Я все бросила и сбежала...

— Ну что ты не раздеваешься? Я тебе сейчас за старый год коньяка плесну... Голова сразу болеть перестанет!

Она улыбалась: ее улыбка — это восточная пряная смесь из сочувствия, поддержки и ободрения.

— Не надо, — я просто стянула полы пуховика, не в силах отыскать начало молнии. — Я только Любу привела.

— Не вздумай возвращаться к нему! — Лия с такой силой схватила меня за плечи, точно решила поднять в воздух и встряхнуть. Сделай она это, я бы по винтикам и шурупчикам рассыпалась прямо у ее ног.

— Я не к нему... — ответила я с горькой улыбкой. Горькой, потому что на губах остались дурацкие непрошенные слезы.

Лия отступила на шаг — на короткий, как у лилипута. Только для того, чтобы вернуть мне возможность дышать.

— Меня ждут внизу. Я знаю, что это свинство спихивать тебе ребенка... Я не хотела... Мы действительно собирались встретить НГ дома... Вчетвером... Кирилл как чувствовал... А, может, отец ему что-то сказал...

Я опустила глаза, не вынеся испытующего взгляда подруги.

— А мне ты хоть что-то скажешь? Ты что, у меня за спиной крутишь романы и я не в курсе... Давно? Кто он? Говорить не хочешь?

Вопросы вылетели автоматной очередью, расстреляли меня в грудь — стало трудно дышать, а говорить — вообще нереально.

— Я не знаю, как сказать...

И когда — хлопнула дверь и в коридор вихрем выскочили обе подруги. Катька повисла на маме с криком, что у Любы теперь есть папа... Рот бы им всем зашить! Мелким бабам!

— Лиза...

Глаза Лии, и так большие, сделались, как плоски. Ну как я скажу про Вербова? А он и не дал мне ничего сказать, позвонив сообщить, что ждет меня у подъезда.

— Я спущусь через пять минут.

— Да хоть через десять.

В его голос вернулось веселье, в мой — совсем немного. Я спрятала телефон в карман пуховика. Как сейчас уйти?

— Лиза, у вас уже новые планы? Если нет, ты можешь пригласить его к нам. Без проблем.

Я жевала губу, ища правильные слова.

— Лия, ты не хочешь видеть его еще и за своим столом. Он тебе в офисе до чертиков надоел.

Да, я это сказала! Только Степанова не поняла:

— Кто?

Да, этот пазл в нормальной голове сложиться не может. Я на секунду зажмурилась, набрала побольше воздуха в грудь и выдала:

— Григорий Антонович... — и после паузы, за которую глаза Лии выросли еще вдвое, добавила: — Вербов. Не спрашивай, почему... Я сама не знаю...

— Ты меня подставила, да? — теперь глаза Степановой сузились, голос сел до злого хрипа, а не шепота. Мы еще подруги, да? — Я, как идиотка, распиналась перед ним... А ну идите к себе! — это она кричала на девчонок, и те, поджав хвосты из волос, пропали из коридора.

— Лия, послушай! — я тоже почти кричала. — Это случилось в пятницу.

— Что случилось? — теперь я слышала ее шепот.

— У меня поехала крыша... Лия, я не понимаю, что делаю, но я это делаю... С ним! Пожалуйста, оставь у себя Любу. Я ее утром заберу.

— Это я, типа, подарок Вербову на Новый год делаю?

Господи, я никогда не слышала у Лии такого голоса — даже когда она орала на расшалившихся детей. На меня она не орала, но лучше бы кричала. От тихого голоса я дергалась, как от удара розгой.

— Мне подарок, Лия, мне...

— У тебя действительно крышу сорвало. Этот гад, типа, такое условие поставил, чтобы оставить тебе работу из дома? И ты, идиотка, согласилась! И еще ребенка втянула...

Я снова зажмурилась — на сей раз, чтобы не заплакать! Хотелось затопать ногами, как маленькой, и кричать — нет, нет, нет!

— Лия, он сделал мне предложение...

То, что он делал, нельзя было назвать предложением... Это вообще не имело названия. Нет, название было — сумасшествие! Он предложил мне вместе с ним сойти с ума.

— В пятницу?

Лия не отстанет, Лия вытрясет из меня душу.

— Лия, пожалуйста, не сегодня... Сегодня об меня уже вытерли ноги. Как же я хочу, чтобы этот год закончился и с ним закончились все мои проблемы.

— Мне кажется, твои проблемы только начинаются. Кто он вообще, этот Вербов...

Это не вопрос. А если и вопрос — я не знаю на него ответа. Пока не знаю...

— Ты про старшего? С ним я познакомлюсь в четверг. Со всей их семьей. У Гриши два брата, чуть старше моей Любы. И одиннадцать кошек. Лия, у него одиннадцать кошек. Я буду двенадцатой.

— Лиза...

Я выставила перед собой руку, и Степанова отступила еще на шаг, и я отступила под дождик.

— Я же сказала, что сошла с ума. Мама говорит, это полезно... Даже в моем возрасте. Лия, не суди меня, пожалуйста. Хотя бы сегодня.

Я схватила пакет, который швырнула на пол вместе с сумкой. И вытащила нарядное дочкино платьице. Такое маленькое. Господи, она у меня еще совсем кроха...

— Одень Любу, пожалуйста.

— А тебе-то есть, во что переодеться? Или ты на свиданку в брюках побежишь?

Издевается — наверное, я заслужила. И я вытащила пакет с красным платьем.

— Дашь уют?

Лия улыбнулась, нервно, а потом расхохоталась в полный голос, а я сунула руку за телефоном.

— Можно мне еще десять минут?

Вербов тоже хохотнул:

— Лиз, думаешь, я ждал тебя раньше, чем через час?

— Значит, можно?

— Лиз, только за стол не садись. Я тоже как бы голодный, так что пойдем куда-нибудь ужинать. До двенадцати места, надеюсь, будут.

— Я буду через десять минут, — уверенно ответила я.

Глава 5.7 "Дед-домовец"

— Ты платье, что ли, надевала? — расхохотался Гриша, выскочив из машины, чтобы открыть мне дверь.

А я не закрыла молнию на пуховике специально: действительно хотела, чтобы он увидел подарок не на манекене. Впрочем, платье село так хорошо, что я могла бы служить хорошей рекламой бутику. Правда, пришлось взять у Лии колготки. Смешно: обещала подарить ей на НГ новые — теперь придется дарить две пары.

— Забудь про колготки. Надеюсь, Гришка теперь перестанет на мне срываться... — как-то совсем не шутливо сказала Степанова, закрывая за мной входную дверь.

— Когда забирать Любу? — спросил он, сняв с моих губ тонкий слой помады.

Мне хотелось прижаться к нему, но я боялась испачкать белую рубашку. Пиджак, наверное, висел в машине. Он сорвался по звонку Деда Мороза прямо из офиса, не успев заехать домой, чтобы переодеться в празднично-домашнее.

— Ближе к вечеру...

Гриша стиснул ладонями мои пылающие щеки.

— Степанова на премию напрашивается?

В его глазах бегали озорные чертики, а в моих — розовые свинки. Я действительно чувствовала себя по отношению к Степановой неблагодарной свиньей: чтобы отблагодарить ее, у меня не хватит никакой фантазии...

— Лия делает это ради меня... — едва провернула я языком.

— А это не одно и то же? Я и ты? Мы же решили, что это будет одно и то же, разве нет?

Да мы ничего не решали, ты все решил один, а я подчинилась — потому что мне действительно захотелось тебе подчиниться, впервые не встав на дыбы из-за твоих дурацких решений... Хотя, может, я действительно необразованная дура и дальше своего носа в бизнесе не вижу. Да и увидеть невозможно, когда весь обзор закрывает твой нос...

— Гриша, ты замерзнешь... В рубашке.

— А ты меня согреешь... Без нее.

И он снова поцеловал, на этот раз не ограничившись губами — да и зачем мне теперь язык. Я не собираюсь ничего говорить... Я буду лишь согласно кивать.

— Знаешь, куда можно тут сходить? Или уже в Пушкине что-то найдем?

Он вел меня к пассажирской двери, не убирая руки с талии — наверное, грелся под моим пуховиком, мне пух больше не нужен. Я скинула его и потянулась к задней двери. Зря... Гриша перехватил пуховик, но сначала усадил меня в машину, а я бы с большим удовольствием еще постояла на улице. Дождя, что лил с утра, не было.

— Лиза, думаешь Каменцев еще у отца? — спросил вдруг Вербов, едва пристегнувшись.

Я вжалась лопатками в холодную кожу сиденья.

— Не знаю. Зачем тебе это?

— Поговорить. Поставить все точки над *i*. Мне надоело, что он трепет тебе нервы. Нам нервы, — тут же исправился он. — У меня без его персоны достаточно нервоотрепателей. И еще... Я хочу, чтобы ты собрала вещи.

— Сейчас?

Я качнула головой — аленькие цветочки в ушах стали вдруг безумно тяжелыми, как и цветок на шее — он превратился в камень, который тянул меня на дно — болота, из которого я только-только вынырнула.

— Пожалуйста, не сейчас. Я не готова...

— Ты никогда не будешь готова! — перебил Вербов зло. Очень зло, напомнив себя пятничного. — Пионерия отменили задолго до того, как ты пошла в школу. Я хочу, чтобы ты собрала вещи для Любы на пару дней. У Ленки только мальчуковское есть на даче. А я не знаю, сколько мы там пробудем. На сколько хватит меня и отца, ну и тебя тоже... Море хорошего настроения я могу обещать только Любе. Тебе придется натужно улыбаться. Во всяком случае моему папочке. Он не самый приятный в общении человек.

— Гриша, только прошу тебя... Держи себя в руках...

— Я никогда не обещаю женщинам то, что не в силах выполнить, — усмехнулся Вербов. — Я буду стараться, конечно, а так, как пойдет. Но из драк я всегда выходил победителем.

— Где ты дрался?

— Во дворе у деда с горячими южными парнями. Постоянно — значит, каждый день. Но зубы у меня все свои, что странно... Передние выросли у меня довольно рано.

— Так ты действительно не из Питера?

— Нет, не из Питера. Местом рождения у меня значится Ленинград. Успел в

последний вагон.

Он успел заодно проехать аж два двора.

— На лето в Кишинев ездил?

— Нет, жил там безвылазно восемь лет. После смерти матери отец сдал меня ее отцу на воспитание, чтобы не мешал. Так что я, можно сказать, дед-домовец через букву Д, от слова Дед. Ну, а потом девочка Лена потребовала забрать меня в Питер. Зря, честно говоря... Мне было у деда намного лучше, но девочка Лена решила, что может стать матерью двенадцатилетнему сорванцу, раз рожать своего ей не дают. В итоге из-за меня они чуть было не развелись. В общем-то они на грани развода всякий раз, когда я появляюсь на горизонте. Русские бабы любят бедненьких да сироньких, у них это в крови. Я тебя не пугаю — просто объясняю, почему Антон Сергеевич для меня посторонний дядька. И общего у нас с ним только фамилия и любовь к Ленке. Елена Владимировна действительно хороший человек. Жаль, что не нашла себе достойного мужа. Но любовь, она такая противная штука... Согласна?

Я кивнула, хотя и не хотела ни с чем соглашаться. Как не хотела и разговоров за спиной у людей, которых в глаза еще не видела.

— Приехали.

Он заехал передними колесами на газон, втиснувшись в поломанную секцию решетки, но я промолчала. Машин у подъезда слишком много — удивительно, что вообще нашел место приткнуться.

— Ты мне обещал! — напомнила я, открыв дверь парадной.

— Я ничего такого тебе не обещал. Я же сказал, что буду с тобой Морозом. А Гришка Мороз — это кишиневский дворовый мальчишка, у которого все должно быть по чесноку. Лиза, ты не вмешиваешься. Время твоих переговоров закончилось, дай мне теперь все решать. За нас обоих. За всех троих, — справился он тут же.

Но решать оказалось не с кем. Квартира встретила нас тишиной, то есть включенным телевизором. Я успела щелкнуть замком, пока Александр Юрьевич выходил в коридор.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Нет...

У меня не повернулся язык сказать, что я пришла за вещами. Таким ссутулившимся и бледным свекра я никогда не видела. Нет, видела, в день, когда с вещами ушел Кирилл. Я нашла силы только для того, чтобы повернуться к Вербову:

— Разувайся.

Снимать нам было нечего: верхняя одежда осталась в машине. Гриша только пиджак для солидности накинул. Завязывать галстук уже не стал. В галстуке плохо драться.

— Я пришла доделать плов, — произнесла я, давясь подступающими к горлу слезами. — Мы поужинаем вместе.

Да, я так решила. Я не могла уйти сейчас ни с сумкой, ни без нее.

Я снова посмотрела на Вербова — он кивнул, понимающе. Мне хотелось в это верить. Главное, чтобы не осуждал.

— Александр Юрьевич, — крикнула я уже из кухни. — Люба до вечера у Степановых. Я заберу ее и мы сразу поедем, — Мы: я глянула на молчащего у окна Вербова. — На дачу к родителям Григория.

Язык не повернулся сказать — поедем к Вербову домой.

Свекр, бывший, просто кивнул. Он, кажется, и не сказал еще ничего за истекшие пятнадцать минут. Я осталась у плиты гипнотизировать казан, будто вода от моего пылающего взгляда могла быстрее закипеть. Вербов тихо подошел ко мне со спины, и я откинулась ему на грудь.

— Лиза, ты все делаешь правильно, — шепнул он мне на ухо. — Хорошо, что он ушел. И хорошо, что мы пришли. Хочешь, вообще до полуночи останемся или до утра? Как скажешь. Не думай обо мне. Думай только о себе...

Вместо ответа я сильнее откинула голову и тут же почувствовала на шее легкий поцелуй, расколовший меня пополам. Я не хотела терять эту ночь. Первую и, возможно, единственную ночь, когда мы можем побыть с Гришей действительно одни. И мне больно было делать дедушке Саше еще больнее. Как Кирилл мог уйти? Почему не взял отца с собой? Или это Александр Юрьевич снова выгнал сына? Я не хотела, я не могла спросить его.

Я прижималась к Грише все сильнее и сильнее, а он больше не целовал, просто держал меня рядом, крепко-крепко, чтобы я чувствовала его поддержку не только на словах. Да какой же ты Мороз, когда с тобой так тепло!

— Лиза, я могу тебе чем-нибудь помочь? Собрать детские вещи, например... Или просто подержать сумку...

— Лучше держи меня, — прошептала я, прижимаясь к его плечу горящим в подаренных серьгах ухом.

— Так мы никуда не придем. Давай уже двигаться вперед. Плов без тебя сварится. А я без тебя сдохну, а ведь мог бы еще жить и жить. Вот так и напишу, — прижался он губами к моей мочке. — В моей смерти прошу винить Лизу Эс.

Боже, как мило... Он, в отличие от Лии, понял, что мне не хочется слышать даже первой буквы фамилии Кирилла. И запомнил же мою девичью! И обещания, говорит, не забывает... А мне он уже наобещал с три короба — мне и Любаше.

Я попросила его достать с антресоли рюкзак — старый, советский, болотного цвета, будто из мешковины. Ну не с чемоданом же уходить!

— У тебя дома есть лишняя сумка? — спросила я извиняющимся тоном.

— У меня дома только тебя нет. Но я это исправлю, — принял он у меня из рук рюкзак и удержал подле себя меня, чтобы щекотнуть носом мой нос.

Чего стесняться — свекр из своей комнаты не выйдет.

Я собрала все, даже зубные щетки. Можно и не возвращаться. Люба до сих пор не привязывалась к одежде. Исключением стал единорог Илоны, а его я вчера выстирала и положила в рюкзак. Потом села — рухнула в собранное кресло.

— Не смей плакать! — Гриша присел подле кресла и поймал мои руки. — Иди накрасся. Кажется, вам, бабы, это помогает не шмыгать носом. Я хочу фотографию тебя в красном. Это твой цвет. Точно твой цвет. Я всегда это знал и не понимал, почему у тебя нет ни одного красного пиджака.

Я встала, не имея никакого желания вставать — не хотела, чтобы он выпускал мои руки из своих.

— Александр Юрьевич сфотографирует тебя для меня? На мой телефон. Телефон, конечно, умный, но в руках такого дурака, как я...

Я улыбнулась — Гриша, Гриша... У тебя, наверное, просто замечательный дед, раз воспитал такого хорошего тебя!

— Лиза, тебе опять кто-то звонит.

Гриша встретил меня из ванной с протянутым телефоном. Сердце бешено забилося, но я тут же выдохнула. Не Кирилл, не Степанова. Мама!

— И как я скажу ей, что сбагрила ребенка подружке?

— Вали все на меня. Я привык быть плохим.

— Ты хороший, — прижалась я губами к его носу и тут же отпрыгнула, оставив на нем красный круг. Ну что, Мороз так Мороз. — Не стирай!

Я подняла руку и навела на Вербова камеру своего не очень умного телефона. Для не очень умного вида Гриши пикселей хватит.

— Теперь можно? — Вербов вытер у зеркала нос. — Покажешь Степановой, уволю...

— Меня? — выглянула я у него из-за плеча.

— Её! — обернулся Гриша. — Я не даю обещаний, которых не могу выполнить. Ну?

— Это будет моя фотография. Я ее на твой номер поставлю.

— Мне тоже нужна фотография на твой номер. Ну, мне самому просить?

Я оставила Вербова в коридоре, крикнув, чтобы выключил под казаном газ, и прошла в комнату свекра, предварительно постучав.

— Лизавета, — он сидел на диване и повернул ко мне лишь голову. — Скажи честно, у Кирилла никакого шанса?

Я покачала головой. Старик кивнул. Нервно. Какое счастье, что на моих глазах тушь. Какое счастье...

— Вы можете меня сфотографировать? У елки, — тут же добавила я. — Хочу маме послать, чтобы она знала, что я жива и здорова.

— Да, конечно.

Он встал, со скрипом, и прошаркал к стенке, из которой достал свой Кэнон. Как же ему сейчас тяжело! Тяжелее нас всех. Он не удержал внучку и потерял сына. Из-за меня.

Я улыбалась через силу. Я улыбалась для Гриши от всего сердца. Он стоял в дверях, прислонившись к дверному косяку, и крутил в руках свой одиннадцатый айфон про макс, но его у него никто не брал. Пришлось встать у старого фотографа за спиной и навести все три камеры на меня. В какую смотреть? Только прямо вперед... Иначе не увидеть свет в конце тоннеля.

Глава 5.8 "Гордость без предубеждений"

— Гриша, — это для тебя, — обернулась я от елки, под которую положила две коробочки. Люба, когда вернется, должна найти свое платье, ведь Дед Мороз не обманывает детей.

— Что это? — спросил внук деда Мороза, сжимая крохотную коробочку в больших красивых руках.

— Не Паркер, не переживай. Я не собираюсь писать заявление. Ну...

Я поднялась на цыпочки и закрыла ему глаза ладонью — прохладной, но не мокрой. Я была спокойна. Я даже смогла выдержать допрос матери: Люба большая, ей интереснее с подружками встречать Новый год. Не будешь же говорить правду! И не только про спасение от нерадивого папашки, но и про то, что я тоже большая, но еще не старая девочка — и мне хочется встретить Новый год с мальчиком. Мальчик улыбнулся в камеру. В общем-то он увидел всю мою семью. Не такую шумную, как у Степановой, но и не смирную: присмирели они малость от неожиданности. Ну что же. Бывает... Под Новый год и не такое случается.

— Лиза, я не умею развязывать вслепую... Убери руку.

— Погодите, я снимаю... Лизавета, улыбнись!

Ну, куда же без папарацци!

Наконец Гриша обрел зрение:

— Это брелок?

Он поднял крысу за кольцо, привязанное к веревочке. Хорошо, не за длинный хвост!

— В машину на зеркало вообще-то. Но можешь и на ключи приделать. Только не забывай прятать хвост в карман.

Он усмехнулся. Не поцеловал — на нас смотрела камера, и у Гриши был такт. Особенно после всего, что тут устроил Кирилл со своим экономически выгодным примирением.

— Ну, а что было написано на этикетке? Для брелка?

Я тронула крысу за хвост.

— Гриш, я сама ее сделала. Для тебя.

— Ты что, серьезно? — он дёрнулся, почти подпрыгнул на месте от удивления.

— Ну да... Я ж, как кот Матроскин, все могу, а не только по деревьям лазить.

— Кошка... Я дурею от тебя...

И он притянул меня к груди — заграбастал, не думая, какого цвета будет его рубашка, но я уберегла ее от помады — вдруг стирать ее придётся моим ручкам...

Мы сели за стол. Молча. Улыбаясь натуженно. Мы не на королевском приёме, чтобы держать лицо. Мы все трое чувствовали каждый свой стыд — стыд за то, что хотим быть счастливыми и ничего не можем поделать с тем, что счастье у нас разное.

— Лиза, я хочу плова... — Гриша утащил у меня из-под носа тарелку, отказываясь от «шубы». — Я не в состоянии есть в таком количестве. Ты знаешь, сколько надо прокрутить педалей, чтобы сжечь двести калорий?

Вместо ответа я схватила тарелку свёкра. Александр Юрьевич никогда не отказывался от шубы. Правда, в моем исполнении ел ее впервые.

— Я принесу казан, — подскочил Гриша, и мне вдруг подумалось, что он просто решил оставить нас на время одних.

Зачем? Я не знала, что сказать Александру Юрьевичу. И не знала, хочу ли вообще что-то говорить.

— Мы и шампанского за старый год не выпьем? — спросил свекор, нарушая неприятную тишину.

— Давайте по чуть-чуть.

Никогда я ещё не чувствовала себя за этим столом настолько чужой. Господи, только бы Александр Юрьевич не считал, что я разбила их семью, только бы...

— Гриша, захвати из холодильника шампанское! — крикнула я.

И он пришел, неся бутылку под мышкой.

— Откроешь? — спросила, подставляя под казан деревяшку.

— Пусть хозяин открывает. Я — гость.

Александр Юрьевич тяжело поднялся, но бутылку открыл легко.

— Вам наливать? — спросил он у Гриши.

— Пару глотков я выпью, — улыбнулся званый незваный гость.

Бокалы встретились, затем встретились наши глаза. Шампанское, полусладкое,

стало полугорьким, но мы ничего не могли с этим поделать. Такова жизнь. Наша. Суровая...

Гриша пытался шутить, особенно про плов, на манер Али Бабы: хороший плов, ну просто первый раз такой получился... Но потом настал момент такой... прощаться и уходить.

Мы досидели за столом до девяти. Затем Гриша вымыл посуду. Я поставила чистую тарелку на стол. Положила на неё пару бутербродов с икрой, немного салата и буженины и, прикрыв другой тарелкой, строго-настрого наказала деду Саше съесть все перед сном. Остальное убрала в холодильник и велела достать оттуда в новом году и тоже съесть.

— А вы с собой ничего не возьмёте?

Я мотнула головой и вытащила завернутую в кальку шоколадную колбасу, о которой совершенно забыла, а Гриша не напомнил.

— Это тебе. От Любы.

— Я помню... Убери к себе.

Пришлось взять пакет. Гриша взял рюкзак. Рюкзак Александра Юрьевича, который я взяла без спроса. И уходила я тоже без спроса. Я уходила... Шла по лестнице, считая ступеньки. А потом в машине — слезы. Не сдержалась. Тушь не помогла. Гриша протянул мне бумажный платок. Молча. И откинул козырёк с подсвеченным зеркалом. И зачем только косметику перевела! Одним платком я не отделалась, получила второй, а потом Гриша просто крепко стиснул мне пальцы:

— Я тобой горжусь. Это было сильно.

Я скосила на него удивлённые, малость покрасневшие, глаза, требуя объяснений.

— Поступок сильной взрослой женщины.

— Ты о чем? — по-прежнему не понимала я.

— Остаться со стариком. Понимаю, что все равно больно. Но мягче было никак, — и тут Гриша опустил голову, вжав появившийся из ниоткуда второй подбородок в шею. — Прости, что я такой эгоист. Нормальный мужик забрал бы ребёнка и вернулся к старику, — Гриша сильнее сжал мне пальцы. — Лиза, я что-нибудь придумаю. Не знаю, как... Пушкин далеко, и я не готов притаскивать сюда Любу и няню каждый день, но дедушка важен, ты права. Да я и сам знаю, что такое жить вдалеке от деда. Я не видел его три года. Дурак... Я променял его на дочь. Тяжело взрослеть, очень тяжело... Но нужно. Вернее, это неизбежно. Но стариков забывать нельзя.

— Покажи мне Деда Мороза, — улыбнулась я, скидывая с ресниц последнюю влагу. — У тебя же есть его фотка на телефоне?

Гриша усмехнулся и протянул мне айфон — на экране горел контакт, а в круге шурился дед с белой бородой и седыми усами, в косоворотке и соломенной шляпе. Теперь я знала, каким будет Гриша лет через сорок.

— Вы похожи...

Улыбалось мне уже намного легче. Я закрыла козырёк и пристегнулась.

— Можно трогаться?

Я кивнула. Умом я давно тронулась. И без ума мне вдруг стало намного спокойнее. Деда Саша накормлен, Люба под присмотром. Моя рука все ещё лежит в тёплой сильной руке. Гриша всю дорогу не отпускал ее, управляясь с рулем одной левой.

— Тебе удобно так вести? — беспокоилась я то и дело.

И вот он повернул ко мне лицо и прошептал:

— Мне хорошо. С тобой.

Мне тоже было с ним хорошо. Непокойно всего немного. Вернее сказать, волнующе, как и должно быть на свидании. А ведь это действительно было наше первое свидание, и я знала, чем оно закончится. Было страшно, но снова совсем немного. Все бывает в первый раз.

Я смотрела вперёд на все еще запружённую дорогу. Куда едут все эти люди? — спрашивала я у слепящих меня стоп-огней. Зачем вы оттягиваете момент, который мы и так оттянули черти насколько. А минуты не вернуть, потерянные в пробке и сомнениях минуты. Сердце стучало в висках быстрее секунд. Пусть оно бьется ещё сильнее, пусть замирает и выскакивает из груди...

Верните мне, духи Рождества, это забытое чувство нужности — пусть этому мужчине действительно будет со мною хорошо. Но беспокойно. Покой — это конец, а Гриша сам сказал, что у нас все только начинается.

Припарковавшись у своего дома, он подал мне руку — галантно, как кавалер ушедших времен, и я ее приняла, как дама, пусть и не присела в реверансе. Лучше бы, конечно, надела перчатку или хотя бы вытерла руку о подол, но платье, пусть и с длинным рукавом, выполнено из тонкого трикотажа, и от моего волнения тут же пошло бы влажными разводами, испортив красоту и торжество момента.

Гриша не подал мне пуховик, сунул вместе со своей курткой под мышку. На улице ноль, да и шагов до парадной не больше десяти — они вышли у нас гулливерскими, так как мы оба спешили оказаться в желанном плену четырех стен.

Глава 5.9 "Новогодняя ночь"

Гриша закрыл входную дверь, обернулся и протянул руку — ко мне, но не для того, чтобы обнять, а чтобы отодвинуть от стенного шкафа, который я нечаянно загородила. А что я ждала от него? Как в кино, чтобы швырнул одежду на пол и сверху меня? И что бы я сказала ему на такое? Уж лучше, извинившись пропавшим голосом, отойти в сторону.

Я чуть не оступилась — вот же черт, в валенках! А мечтала о каблуках, корова на льду собственной персоной! Ещё и наполовину свинуха — не разулась. Хорошо, подошвы чистые — не наследила. Полы здесь тёплые, а на колготки плевать!

— Лиза, лови!

И я поймала — почти машинально — тапочки. Точно мой размер. И... Новые, абсолютно. Подавив или не совсем подавив улыбку, я сунула в них ноги. Гриша уже повесил в пустой шкаф две полные вешалки и нагнулся за тапками для себя. Домашние тапочки — кто бы мог подумать, что они бывают настолько романтичными!

— Ну, чего стоишь?

Гриша улыбался и поводил под пиджаком плечами, точно озяб. Что за вопрос? Стою... Не стою, а жду. Ещё спроси, кого?! Тебя!

— Почувствуй себя дома, — проговорил он, не сделав ко мне даже одного шага. — Если сможешь. Хотя бы постарайся. Ведь дом начинается с тапочек. Они такие же, как у тебя... были, — добавил он, запнувшись на секунду.

Не захотел говорить «как у тебя дома». Спасибо, Гриша... Ты все-таки безумно чуткий. Откуда в тебе это? Кто воспитал? Кто научил так тонко чувствовать... Дед Мороз?

Я опустила голову — почти копия моих тапочек: и цвет, и фасон подобрал верно, а я от волнения сперва и не заметила. Где он их нашел? Сумасшедший... Подняла глаза: действительно взгляд какой-то не такой, не привычный, блестящий, горящий и даже с пьяной поволокой, а Гриша не пил. Губы едва намочил...

Ну что стоишь? Я не хочу поворачиваться к тебе спиной. Ты на неё насмотрелся, когда я убежала с планерки домой... Нет, снова это слово не подходит. К Любе... Я бежала от тебя к Любе, а теперь все наоборот. Я убежала от дочки к тебе, а ты стоишь и молчишь... Смотришь... Ну чего ты ещё не видел? В подсобке ты увидел почти все. На мне нет кружевного белья. Я не планировала сегодня раздеваться, а дразнить себя лишний раз было больно. Так что белье тоже можно снять, не задумываясь.

В твоём доме горячий не только пол, но и воздух, и стены. Прикоснешься — и отдернешь руку. Нет, меня не качает, хотя что скрывать — немного дрожат коленки.

— Тебе нравится платье?

Гриша, ты чокнутый, да? Такое платье не может не нравиться, да и женщина никогда не скажет правду, если она начинается с «не», но сегодня я не хочу ни озвучивать, ни думать об отрицательной частице. Я на все скажу — да, ведь дети — а ты сейчас вовсе не выглядишь взрослым, Гришка Мороз, — все равно не слышат слова «нет»...

— Очень нравится. Когда ты успел купить?

— А что мне ещё делать в офисе? Только по женским бутикам ходить, — усмехнулся он. — Тебе действительно нравится? Только правду скажи! Если да, то сними его аккуратно и повесь в шкаф.

— В этот? — я махнула рукой в сторону зеркальных дверей.

Гриша усмехнулся.

— Нет, конечно. В спальне. Там пустая половина шкафа. А меня нервируют пустые пространства. И красиво одетые женщины, — добавил он хриплым шепотом. — Ты помнишь дорогу?

Я кивнула, кусая язык. Не знала, как спросить, спускаться мне вниз или дожидаться его наверху? Гриша видел мои сомнения, но ему доставляло удовольствие мучить меня. Он даже пиджак скинул, чтобы мое сердце окончательно ушло в пятки, и протянул пиджак мне:

— Повесь заодно, пожалуйста.

Я снова только кивнула. Мороз, ты что такое делаешь?

— Лиза, дай пройти. Здесь узкая прихожая.

Узкая? Несмешно, Гришка, вот точно не смешно! Но я отступила и проводила взглядом его белую спину. Он пошёл напрямиком к холодильнику, а я не пошла никуда.

— Лиза, я не умею открывать шампанское, — улыбался он из кухни по-мальчишески нагло. — Я залью тебе платье или разобью люстру. Новое платье найти труднее. А люстра обычная из каталога.

И он действительно вытащил на свет божий бутылку.

— В воскресенье ее не было, — сказала я зачем-то. — Ты ждал гостей?

Он кивнул.

— Карлсон, который живет на крыше, научил меня главному жизненному принципу: надо всегда надеяться. Я и тортик купил, потому что ждал прихода двух дам.

— Ой!

Я вспомнила про шоколадную колбасу. Я забыла ее в машине.

— Там холодно. Ночью будет минус. Чем не холодильник? — идея идти на мороз господину Морозу явно не понравилась.

Мне тоже. Я не хотела, чтобы он уходил. Никуда. Никогда.

— Хорошо...

Что хорошо, непонятно. Стою и никуда не уйду, хотя и чувствую, что платье под хищным взглядом дарителя медленно расползается по нитям и, если я действительно хочу спасти его — платье и Гришу — то одно надо снять, а другого обнять. А я стою и улыбаюсь.

— Лиза, сними платье и спускайся за шампанским.

Ура, я получила дальнейшие инструкции! Их я и ждала.

Тапочки заскользили по натертому паркету, точно коньки по льду, и я с радостью схватилась за перила. Какие же нескончаемые ступеньки и как тяжело держать спину, точно в балете — вдруг из кухни просматривается вся лестница. Я не могла вспомнить планировку нижнего этажа и не хотела оборачиваться. Я же взрослая женщина. Я не боюсь, что хозяин пойдёт следом. Я хочу, чтобы он пошёл. Но пока слышалось лишь шарканье моих новых тапок — моих!

Да подними наконец ноги, Соколова! Ты же летать должна! Неужели ты такая корова, что не хватает целого роя бабочек, чтобы приподнять тебя над полом второго этажа? Или тебе оттягивает руку пиджак?

Дверь в спальню оказалась открытой — специально? Или Гриша просто забыл ее утром или вообще никогда не закрывал. Я перешагнула через порог — во второй раз колени тряслись ещё сильнее. В первый постель оккупировала Любаша. Сейчас кровать была свободна и идеально застелена. Надолго ли?

Выдохни, Соколова, выдохни! Делай простые движения: три шага к шкафу, открыть створку — не ошиблась, мужская половина. Я схватила пустую вешалку и водрузила на неё пиджак. Их здесь было пять штук. Я их пересчитала пальцами, погладив рукава каждого, точно в них спрятались Гришины руки. Боже... У меня дрожали теперь не только колени, но новая дрожь была тёплой и сладкой. Я спешно задвинула одну створку и схватилась за зеркальную ручку другой и так и осталась стоять — вернее именно близость шкафа удержала меня в вертикальном положении.

На женской половине свободными болталось всего несколько вешалок. Остальные были заняты всяческой женской одеждой, с которой на крученых нитях свисали этикетки, без ценников. Я прошлась по каждой из них пальцами — все из одного магазина. И среди прочего красной тряпкой висел красный пиджак, который Гриша мечтает увидеть на мне в офисе.

Дрожащая рука наконец потянулась к первой пустой вешалке, но не схватила ее, потому что глаза заметили розовую бумажку для заметок. Она свисала с шелкового пеньюара и на ней красивым почерком было написано: «надень меня». Этикетка была намеренно срезана.

Я с трудом сдержала нервный смех. Кто-то перечитал дочке про Алису! Да, да — надень его, чтобы я тебя съел... Это уже Красная Шапочка получается! Но щеки у меня уже явно пунцовые! Гриша!

Мне хотелось позвать его в голос, но я не хотела портить его сказку. Вдруг у него ещё что-то для меня заготовлено... сказочного?! Только бы, конечно, не карета, которая ровно в полночь превращается в тыкву!

Я аккуратно сняла платье и повесила в шкаф. Скоренько прошла в ванную и, остолбенев для начала от сверкающего кафеля, разрешила себе открыть кран, чтобы избавиться от остатка дезодоранта, прошедшего сегодня кучу проверок на стойкость.

Глаза горят — свет включать лишнее, достаточно их и того света, что идёт из спальни. Я сделала шаг назад и чуть не отскочила к душевой кабинке, когда призывно открылся подсвеченный голубым зев унитаза — тайны Третьей Планеты в действии! А он мультики собирался Любе включать! Фу... И поспешила схватить брошенный на кровать пеньюар.

Записку я приклеила на лацкан красного пиджака — пусть повисит без дела, у меня выходные, у меня Новый год... со старым начальником. Три месяца — это почти вечность, если сравнивать с тремя днями, перевернувшими мой мир.

На темно-синем шелке алели аленькие цветочки — сумасшедший Гришка Мороз! Сумасшедший... Я затянула поясок потуже, чтобы полы халатика хоть немного да прикрыли грудь там, где выпускал ее наружу черный бюстгальтер. Дышать я уже почти не могла, а надо ли? Затаив дыхание, я вышла из спальни, но до лестницы не дошла, обнаружив открытой другую дверь. Когда успел? Я перешагнула новый порог и замерла — нет, не под темным взглядом Гриши, по собственному желанию вставшего в угол. А под шквалом собственных эмоций — они посыпались на меня, как кирпичи на голову. Это была или, скорее стала таковой, детская комната: с белой кроватью с резным изголовьем, комодом, письменным столом с креслом и даже с туалетным столиком, низеньким под детский рост, и тоже белым. Золотым в комнате был только Лев — с огромной гривой и длиннющим хвостом. Игрушка занимала половину кровати и была, кажется, больше самой Любы.

— Занавесок в каталоге не оказалось. Тебе придётся самой выбрать в магазине.

— А Лев в каталоге был? — задала я единственный вопрос, который мог сорваться сейчас с языка. Остальные намертво завязли в расплавившихся мозгах.

— Нет, но тут игрушечный совсем рядом. У каждой женщины, даже маленькой, должен быть Лев в постели, чтобы она чувствовала себя женщиной. Разве я не прав?

Раскрыл бы объятия, я бы в них нырнула и промолчала. Но виновник кавардака в моей жизни продолжал стоять в углу.

— Когда ты успел все это купить?

— Вчера заказал. С утра попросил прийти уборщицу и встретить грузчиков. Все, кажется, идеально сделали, нет?

Я молчала. Неужели к месту сейчас мое дурацкое «спасибо»?

— Если не нравится, отправим все обратно. Выберешь другое. Мне просто этот набор показался самым приличным.

— Что ты! Любе все очень понравится. Она о таком и мечтать не могла...

— Мечтать надо всегда, — Гриша наконец покинул свой угол, но до меня ещё не дошёл. — Иначе каким же мечтам тогда сбываться?

Теперь мы стояли рядом. Совсем рядом. Бедро к бедру, как на кухне с кошками.

— Не тут, — Гриша провёл по моей горячей щеке такими же горячими пальцами. — Это детская. А если я тебя поцелую, уже не оторвусь, цветочек мой аленький, краше которого нет в целом свете.

Он сжал мне руку. Со всей силой, но я все же нашла в себе силы сжать его пальцы в ответ. Снова лестница, но с ним уже совсем не крутая. Гостиная с колоннами. На столике у дивана нас ждали два полных бокала.

Я села. Провалилась в мягкую подушку. Гриша присел на самый край дивана и, мне казалось, вот-вот соскользнет на мягкий ковер. Он взял оба бокала, но не протянул мне ни одного.

— Я надеюсь, ты не сердишься. Я не хотел, чтобы ты пришла в пустой дом, точно в гостиницу на одну ночь, — он говорил, не поднимая глаз. — Я понимаю твой страх и не знаю, как убрать его. Твое спокойствие нельзя купить, но если эти вещи хоть немного придадут тебе уверенности в завтрашнем дне, то я не зря убил на шоппинг два утра. Как тебе почерк на записке? Моя уборщица — бывшая учительница с некогда дружественной нам республики. Я думаю, из нее выйдет хорошая няня для Любы. Я с ней не говорил, но, думаю, Наталья Ивановна будет рада оставить швабру, — и тут он вскинул глаза, все еще темные, все еще жадные. — Давай в следующем году о проблемах поговорим, а сейчас... У меня есть тост!

Гриша протянул мне бокал, но не отдал, а прижался губами к моим пальцам, как только те сомкнулись вокруг тонкой ножки.

— Тридцать лет — а дурак дураком... — прошептал он, трогая губами побелевшие костяшки моих пальцев. — Дураком помирать обидно.

— Это цитата, да? — спросила я севшим почти до баса голосом.

— Мищуки пели. Это отец мне постоянно говорит, а мне вот Кукин больше нравится, — и Гриша начал напевать, тихо-тихо: — Тридцать лет — это время ошибок, за которые нет наказаний, — и сильнее вжался губами мне в пальцы: — Но я верю, что не ошибся с тобой. И ты верь, пожалуйста, — и снова запел, уже чуть громче: — Тридцать лет — это синие горы, вкус находки и ужас потери, тридцать лет — это радость и горе, тридцать лет — это жизнь на пределе. Лиза, Лиза...

Он освободил мои пальцы из плена своих губ, и я со стоном разочарования подняла бокал к моим пересохшим губам.

— погоди! Куда без тоста?

Я замерла, но продолжала касаться прохладного хрусталя, представляя, что это Гришины губы.

— Пусть все наши проблемы в Новом году испарятся, как пузырьки из этого бокала. За нас и жизнь без проблем!

Он приподнял бокал, а я — свой, но чуть ниже его — так ведь велит этикет общения женщины с мужчиной? Так велит мне сердце: идти вслед за Гришей, ступая в оставленные им следы.

— Лиза, ты чего?

А я чего? Просто отняла от губ уже полностью пустой бокал. Гриша не отпил из своего и половины.

— Я хочу еще, — улыбнулась я все еще не пьяной улыбкой. — Мне страшно...

— Мне тоже... Но я хочу иметь трезвую голову.

— А я хочу, чтобы у меня кружилась голова.

— Всего-то?

Его лицо исчезло, появилась топорщащаяся над ремнем рубашка. Из моих рук тотчас исчез бокал. Его руки обвилились вокруг моей талии и вырвали меня из объятий дивана. Гриша шагнул в сторону, где не было мебели, держа меня в миллиметре от пола, над ворсинками ковра, но когда закружил, я все равно от неожиданности поджала ноги.

— Гриша... — то ли кричала, то ли шептала я, а он продолжал вертеться волчком.

— Ну что, кружится голова?

— Да! Да. Да... — говорила я все тише и тише, отвечая на короткие поцелуи.

Но вот желанные губы сбегали мне на шею и снова поднялись к подбородку, но вдруг Гриша замер, и я опустила глаза: его нос застрял между моих грудей, стянутых черным трикотажем: хороший такой футляр получился, и нос у Гриши оказался не таким уж большим.

И вот он вновь устремился к моему носу, и наши носы встретились, не мешая губам. Однако нам снова мешал пояс, теперь уже стягивающий не красный кафтан Деда Мороза, а мою талию.

— Гриша, что ты делаешь? — чуть ли не взвизгнула я, когда он опустился на колени, скользя ладонями по шелку, обтянутому мои бедра.

— Спасая твои ногти. Пытаюсь развязать узел зубами.

Он откинул голову, глаза его блестели — в них отражались мириады звезд. Кто утыкал столькими лампочками потолок? Мне хотелось темноты, полной...

— Я сама...

Развязать узел не получилось. Возможно, возьми я лишние пять минут... Но я их не взяла. Пять минут — это слишком долго, за пять минут можно сделать слишком много... приятного друг другу. Я змеей выкрутилась их пеньюара, и Гришины руки замерли под моими лопатками.

— Пойдем лучше наверх. Здравый родительский смысл подсказывает мне, что этим диваном мы воспользуемся еще не раз, а вот кроватью...

Я ничего не ответила. Не успела... Гриша поймал мои губы, и мои руки, и все мое тело. Он держал меня у груди крепко, шел твердо, и мне ни на секунду не захотелось убрать рук с его шеи, чтобы схватиться за перила. Дверь спальни оставалась призывно открытой, и я была тоже распахнута для Гриши настежь. Обе черные тряпочки быстро исчезли с меня, а вот мои пальцы нарочно медленно справлялись с мелкими пуговицами мужской рубашки. Я никогда этого не делала, я наслаждалась пуговицами, точно поцелуями.

— Может, включить свет? — с напускным раздражением дыхнул мне в лицо Мороз.

Только морозец обернулся сорокоградусной жарой. Но ведь на шкале термометра это еще не предел? И у ночи нет конца, если эта ночь новогодняя.

Глава 6.1 "С Новым годом!"

— С Новым годом...

В тишине прошла, пожалуй, целая вечность, и вот я услышала не только долгожданный шепот, но и почувствовала на щеке Гришин нос. И этот нос щекотал, поэтому я непроизвольно отстранилась. А потом, чтобы Гриша не подумал, что я его оттолкнула, приподнялась на локтях, не придерживая на груди одеяла: стыдливость ушла, и я не желала ее возвращения.

— А уже Новый год? — уставилась я в его горящие глаза, должно быть, таким же пугающим взглядом, потому что он зажмурился и ничего не ответил.

Дурацкий вопрос... А другого и не может быть, когда в теле и в голове пусто...

— Уже давно, — приоткрыл он один глаз, точно смеясь надо мной.

Ну и пусть смеётся — кто же в праздник грустит?

Я так и держалась на одном локте, точно врезалась коньком в мягкий и тёплый лёд кровати. А вот Гриша наоборот убрал локоть и рухнул обратно в подушки. На лестнице горел тревожный свет, который озарял спальню точно затухающий камин.

— Как думаешь, президент обиделся, что мы пропустили его речь?

Что я несу, что я несу...

— Нет, не думаю... Нас у него сто сорок семь миллионов. Пропажу двух человек он не заметил. Но, если ты такая сознательная гражданка, я могу включить его поздравительную речь в записи...

Гриша смотрел в темный потолок, но я прекрасно видела, как дергались в улыбке уголки его губ, и помнила их терпкое послевкусие... А он, видимо, подумав, что забыла, вдруг швырнул меня в подушки и навалился сверху с еще большей силой, чем час назад. Или два? Так ведь и не сказал, наглец, который сейчас час... Который час он безраздельно мой.

— То оливье, то Владимир Владимирович... — шептал Гриша мне в губы. — Всегда у тебя есть кто-то важнее меня...

— Ну что ты такое несешь? — улыбнулась я, проводя губами по его носу, но любопытный нос тотчас нырнул в ямочку на моей шее. — Гриша, не надо...

Я хотела добавить — щекотать, но зачем... Он, как мальчишка, не слышал никаких не надо. Да и мое тело не желало их слышать. Ему все было надо, ему всего было мало... Даже ненавистой щекотки, но в исполнении Гриши я и ее полюблю... Не сейчас, нет. Не так быстро... Сейчас я буду извиваться и пищать...

— Ну в чем дело? — приподнял он голову от моей гудящей груди.

— Щекотно, — честно призналась я.

— Ну так на то и рассчитано, — усмехнулся Гриша и тронул носом шею, заставив меня содрогнуться уже по другому поводу. — Мальчишки дергают девчонок за косички, потому что это больно.

Он снова смотрел на меня — и чертики из его глаз перепрыгнули ко мне на губы, и я с трудом сдерживалась, чтобы не слизать их.

— И ты дергал? — спросила я, почувствовав в довершение всего ещё и непонятный укол ревности.

— Предпочитал таскать за вихры мальчишек. А вот сейчас мне вдруг стали нравиться косички, — и он зарылся носом в подушку, рядом с моим ухом, полностью укрытую волосами.

Было чуть больно, слишком сильно он натянул переднюю прядь, но я терпела, не желая прерывать момент совершенно невинной близости. Мы молчали, оставив в недавнем прошлом сбившееся дыхание: мы больше не спешили подарить друг другу наслаждение. Теперь мы станем растягивать его, как карамельку... Начинку конфеты «Коровка»... Боже, да что же я такое несу, даже мысленно...

И вот он дал моим волосам свободу. Даже собрал их в кулак и взвесил — вышло много, очень много... И он успел узреть их цвета воронова крыла, а помедли Гриша пусть даже один день, я б успела поседеть...

— Хочешь, наберу для тебя ванну? — ошарашил он меня своим вопросом, и я не сразу нашлась с ответом, да и ответ мой оказался опять же вопросом:

— Зачем?

Гриша рассмеялся:

— Сказал же, для тебя. Хочешь?

— Зачем? — повторила я.

Но не как заведенная игрушка, а потому что и вправду не поняла его желания налить для меня пенную — ведь пенную же? — ванну.

— Чтобы тебе было хорошо. Зачем же еще? — воскликнул Гриша неестественно громко, или у меня за последние часы (если не дни) обострились все рецепторы.

— Вот именно: зачем еще, когда мне уже хорошо?

Я не задавала вопрос: шепот, который мы передавали из уст в уста, минуя уши, не допускал никаких подъемов и падений. Гриша уже поднял меня на непонятно какое по счету небо и удержит меня там, что бы это ему не стоило. И я по собственной воле не собираюсь срываться вниз — я насиделась в окопе, меня туда больше не тянет... Если только кто-то столкнет меня в пропасть, но этого кого-то нет рядом и никогда не будет, пока рядом есть другой... А он есть — он не фантазия, я могу его нащупать и делаю это. Не щипаю, но глажу...

Ущипнуть сейчас надо если только меня, но я и так знаю, что не сплю, что это наконец случилось со мной наяву... И я не проснусь от сказочного новогоднего сна, потому что сна нет — я смотрю на свой новогодний подарок широко распахнутыми глазами, в которых ни на грамм сна и ни на градус опьянения.

— А будет еще лучше...

Разве может быть еще лучше? Не хочу в ванну, не хочу вылезать из теплой постели — никогда...

— Хочешь выпить?

Да говорю же тебе и глазами, и руками, и вздохами, что я ничего не хочу, кроме тебя... А ты уже здесь и никуда...

— Гриша, ну куда ты?

Я потянулась рукой, но поймала лишь нагретый нашим дыханием воздух.

— Я быстро...

Закрывать глаза и не смотреть ему в спину... И не думать, даже слыша его не такие уж и легкие шаги на лестнице, что он не рядом... Не совсем рядом. В одной квартире, но не под боком...

— Уснула?

Я почувствовала холод бокала раньше, чем открыла глаза. И села, едва не расплескав на кровать все шампанское... Нет, простыням ничего не грозило, все попало бы на мою грудь... Но хрусталь удержал драгоценные пузырьки.

— За новый год по новому стилю...

— Есть только по старому, — попыталась я поправить Гришу, но он улыбался слишком загадочно, чтобы я могла поймать его на ошибке.

— Это у них по старому, а у нас по новому, у нас все будет по новому...

Я не отпускала его от себя, сжав ножку бокала поверх Гришиных пальцев. Брудершафта не вышло, зато я наконец облилась шампанским... Оно потекло по губам на подбородок, потом на шею и грудь, но не пропало даже капли — Гриша поймал все, а потом и бокал, сумев, не отрываясь от моего тела, поставить недопитое шампанское в нишу к лампе. Зачем нам пить, когда мы и так уже пьяны друг другом... Голова кружится, или это земной шар вдруг стал вращаться с бешеной скоростью, отнимая у нас счастливые секунды вдвоем... Скоро утро, да? Но я не хочу, чтобы оно наступило. Оно все равно принесет с собой старые заботы и сдобрит их новыми, о которых мы, возможно, еще даже не догадываемся...

Я искала его губы, а он находил ими мои пальцы, запястья, волосы, дрожащие ресницы, потому что желал слышать отклик на свои ласки... Столько лет не догадываться о существовании любовной песни, которую поют довольные женщины тысячи лет, — это тихий ужас... Верно? О, да — все, что происходило с Каменцевым, было тихо и ужасно... Ужасно, потому что не устояло перед напором настоящего мира, но сказка, подаренная Вербовым, выдержит даже девятый вал... Я знаю... Даже задыхаясь в его объятьях, я выплыву... Нет, я выплыву как раз потому, что буду крепко держаться за его шею...

— Гриша, ну что ты делаешь? — спросила я, не желая отнимать влажной щеки от его такой же влажной груди.

— Ванну... Не видишь, что ли? Я ведь включил свет...

Я видела, все видела, продолжая висеть на нем обезьянкой. Да Гриша и не желал снимать меня со своей шеи — сам ведь повесил меня на неё. Присел вместе со мной на край ванны, подле которой горело несколько искусственных свечей, и целовал под звуки водопада, срывающегося с высоты крана на дно глубокой ванны. Лишь один раз он отстранился, чтобы включить джакузи и взбить пену, точно сладкую вату... Да, для меня все сейчас будет иметь медовый вкус, так Гриша засахарил меня своими ласками. Даже пена...

— Не уходи! — я поймала его рукой, оставив на запястье пенный сугроб.

Гриша замер, но не улыбнулся, как прежде, и на моем лице застыла тревожная маска. Должно быть...

— Лиза, я никуда не уйду.

Он присел на корточки и теперь из-за высоких бортиков ванны я видела лишь его лицо и грудь. И почти не слышала его шёпот из-за бурлящей вокруг меня воды. Или крови, стучащей в голове.

— Я хочу, чтобы ты мне доверилась. Доверилась полностью. Знаю, что это не просто. Но поверь, я тот, кто уходя по делам, всегда возвращается туда, где ему хорошо. А мне было хорошо. Спасибо!

И он уткнулся губами в пену на моих ладонях. Сумасшедший!

— Я всего лишь за шампанским. Вдруг не выдохлось...

Да пусть в нем не осталось ни одного пузырька, мною все равно сейчас владеет вселенская жажда, утолить которую шампанскому не под силу, но, возможно, сладкое игристое поможет мне пережить краткую разлуку с Гришей — ну можно же человеку сходить в душ...

— Пять утра!

Я все ещё ощущала на губах привкус взрослого виноградного сока, когда Гриша, замотанный в полотенце, распахнул для меня огромное махровое полотенце, заставляя восстать из пены морской, как Афродита.

— Я хочу наконец уложить тебя в постель по-настоящему. Взрослое время почти закончилось, а детское наступит слишком быстро.

Он прав... К сожалению и к счастью, прав. Сон, легкий и короткий, прервал не будильник, а Гриша, плечо которого нагло выскользнуло из-под моего уха — сколько же мы проспали вот так, слившись воедино? И сколько сейчас складок любви отпечаталось на моей щеке?

— Хочешь кофе?

Я мотнула сонной головой.

— Не хочу. Лучше обними меня и полежим так лишние пять минут.

— Мы и так их пролежим.

Гриша вытащил из-за лампы айфон и вызвал какую-то программу.

— В этом доме все умнее меня: от туалета до кофеварки. Елена Владимировна до сих пор считает меня неразумным ребёнком, о котором обязаны заботиться даже неодушевленные предметы — роботы.

Гриша откинулся на подушку и замер с айфоном в руке. Сейчас на нем горела камера — селфи.

— Гриш, не надо, — зажмурилась я на свет экрана.

— Меня с красным носом, значит, можно?

— Ты и с красным носом красивый! Убери!

И я выставила руку против камеры, точно заправский телохранитель. Да, я отдала тело Вербову, но не его телефону.

— Не хочешь позвонить Степановой?

Все внутри сжалось — почему мне так стыдно перед Любашей? Почему... Она не может ещё понять желание женщины быть с мужчиной, но не должна обидеться на меня за пару часов, проведенных с подружкой. И я зажмурилась от обиды на собственный стыд сильнее, чем от айфоновского света.

— Давай просто заберём Любу.

— Давай, — донеслось до меня из темноты. — Мне самому не терпится показать Любе комнату. Кстати, ты чувствуешь запах кофе?

Я мотнула головой.

— А он уже готов. Давай вставать. Впереди новый день, вернее оставшаяся его половина, и Новый год — без половинки дня.

Впереди что-то непознанное, но до безумия манящее.

Глава 6.2 "Разбитая семейная жизнь"

Я прятала глаза от Лии, хотя и не верила, что в них может сквозить осуждение. Мне страшно было смотреть и в лицо дочке, поэтому я сосредоточилась на завязках ее шапочки и объяснениях, что подарок из-под елки мы заберём в другой раз.

— Лиза, у тебя все хорошо? — шепнула мне Степанова у самой двери.

— Да, у меня все хорошо... — хотя я продолжала смотреть мимо подруги, которая теперь знала обо мне слишком много. Именно это, видать, и насторожило Лию. — Нехорошо у Александра Юрьевича, и я чувствую себя предательницей. Немного, но чувствую, — добавила уже больше для себя.

Вот тут я готова была разреветься — с меня точно слетела сказочная фата, которой Гриша укрыл меня от остального мира на несколько ночных часов, но мир за сказочными границами его королевской квартиры продолжал существовать вне зависимости от нашего общего желания. И пусть город за стеклами Мерседеса казался теперь совершенно чужим, в нем продолжали жить не чужие мне люди.

— Я не знаю, как себя вести.

С ними. Со всеми. И даже с самой собой. Сказка сказкой. Ее принято читать только на ночь, а день, увы, пугает хуже ночи. Хотя сейчас на дворе почти что вечер. Фонари уже горят. Как факелы. Погребальные. Моим надеждам, что чудом все решится само собой: проблемы исчезнут и я буду жить в сказке. Наивная дурочка...

Любаша сразу поставила меня на место, спросив про платье. И задала вопрос, на который я не находила правильного ответа: почему мы едем к Грише? Да потому что я так хочу — увы, опасно давать детям слишком уж правдивые ответы.

— Он приготовил тебе сюрприз.

Да он вообще сюрприз! Для нас обеих. Завтра будет неделя, как мы неофициально знакомы...

Я не знаю, как себя вести. Я не повторила вопроса, но ждала от взрослой подруги ответа. Или, по крайней мере, одобрения.

— Как?

— Никак, — голос Лии был твёрдый, пусть и тихий. — Все само разрулится. Как-нибудь. И так, как должно быть.

Боже, Степанова, ты веришь в сказку? Новый год наступил, но впереди еще Рождество, день самый невероятных чудес... Я должна в это верить? Должна? Или все же в мужчину, который ждет меня с дочерью под окнами чужой квартиры. В его рукопожатие —

сильное и нежное одновременно, которое передало мне столько мужских сил, сколько нужно женщине, чтобы сделать первый шаг по шатающемуся мосту. Мост выдержит, если я не буду тянуть — если я побегу к другому берегу, но я хочу растянуть эти «на старт, внимание, марш» на пару дней.

— Я не хочу сегодня видеть деда, — сказала я четко, когда Гриша в очередной раз предложил заехать в квартиру Каменцевых. Теперь уже за Любиными игрушками. Но игрушки были лишь поводом. Однако тревожился Гриша совсем не за Александра Юрьевича, он хотел скинуть тяжелый камень с моих плеч. Только не знал, что на них лежит целая гора, скидывать которую придется по крошечным камушкам не один вечер, а этот вечер — вечер так прекрасно начавшегося дня — я не хочу портить проблемами, пусть и не совсем еще из прошлой, но все же в чем-то прошлой жизни.

В моей нынешней жизни не поменялось лишь одно — дочь. Я — мама Любы и я должна сделать все возможное и невозможное, чтобы она улыбалась. Даже тогда, когда взрослая рука слишком сильно затянула под подбородком завязки шапки.

— В машине снимем, — уверила я дочку только в лифте, потому что за собственными мыслями не заметила мучений ребенка. Что за мать!

Гриша выскочил из машины — он никогда не научится просто выходить? Все бежит — все спешит услужить, и я ловлю себя на мысли, что должна на каждом выдохе его благодарить. Не надо за мной ухаживать. Не надо так настойчиво, а то я разучусь все делать сама... А это неправильно. Все как-то неправильно у нас. Хорошо, но не так, как должно быть у взрослых людей. Куда я тащу ребенка? Вырвала ее из одной кровати, уложила во вторую и теперь предлагаю улечься спать в третью? А что делать, что делать?

Дрожащая рука все никак не могла застегнуть ремень безопасности. А ведь это главное — чувствовать себя в безопасности, а мне страшно — страшно услышать, как ребенок скажет: мама, я хочу домой. И как ответить, что у мамы нет дома. Нет другого дома, кроме того, что предложил нам почти что незнакомый мужчина... Мужчина, с которым мне было хорошо в постели, но будет ли хорошо моему ребенку в обставленной по чужому вкусу комнате? В комнате — одной, без мамы... Я пробыла там одна не больше десяти минут. Гриша попросил повесить в шкаф пару сменок одежды. Его, видимо, пугает пустота во всех шкафах. Сейчас он с огромной радостью и с такой же лучезарной улыбкой повесил маленькую курточку в стенной шкаф прихожей. А вот Люба не улыбалась. Моя дочь вдруг решила начать стесняться Григория Антоновича — с опозданием почти что в неделю.

Гришу это смутило не меньше, а то и больше, чем меня, но он быстро решил этот вопрос по-мужски — объятиями. И прижимал Любу к груди сильнее, чем даже меня в порыве страсти. Сейчас вся его страсть сосредоточилась на ребенке, и я стояла у них за спиной, связанная по рукам и ногам чувством материнской беспомощности. Я не знала, как помочь родимой кровинушке сделать со мной шаг из привычного мира в неизведанный. Неужели так и простою истуканом у дверей дома, в котором меня встретили с распростертыми объятиями? Григорий Антонович, так нечестно — дайте мне хоть какое-то распоряжение. Вы же начальник в конце-то концов!

— У нас торт в холодильнике! — ответил он то ли на мои молчаливые просьбы, то ли на какой-то вопрос Любы, который я не расслышала. То ли завел речь о сладком, когда все остальные попытки растормошить ребенка с треском провалились.

Что-то действительно трещало — не пол же под ногами, здесь плитка, до паркета далеко... Это под ребрами щемит или ломается тонкий лед, образовавшийся по желанию Мороза на моем жизненном болоте. Бежать, бежать, бежать... Вперед, к холодильнику, к тарту мечты, к горячему чайнику, дорогущему фарфору...

— Черт!

Я смотрела на осколки у своих бестапочных ног — я забыла про тапки и про осторожность.

— Лиза... — сначала в голосе хозяина чашек прозвучало осуждение, но не трагическому действию, а моим словам, а потом послышался смех: — На счастье!

Люба уже крутилась рядом со мной с метелкой, которую успела выпросить у счастливого папы. Я продолжала сидеть на корточках перед осколками прежней — когда-то ведь явно счастливой — семейной жизни Григория Вербова. На глазах наворачивались непрошенные слезы, и я боялась поднять их даже на дочь и позволила Любе убрать все осколки самостоятельно.

— Лиза, разве нам не хватит пяти чашек?

Гриша протянул мне руку, но я ее не приняла. Не хотела, чтобы он почувствовал мое волнение. Встала сама и одернула юбку из нового гардероба. Слишком короткую — но не я ее выбирала. Но достаточно длинную, чтобы послужить полотенцем для влажных рук.

— Пока и трех хватит, — продолжал Гриша уже где-то у самого моего уха. А я так и не взглянула в его сторону. — Пока хватит...

На что он намекнул сейчас? Я втянула живот и наконец подняла на бывшего хозяина бывшей чашки глаза, бывшие на мокром месте.

— Не люблю, когда бьется посуда. Красивая посуда. Не люблю... — произнесла я в оправдание прилипшим к ресницам слезинкам.

— Это не посуда. Это прошлое. Пусть бьется. Оно ушло и им не порежешься...

И только на этих его словах я взглянула на своего ребенка: Люба уже скинула с совка осколки в автоматически открывшееся перед ней блестящее мусорное ведро. Я схватила ее за руки — все пальцы целы, слава богу! Что же я творю, во что впутала ребенка...

— Блюдца достает Люба! — зачем-то объявил Гриша голосом ГАВа и, подхватив

мою дочь на руки, отнес сначала к раковине вымыть руки, а затем уже поднял к стенному шкафчику с зеркальными дверцами.

— Одно можешь разбить, — Гриша скосил в мою сторону глаза и подмигнул.

— Я не хочу ничего бить, — отвечая, Люба даже малость надулась. Ага, решила, что ее, как и мать, посчитали безрукой.

Я сжала пальцы до боли, до хруста... Или это снова дрожал под весом моих страхов тонкий защитный морозовский лед. Нет, это хрустнул под ногами маленький осколок и намертво завяз в капроне... Но я сдержалась, не вякнула даже проклятье — не надо еще сильнее смущать ребенка: будто ругая за то, что не весь сор за матерью вымела. Но вынуть осколок незаметно от Вербова не получилось. Он резко опустил Любу на стул — да, заставил ее на нем стоять. И шагнул ко мне.

— Допрыгалась?

Ах, какое замечательное слово он выбрал... Как всегда... Да, допрыгалась за разбивание свадебных сервизов!

Теперь на стуле сидела и я — хорошо, не стояла, хотя так бы Вербову не пришлось наклоняться, чтобы стянуть с меня колготки. Лучше бы сказал словами — я совершенно не поняла его намерений, а потом отпираться стало поздно, но я всеми силами старалась скрыть охватившую меня дрожь от быстрого, совсем неласкового прикосновения мужских пальцев к коже горячего бедра. Это уже было, утром, когда я глотала голодные слюни, глядя не на дымящуюся чашечку с кофе, а на подающего ее мужчину. Вылезая из теплой постели, Гриша накинул только халат, прямо на голое тело — завтрак до душа; может, у него так и заведено, а не сделано исключение для меня...

— В душ по очереди, — сверкнул он тогда морскими глазами. — Иначе Любу заберём только второго января.

Я тяжело сглотнула. Так же, как он. Темнота спальни не помешала мне запомнить его тело, изучив на ощупь. Халат теперь не помеха моему шальному голодному воображению. И даже ребёнок не помеха, как выяснилось.

— Гриша, что ты делаешь?

Я смотрела, как мусорное ведро сожрало колготки. Он не понял вопроса. Ещё бы! Даже не посмотрел, пошла ли по стопе стрелка. Что делать? Привыкать к такому отношению к вещам? Или наоборот отучать его, приучая к строгой экономии. Ага, той, которую господин Вербов проповедует в офисе. Явно три месяца копил мне на новые колготки!

— Они были целые... Наверное...

Я же под его тяжелым и жарким взглядом разваливалась на дольки, как мандаринка. Новогодняя — наполняя дом дурманящим запахом и пачкая руки соком. Только

бы он ко мне не подошёл!

— Покажи Любе комнату!

О, да... Спасительная мысль! Уйдите! Оба... Мне нужно успокоиться, мне нужно собраться, мне нужно научиться дышать с тобой одним воздухом...

— Гриша... — я молила и взглядом, и голосом, а он молчал и смотрел на мои стиснутые голые коленки.

О чем думал? О том же, о чем и я... О том, чего не будет... Пока... Пока ребёнок не освоится в новом доме. Люба чутко спит. Очень. И она не поймёт... почему мама вдруг спит не в своей кровати. Сказать, что у Гриши нет в доме третьей? Но ведь это правда...

Я не заметила, как они ушли. Вдвоём. Взявшись за руки. Мысли не собрались, а силы окончательно сбежали. Я сидела и смотрела на злополучное ведро. Ты так же безразлично пожрешь и меня со всеми моими принципами.

Наконец я поднялась и нашла на стеклянном чайнике кнопку. Наверное, он тоже управляется с телефона, но айфон лежал на столешнице чёрным безмолвным прямоугольником. Мне тоже никто не звонил. Как странно. Точно по мановению волшебной палочки о нас вдруг забыли. Весь мир забыл.

Глава 6.3 "Здесь или не-здесь, вот в чем вопрос"

— Лиза, она спит.

Это не вопрос. Это утверждение Гриши. Он стоял в дверях детской комнаты, а я лежала скрючившись на ковре. В ушах все еще стоял Любин крик. Нет, она произнесла просьбу тихо, но слова оставались криком маленькой души:

— Мама, не уходи!

И мама не ушла. Осталась подле кровати, в которой лежал огромный лев. Любаша вцепилась в него, не понимая, что места для мамы тогда не будет. Это понимала мама, и мое сердце не находило себе места. За что страдает мой ребёнок? За меня... За мое удовольствие...

Я не просто закрыла глаза — я зажмурилась, чтобы не разреветься от обиды на несовершенство этого мира.

Кто знал, что так будет... Я любила твоего отца, и Кирилл любил меня. И ты, ты помешала нашей любви... Но я выбрала тебя. Нет, что я вру? Я поверила бабушке Тане, что все у нас с Кириллом будет хорошо. Наивная... Наивная дурочка. А кто я сейчас? Взрослая дура! Не могу сдержать слез ни при ребёнке, ни при мужике.

Я отвернулась от кровати и свернулась калачиком, надеясь, что детская поза сказочным образом вернёт меня в беззаботное детство, где все решают взрослые. Правильно решают...

— Спит? — я подняла голову и потёрла глаза.

Пусть думает, что я сонная, а не зареванная. Но я плакала — не сдержалась. Какая же после этого я сильная женщина?

— Лиза, пошли...

Да, за этим он и пришел: чтобы забрать меня от дочки, которая умоляла не оставлять ее одну. Так и думала, что добавит — снова одну, две ночи подряд. Нет, Любаша слишком мала, чтобы играть словами, но взгляд у нее был красноречивее любой обвинительной речи.

До чая они с Гришей не вылезали из комнаты, и я не поднималась на второй этаж специально. После ужина я с трудом открестилась от купания Любы в детской ванне, в которой обнаружилось такое количество игрушек, точно мне предлагали купать младенца. Я не промолчала, и Гриша немного обиделся. А когда я заикнулась про его неугомонный шоппинг, почти выплюнул мне в лицо, что все эти игрушки принадлежали его дочери — пока дочь еще была его. Я опустила глаза, решив, что самое верное будет просто промолчать. Илону мать увезла от отца, кажется, в три года... Тогда все понятно с игрушками...

Я не закрыла дверь в детскую — я не могла еще назвать эту комнату Любиной — не потому что хотела, чтобы Гриша пошел следом, а потому что боялась, что даже самый тихий щелчок дверью будет ему сейчас самой звонкой пощечиной. Я все думаю о себе, а мне бы подумать об отце, которого лишили любимой дочери. Пусть девочки не похожи внешне, но они обе девочки и маленькие — не верю, что Гриша, хотя бы на пару секунд, не представляет на месте Любы свою Илону. Никогда не поверю... Но должна верить в то, что он желает моей дочери самого лучшего. Ну, не скажу же я ему прямо — что, раздевшись перед ним сама, все еще не могу раздеть перед ним Любу: он ей не папа, пока еще не папа...

В окружении игрушек Любаша немного оживилась и вместо того, чтобы после умывания залезть в постель, принялась ползать в пижаме по ковру и показывать мне игрушки.

— Люба, уже поздно. Посмотри, как жалобно и сонно глядит на нас Лева... Иди к нему. Он без тебя не уснет...

А без меня не уснет Гриша. Если он не превратился в ГАВа, у которого еще придется просить прощения. Но я попрошу — я была не права. Нам всем троим тяжело, больно и страшно начинать жить вместе. А мы начали? Или это все еще новогодний сон? Сколько не были б волшебны такие сны, наступает момент пробуждения в реальность.

— Спи, — я поцеловала прохладный дочкин лобик.

Усни, моя радость. Пожалуйста, усни. Мне очень нужно пойти к волшебнику, которого ты сама решила назвать папой.

— Мама, не уходи...

И теперь, глядя на прижавшегося к игрушке ребенка, я нарушаю данное ей слово и ухожу...

— Она никогда не спала в комнате одна, — говорю Грише уже в коридоре.

— Я тоже, — почти не разжал он губ. — Но быстро привык. К плохому тоже привыкаешь. Но ведь для Любы это хорошо — своя собственная территория. Разве нет?

— Ей страшно...

— А тебе?

Я молчала, но не опускала головы, будто Гриша держал меня за подбородок. Но нет, его руки спрятались в карманы, оттопырили их, делая хозяина похожим на индюка. Обиженного. Все еще обиженного. А он столько всего сделал для нас с Любой — по стрелке секундомера горы свернул. Молчи, глупый внутренний голос! Тут не в наличии денег дело, а в желании потратить их именно на нас. Потратить с умом и любовью. С любовью... Но как это возможно? Так быстро полюбить. Любовь с первого взгляда — удел неопытных сердец, а наши покрылись коркой. Ударишь по ней, а внутри — пустота.

— Хочешь выпить?

Вот так... Думает, по трезвому я не вынесу всего этого.

— Не хочу, — отвечаю почти что одними губами.

— Хочешь, — шепчет он в ответ и наконец отпускает подкладку кармана и берет меня за руку.

На нем домашние штаны и футболка — успел переодеться. Таким я его еще не видела. Ну вот, увидела — и что? Он не сделался ни на йоту проще и домашнее: он остался все той же сладкой загадкой, пусть и в мятых штанах. А я все в той же юбке. Или почти уже без нее — слишком задралась во время моего коверного забвения и я слишком спешила выйти к Грише, чтобы ее одергивать. И сейчас он держит мои сжатые пальцы почти что на уровне моих дрожащих голых коленок. Ну почему у меня лестница уходит из-под ног рядом с ним? Да потому что он лишает меня опоры, прижимает к груди и спускается в гостиную медленно, как победитель — а я покорной пленницей прижимаюсь носом к его плечу, пытаюсь понять, каким порошком постирана футболка... Потрясающий аромат свежести и весны... в середине зимы.

Отстраняюсь от него лишь тогда, когда его рука задерживается на том кусочке материи, который уже бесполезно одергивать. Под босыми ногами мягкие ворсинки ковра. На столике — две пузатеньких коньячных рюмки — неужели действительно коньяк? Неромантично как-то пить коньяк при свечах — вернее одной, в стеклянной банке — это ее ароматом пропахло все вокруг, даже Гриша.

— Я не хочу пить ничего крепкого.

— Это рябина на коньяке, никакой крепости. Зато вкусно.

Гриша поднял оба бокала и коснулся стеклом моего носа — чуть вздернутого, чтобы он хоть в мечтах оказался выше задранного Гришей.

— А аромат-то какой... — продолжает шептать мой змей-искуситель, трогая губами противоположную стенку рюмки, и наши носы почти встречаются над коньячным морем. — Твой аромат, — он сузил глаза почти до кошачьих. — Я могу не пить, а ты пей... Чтобы не думать о всяких глупостях...

Его шепот напрягал. А еще больше — дрожь, охватившая все тело, от макушки до поджатых пальцев босых ног.

— Я думаю о Любе, — выдала я жестко, безжалостно разрушая волшебство момента.

Но Гриша поймал осколки волшебного шара и вернул нас в него одной фразой:

— Сказал же про глупости. Люба спит в обнимку со львом и видит прекрасные сны... Предлагаю тебе сделать то же самое... Твой Лев даже побрился...

И вжал рюмку прямо мне в губы, но я вывернулась, и Гриша с шумом опустил оба бокала на стеклянный столик, а потом источником шума сделал меня: я едва не вскрикнула, когда Гриша оторвал мои ноги от ковра.

— И все равно у тебя будет кружиться голова!

Один, второй, третий круг я еще считала, а потом бросила... И Гриша бросил меня на диван — наверное, промахнулся ковром: на полу для двоих больше места...

— Гриша... Не надо... Не здесь... Не так...

Я как могла уворачивалась от его губ и рук, но все равно лишилась всех нижних элементов одежды — к счастью, через ноги, и юбка не превратилась в шарфик, хотя могла...

— Гриша, ребенок...

И сам Гриша — ребенок, большой. Как и его ухо — я держала мочку между пальцев и оттягивала, оттягивала в сторону в надежде, что он наконец меня услышит. Но он слышал не слова, а междометия, которые против воли вылетали из моей груди ответом на прикосновения его горячих рук к моему раскаленному телу.

— Да выпей ты уже для спокойствия...

Гриша даже потянулся к столику, но я удержала его руку у своей груди, на которой все еще болтался расстегнутый лифчик, на сей раз с вкраплениями кружев.

— Лиза, она спит, а я не усну... Я диким зверем бродил внизу в надежде, что ты вот-вот спустишься...

Мои руки оставались поверх его футболки, и я даже впечатала пальцами ткань ему в плечи, будто желала, чтобы она срослась с кожей и та своим жаром не опалила мою.

— Гриша, Люба чутко спит...

— Здесь два этажа...

— Здесь эхо...

— А ты не кричи, я не глухой...

— Здесь светло...

Он дунул на свечи — они оказались единственным источником света. Но я видела Гришу и в темноте: глаза горят автомобильными фарами, дальним светом...

— Гриша...

Я вывернулась и ткнула губами ему в плечо. Или даже зубами, но, к счастью, не прикусила футболку.

— Лиза, ты не хочешь? — голос был хриплый и тихий. Да и зачем орать, когда он трогает губами мое ухо. — Так и скажи прямо...

— Не здесь... — только и сумела произнести я, пока мои губы еще оставались на свободе.

Наверное, у Гриши не было ответа, и он поцелуями пытался изменить мое «нездесь» на «здесь», но лифчик и кофта как играли роль ожерелья и шарфика, так и продолжали болтаться у меня на шее, которую под ласками я вытянула уже в лебединую.

— Лиза, нам пару дней придется спать с тобой валетом. На даче родителей это точно будет «не здесь»... Не мучай меня, пожалуйста... Раздразнила вчера и все?

— Сегодня... Это было сегодня, — еле выдохнула я, когда Гриша скользнул пальцами по моей груди, собирая в один кулак всю ненужную ткань.

— Вечность назад... Лиза, я так тебя ждал... Три месяца... И что, три поцелуя принцессы и все?

— Имей совесть... — то ли урчала, то ли стонала, то ли мяукала я, уткнувшись носом в его растрепанную шевелюру.

— Нет у меня совести, нет... — он приподнял голову и коварно улыбнулся: он убрал с моей груди только губы, но не пальцы. — Ну что, здесь или не здесь?

— Здесь... — почти что одними губами выдохнула я, почувствовав его руку ниже живота. — Холодно, — добавила уже, наверное, одним лишь взглядом.

И Гриша откуда-то вытянул плед и укрыл меня им с головой — и себя, оставляя свободу лишь рукам, чтобы наконец избавиться от жмущей ему одежды. Я ловила его губы, его пальцы, его волосы — и лишь иногда промахивалась и чувствовала на языке ворсинки пледа. Какое-то сумасшествие, а, кажется, взрослые люди...

— Тихе, тихе, тихе...

Гриша закрыл мне рот ладонью, не губами — лицо его было наруже, но в той же темноте, что и под пледом.

— Успели...

Он дышал тяжело. Я уже и не дышала вовсе, и не слышала, и не понимала...

Ничего...

— Надень мою футболку, она длинная...

Что происходит?

— Да живее ты! Она, кажется, все же ищет тебя в спальне... Дуй на лестницу!

В голове прояснилось, точно мне дали подзатыльник. Я натягивала футболку на бегу и, наверное, на левую сторону... И не одергивала.

— Мама... Мама...

Я перехватила Любашу почти у самой лестницы. Схватила ее на руки.

— Мама...

Она была в полусне и в полной обиде. Я знаю, что она хотела сказать: мама, почему ты ушла... Почему? Да потому что... Меня рвали на части слезы куда сильнее, чем минуту назад совсем другие эмоции.

На лестнице раздались легкие шаги Гриши.

— Неси ее к нам в спальню!

Так и сказал — к нам. Но как я могла вообще сейчас вслушиваться во взрослые слова, когда у меня на плече почти что рыдал ребенок?

— Лиза, она спит... Ну чего ты стоишь? Клади в кровать. Там место и на льва хватит. Игрушечного...

Гриша почти протаранил меня к открытой двери спальни. Он точно ее никогда не закрывает.

Я опустила действительно спящую Любу на подушку, Гришину, и легла рядом, в Гришиной футболке.

— Я пойду приберусь внизу и вернусь. Не засыпай без меня, пожалуйста.

Я лежала и машинально гладила ребенка по волосам. Люба пахла печеньем — как когда-то давно, когда еще сосала мою грудь. Пять минут назад ее целовал мужчина, демон-искуситель, на которого я променяла маленького белокурого ангелочка. Как же так? Как мне разорваться между ними...

— Эй, мать, выпей уже наконец. Спать будешь лучше.

Я с трудом оторвалась от ребенка и перекадилась на соседнюю подушку. Гриша

заставил меня сесть. В его руках — два бокала. В глазах — никакого сожаления о содеянном.

— Ну, за хороший сон Любы!

Я не пригубила, он — тоже.

— Мы ее разбудили, — выдохнула я зло.

— Она сама проснулась на новом месте. Это простое совпадение. Я держал твой рот закрытым.

А сейчас он приставил к моим губам прохладное стекло. Приложил бы ко лбу — рюмка бы точно лопнула от накала.

— Лиз, ну что ты завелась? У всех родителей случаются проколы... Главное, все целы... Особенно я. А думал — лопну. Твоими стараниями. Какого черта коленками сверкала...

Я все еще дышала в рюмку — стекло полностью запотело: рябиновая сейчас закипит, как и я.

— Ты сам меня одел, а потом раздел. Колготки, кстати, были целыми...

— О, боже...

Он чуть откинулся назад... насколько позволяла спина негимнаста — Гриша стоял подле кровати на коленях.

— Хочешь, я их достану?

— Не хочу, — то ли со смехом, то ли с плачем выдала я.

— Тогда не ной из-за колготок. Вот пей и давай спать. Мне нужно много-много сил для встречи с господином Вербовым.

Да, господин Вербов — для жизни с вами мне и бочки рябиновой не хватит!

Но кровати на троих нам хватило. Мы с Гришей спали на второй половине. Или даже на половине половины: нашим переплетенным телам хватило бы и односпальной кровати, или вообще раскладушки. Или гамака — меня и так уже укачало на волнах настойки и настойчивой нежности моего личного господина Вербова.

Глава 6.4 "У взрослых мужчин и у маленьких девочек вопросы одинаковы"

Я лечила мандраж перед знакомством с Гришиной семьей готовкой.

— Зачем ты завела все это?

Всем этим были всего лишь сырники.

— Спасая творог и яйца...

Зачем только я сказала про второй ингредиент рецепта! Гриша стоял далеко от плиты, но близко от меня. Слишком... Слишком усердно касаясь коленом моего бедра — точно оно у него чесалось.

— Ну, яйца ты спасти умеешь...

И говорил он явно не о куриных. Огреть бы лопаткой — так умник выбрал момент, когда у меня руки были свободны, потому что захотел заполучить эти руки себе на шею.

— На нас ребенок смотрит, — прорычала я ему в ухо.

— Она смотрит в телевизор, — коснулся он губами моего. — И вообще ребенок должен видеть правильные отношения в семье, чтобы выстроить свои, когда вырастет. Только честно, что дурного ты находишь в утреннем поцелуе?

— В десятом по счету?

— А ты их считаешь?

Я не нашлась с ответом, а он нашел мои губы.

— Сырники сгорят...

С превеликим трудом я сумела коснуться языком нёба и зубов, не столкнувшись на пути с его языком.

Гриша не разорвал поцелуя, просто схватил сковороду с огня и держал ее на вытянутой руке.

— Гриша, ты чокнутый!

Я чудом сумела оттолкнуть его в грудь, а он, как ни в чем не бывало, схватил из шкафчика блюдо и высыпал на него сырники вместе с маслом.

— Ну кто так делает?!

— Тот, кого пытаются накормить не тем завтраком! — Гриша поставил сковородку на соседнюю конфорку. — Мне нужен допинг. Понимаешь? Иначе я сдохну, не добежав до дачи.

— А ты должен туда ехать?

Несмотря на дурацкие шутки, с самого утра он действительно выглядел слишком серьезным. Меня затрясло ещё сильнее. Если бы только можно было остаться тут, в окружении роботов, а не ехать туда, где живые люди со своими суждениями и непоколебимыми мнениями о том, кто пара их сыну, а кто — нет.

— Ну... Да... — протянул он тихо, будто терялся с ответом. — Братья ждут подарки и вообще... Я обещал Любе квадроцикл. А Ленке я обещал показать бабу, на которую променял ее заботу. Поверь, ей там сейчас хуже, чем нам с тобой. Она гоняет засранцев по всему дому, чтобы они убрали за собой свинарник. А они, понятное дело, свинячат еще больше... Мальчики... Что с нас возьмешь? Орать бесполезно, а она орет. Баба, что с вас взять...

Он снова надвигался, а я — отступала к шкафчику.

— Достань новую тарелку. Я уберу масло. И выключи газ.

— Ну вот, орешь... Говорю ж, что вы с Ленкой поладите. Она хорошая. А папашу игнорируй. Он плохой — по закону жанра. Хорошим всегда достаются плохие.

— Ты разве плохой? — увернулась я от поцелуя, и Гриша попал губами в щеку.

Нет, ну сейчас ты точно пло... плохо воспитан! Нельзя подкатывать к женщине, готовящей завтрак, с грязными намерениями!

— А с чего ты решила, что ты хорошая?

Я замерла на секунду, а он растянул паузу секунд на тридцать.

— Я не хочу сырников, я хочу твои губы, а ты мне их не даешь...

Его руки с плеч поднялись к шее и тронули подбородок.

— Гриша, ты можешь хотя бы говорить потише?

Раз отговаривать от поцелуев его бесполезно, то хоть звук выключу.

— Я могу сделать телевизор погромче, — прошептал он мне в губы. — Но Люба и так не обернется: фиксика куда интересней нас с тобой, поверь мне... Я смотрел их с братьями.

Он не просто поцеловал, он втянул мои губы с такой силой, будто пытался

увеличить в объеме.

— Гриш, да что с тобой?!

Я держала его плечи на расстоянии вытянутой руки.

— Нервы... — он улыбался. — И я действительно хочу тебя целовать. Что в этом плохого?

— Сырники остынут...

— О, боже... — он театрально отвернулся. — Как вы с Еленой Владимировной похожи! Нам все еще хочется копаться в говне, а ей уже надо руки мыть и марш за стол. Не смог я ей объяснить, что мальчишкам лучше во дворе. Как меня растили? Утром стакан молока и ломоть хлеба в зубы. Днем что сумеешь, в саду найдешь. И вечером — жри, что хочешь. Но хочется просто упасть мордой в подушку и дрыхнуть, — улыбка у Гриши закончилась, на лицо снова наделась трагическая маска. — Я скучаю по тому времени. Не думал, не гадал, что буду сидеть в офисе в строгом деловом костюме и слушать бредни женщины, которую желаешь заткнуть поцелуем... Причем, слушать с каменным лицом.

— У тебя это очень хорошо получалось.

— Ещё бы! Я так старался... Не заржать...

А сейчас расхохотался, да так заразительно, что я сколько ни пыталась надуться, только улыбалась.

— Гриша, ты меня сейчас обидеть хочешь? — выговорила я с трудом сквозь щиплющий язык смех.

— Нет, поцеловать... — растягивал паршивец слова и мотал головой, как болванчик. Нет, как болван. Большой! — Поцеловать... Буду обижать тебя, пока ты меня не заткнешь поцелуем сама. Ну, сколько можно напрашиваться на поцелуй? Точно я тебе посторонний...

Господи, Вербов или Мороз, какая разница, как тебя там зовут — кто же ты, если не посторонний! И я посторонняя, а ты тащишь меня на дачу к своей семье. К семье, с которой ты не в ладах. Так нечестно...

Я отвернулась, не одарив его поцелуем, и перед моим носом возникло чистое блюдо — все же ГАВ услышал мою просьбу и исполнил. Потом отправился заваривать чай. Все так же без поцелуя. Я плохая? Ну и пусть. Он тоже нехороший. Может, у них в семье и принято целоваться в засос на людях, но это не мой вариант. И уж точно не при пятилетней дочери.

Завтрак прошёл в натянутом молчании. В королевской тишине, нарушаемой только «пожалуйста» и «спасибо». Гриша дулся — как маленький, но не серьезно. С его стороны это была какая-то странная игра: может, он видел мое напряжение и так по-дурацки пытался

его снять?

Главное, что он ничего не снял с меня, хотя долгую минуту глядел на меня оценивающе. Господи, Вербов! Джинсы остаются джинсами, неважно, сколько за них отстегнули. И кофта застегнута на все пуговицы. Ее стоимость тебе не оценить: она ручной работы, связана бабушкой Таней. Она грела, несмотря на холод моих отношений с сыном покойной свекрови.

— Гриша, в чем дело?

Одежда не подходит? Не тяни, говори прямо! Надену на дачу купленный тобой деловой костюм! Для спокойствия твоей душеньки...

— Просто не могу заставить себя на тебя не смотреть, — сказал он тихо и виновато улыбнулся. — Ущипни меня, чтобы я в очередной раз убедился, что это не сон.

Я подошла, протянула руку, а он только этого и ждал: схватил, притянул к себе и впился в губы. Вот ведь хитрая зараза!

— Гриша!

Я отстранилась и отвела взгляд, который тут же упал на Любу, стоящую в коридоре почти полностью одетой. Она улыбалась. Чему, скажите на милость?

— Люба, — заговорил Гриша.

Я подняла руку — сейчас ведь ляпнет что-нибудь эдакое. И так уже его не на шутку несёт не в ту степь с разговорчиками при ребёнке. Сейчас как выдаст объяснение взаимоотношений мужчины и женщины — пятилетнему ребёнку!

— Я просто люблю твою маму, а когда любишь, постоянно хочется целовать.

Он присел на корточки. Вовремя — иначе бы моя упавшая рука снесла его дурную голову, как стрела строительного крана. Что он сказал? Только что...

— Не купись, я тебя тоже люблю, — Гриша схватил Любу за нос и прижал, как резиновую игрушку, но она не пискнула. — Но маму больше, потому что она сама больше, верно?

Теперь они оба смотрели на меня: снизу вверх, а я и снизу и сверху покрывалась испариной. Что он только что сказал? Ребёнку? Про меня...

— Давай спросим у мамы, — продолжал Гриша будто издалека. В голове у меня шумело синее море его глаз. — Любит она меня или нет?

И снова две пары синих глаз смотрели на меня, но я молчала, проглотив распухший язык. Да и вопрос ещё не был задан. Он ведь просто предложил спросить у мамы...

— Мама, ты любишь Гришу?

Вот Люба и спросила, но я все равно не ответила. Или не отвечала слишком долго. Долго для Гриши, продолжающего сидеть у моих ног.

— Ну, любишь? — Да, он выдержал паузу очень по-дьявольски, с улыбочкой, и добавил: — Гришу?

Будто я не поняла, о ком идёт речь. Хотя как такое поймёшь? О чем он?

И Люба повторила их общий вопрос по-детски медленно, почти по слогам — как и надо для неразумной мамы:

— Мама, ты любишь Гришу?

Они прижали меня к стене в прямом смысле. Я чувствовала спиной зеркальные створки стенного шкафа. К счастью, на спине нет глаз, и я не увижу то, что видят эти двое: моего лица.

Если Гриша сейчас не шутит, то это в сто крат обиднее — услышать признание в любви вот так, в прихожей, при ребёнке: будто он спрашивал, довольна ли я январской погодой? Нет, не довольна. Зимой должен идти снег. Настоящий. Пушистый. И подобные вопросы задают при свечах или хотя бы под пледом, но там он спрашивал лишь одно: хорошо ли мне?

Ночью мне было хорошо, а сейчас стало плохо — с неворочающимся во рту языком.

— Гриша, я...

Ну же, скажи это... Мысль изречённая может и ложь, а вот признание — оно как сказочное заклинание... из трёх слов: я — тебя — люблю. Произнесённых быстро, почти скороговоркой, пока вместе с испариной из меня не улетучилась последняя смелость.

— Ну вот... — выдохнул Гриша, точно говорил заклинание вместе со мной, и поднялся, став почти на голову меня выше: — Теперь жених может на законных основаниях поцеловать невесту. Да, Люба?

Он снова смотрел на мою дочь. Наверное, Любина мать так пылала, что он боялся сжечь глаза.

— А мама — невеста?

Господи, Люба... Уймись хотя бы ты!

— Ну не жена ж... — засмеялся в ответ Гриша, и у меня сжалось сердце и перехватило дыхание. — У неё пока нет белого платья. Только белый пуховик.

Он снова поднял глаза и руку... Но не обнял, а отодвинул меня от шкафа. И я, как заржавевший робот, со скрипом всунула руки в рукава пуховика, который Гриша распахнул для меня.

— А будет?

— Что? — не понял детского вопроса взрослый болван.

— Платье. Белое. Ты купишь?

Люба, откуда этот глагол — купишь?

— Куплю. Конечно, куплю...

Откуда? От верблюда по имени ГАВ. Купит... Он все купит... Наплевав по ходу пьесы на все приличия...

— Готовы?

У него все было готово. Все было в машине. Кроме нас.

Мы шагнули на лестницу. Он захлопнул дверь и хлопнул меня. По плечу. Или просто опустил на него руку. Слишком тяжёлую — или это я слишком ослабла под его чрезмерным напором по всем фронтам.

— Должок вернёшь? — что за вопрос к качающейся даме...

И он вернул губы мне на щеку. Только щеку.

— Все сказанное мною можешь использовать против меня... — его губы скользнули мне на ухо. — Я действительно тебя люблю. И надеюсь на твою ответную любовь не только на физическом уровне...

Так и будем стоять подле закрытой двери квартиры, в которой Люба только что решила мою судьбу?

— Гриша... Ты спешишь.

— Лиза, я опоздал...

Он говорил тихо, чтобы ребенок не слышал. А ребенок болтался на лестнице, что-то там напевая себе под нос — второй этаж, падать некуда. А мне есть куда — и это, увы, обморок, а не мужские объятия.

— Или поспешил... жениться. Я же не знал, что где-то живешь ты и мы когда-нибудь встретимся.

Я перебила его. Точно перебила, пусть и шепотом:

— Ты любил жену. Зачем ты это сейчас отрицаешь?

— Ничего я не отрицаю, — он прижался к моему лбу своим. — И до сих пор люблю Ульяну... Как друга. Понимаешь, я женился на подруге, но так и не стал для нее чем-то большим. Как и она — для меня. Не знал, что может быть что-то другое с женщиной... С другой женщиной... Лиза, я не хочу об этом... Не сейчас, не сегодня. Просто верь в мои слова, как в них верю я. Пожалуйста... Ты мне нужна, очень нужна... В постели, на кухне, в офисе, черт возьми... Заявление она напишет! По собственному желанию...

Он отстранился и поднял руку — я дернулась, непроизвольно, решив, что Гриша схватит меня за нос, как недавно Любу. Но он только провел пальцами по моей горячей щеке.

— Мы напишем заявление. Но другое. Вместе. Я даже Паркер для этого куплю. На сдачу с платья, идет?

Я вжалась щекой ему в ладонь, а собиралась ведь отстраниться и отчитать.

— Мы знакомы неделю... — голос дрожал.

— Три месяца. И не смей говорить моим про неделю, — усмехнулся Гриша. — Ты что, замуж не хочешь? Или тебе фамилия Мороз не нравится?

— Ты не Мороз, — только и сумела пролепетать я.

А он продолжал ухмыляться.

— Пока Вербов. Но это довольно легко поменять. В той семье останется довольно Вербовых мужского пола. Чего тебя не устраивает? Знаешь же по собственному опыту, что и замуж выйти, и развестись довольно легко... Было бы желание. У тебя оно есть?

— Люба ждет... — воспользовалась я своей единственной оставленной мне Вербовым защитой.

Я следила за ее плясками у перил. Он тоже весь разговор косил туда глаза, а сейчас на секунду взглянул в мои — прямо, больно, заставив меня зажмуриться.

— Гриша, не сейчас...

— Конечно, не сейчас. Сейчас зима. Еще и без снега. Июнь тебя устроит? Или лучше июль?

— Гриша...

— Елизавета Аркадьевна, вы еще какое-нибудь слово, кроме «Гриша», знаете?

Я распахнула глаза — широко. Ну, насколько позволял мой миндалевидный разрез глаз.

— Да. Поехали!

— Перевожу с женского языка: я подумаю, да?

Я на мгновение прижалась к нему — тело давало лучший ответ, но Гриша уже протягивал руку Любе: и ребенок не брал никаких минут на раздумье. Она смело сжала пальцы папы Гриши, не думая о том, что знает его меньшее количество дней, чем умеет считать.

Глава 6.5 “Вопрос от будущего свёкра”

У Гришиных родителей была дача только в их понимании. Нормальные люди назвали бы это загородным домом за высоким забором, ворота в котором открывались со скрипом. Зима, заржавели, поди... Мой внутренний голос хамил из-за нервов, и я боялась потерять настоящий, представ под очи владельца Хаммера, на котором сейчас светились огни, как на ёлке — так и было, багажник на крыше и передние фонари были закручены елочной гирляндой. Интересно только, куда она включалась. Но я не стала спрашивать Гришу.

К счастью — хотя бы моему — нас не встречали, хотя камеры явно показали наш приезд, если даже уши привыкли к скрипу. Гриша открыл дверь своим ключом. Интересно, это мною так пренебрегают или все-таки жалеют и дают время освоиться на враждебной территории?

Я не чувствовала себя так паршиво даже при знакомстве с родителями Кирилла. Наверное, нынешнее мое состояние было сродни тому, которое я испытала, когда мы впервые оказались в кровати с его родителями за стенкой. Сейчас я тоже стиснула и губы, и зубы. Как бы меня ни встретили, я ни слова не скажу Грише и буду улыбаться, будто ничего не замечаю. Да, это мой план Икс. Главное, не почувствовать себя в уравнении Игреком.

Первой на нас пошла пехота. Мальчишки выглядели безумно худыми, безумно длинными и безумно громкими. Вообще все вокруг было полным безумием. Но старший брат закрыл грудью амбразуру и подарки, которые почему-то держали мы с Любой. На вытянутых руках, желая быстрее избавиться от неподъемного груза. Взрослые так и не объявились, поэтому предстояло наше двойное представление.

— Дуйте наверх! — скомандовал Гриша грозно и громко. Видимо, чтобы его услышали не столько дети, сколько взрослые. — Покажите Любе Инглиш Касл с рыцарями и принцессами. И драконов не забудьте в замок притащить. Девочки любят драконов.

Руки Любе мальчишки не протянули — не доросли ещё до джентельменства, и мне пришлось подтолкнуть дочь в спину. К счастью, не мокрую, как моя. Даже без пуховика. Люба пару раз обернулась на меня, но потом надо было свернуть за угол, и я первой отвернулась к Грише, который присел у скамейки, чтобы найти тапки для себя: похоже их не было.

— Меня не ждут, да?! — сначала он тихо рассмеялся, а потом зычно выдал вопрос: — Ленка, куда делись мои тапки?!

— Туда же, куда и твои глаза!

Из-за другого угла появилась Елена Владимировна. Как и я в джинсах и свободной кофте, но ещё и подпоясанная фартуком, который выглядел влажным. Видимо, крик пасынка выдернул мачеху из кухни. Вот почему нас не встретили? А не потому что я нежеланная тут

гостья? Или потому, что хотели встретиться со мной уже без ребенка?

На вид ей чуть за сорок, у неё чуть лишний вес, чуть растрепанная челка и каштановые подстриженные чуть ниже плеч волосы. И такие же огромные, как у Гриши, глаза. Снова голубые. Хозяйка улыбнулась мне — не ему — чуть тронутыми блеском губами. Она была вся чуть-чуть не гостеприимна. Или я была слишком на нервах. Одно из двух или оба сразу. Вернее, обе... Мы пару долгих секунд смотрели друг на друга, потом Елена первой сказала:

— Привет.

Не здравствуйте и даже не здравствуй, а вот так просто — именно просто, а не пренебрежительно — привет.

— Будем знакомы лично. Если мы, конечно, уже знакомы заочно? — тут же добавила она с улыбкой и бросила на пасынка уничижающий взгляд.

Тот ухмыльнулся своей самой гадкой ухмылочкой:

— По верхам. Ничего личного.

— Скажи уж прямо, гаденыш, меня считают хорошей или плохой? — спросила Елена каким-то уж очень нерадостным тоном, толкнув ногой домашние тапочки большого размера, и Гриша вместо ответа, прямо в носках, игнорируя тапки, просто обнял ее. Так же крепко, как обнимал меня. Наверное, других объятий он не знал. Тем, кто ему не нравился, он давал в нос.

— С Новым годом, Ленка! Я тебе ангелочка привёз... Позаботься о ней, пожалуйста.

Елена отстранилась от Гриши и уставилась на меня — не оценивающе, а удивленно, но тем не менее я вспыхнула.

— Я о Любе! — вдруг хохотнул Гриша и за локоть притянул меня к себе. — Со своей ведьмой я справлюсь без посторонней помощи.

— Гриш... — это за меня вступилась Елена, вступилась?

— Шамаханской царицей, я оговорился.

— Так бы и врезала тебе! — она подняла над головой кулак, точно и правда собиралась дать пасынку по лбу, и тот действительно шутливо втянул голову в плечи. — И как ты его только терпишь?!

Я?.. От ответа меня спасло появление нового героя семейной трагикомедии. Антон Сергеевич был с сыном одного роста, только раза в три массивнее — выделялся не только живот, но и плечи и бока: шкаф, которого здесь по всей вероятности неплохо кормят, в

тонких очках, седой и с коротко-стриженной белой бородкой. И этот шкаф двигался прямо на меня. Мне стоило большого усилия воли, чтобы не отступить хотя бы на шаг.

— Это Лиза, — выдал Гриша за секунду до протянутой его отцом руки.

Пожать? Так мою ладонь хоть выжимай! Но проигнорировать жест доброй воли нельзя, и я осторожно коснулась пальцев большой руки.

— Очень приятно, — ответила я тихо, и мне было приятно, что рукопожатие не оказалось сильным. Такой и пальцы сломать может. Понятно теперь, в кого у Гриши сильный кулак!

— И все?

Я чуть рот не открыла: что, все? Я должна была сказать приветственную речь?

— А какие подробности тебя интересуют?

Это Гриша за меня отвечает или вопрос все же адресовали ему, хотя пронзительные холодные, почти что серые, а не синие, глаза смотрели в упор на меня.

— Семейное положение — пока не замужем...

Если ГАВ не заткнется, заткнусь я — хлопнувшись в обморок прямо тут, у стенного шкафа.

— Имеется дочь пяти лет, зовут Люба. Пять минут назад зачислена в разбойничью банду атаманшей. Или принцессой, если разбойники вдруг сделаются честными рыцарями.

Антон Сергеевич смотрел теперь на сына. Так же в упор.

— Не смешно, — выдал он сухо. — Ты чего паясничаешь? Можно по-человечески познакомиться нас, нет?

— Можно вообще-то не держать нас в дверях, как неродных.

В голосе Вербова-младшего послышалась злость. А на лице госпожи Вербовой отразилась растерянность. Она снова пнула в сторону Гриши тапки и схватила меня за руку, чуть оцарапав ногтем. Но я не подала виду, что мне больно. Больно было в душе: за Гришу, за себя, за то, что наблюдаю...

— Пошли. Поможешь мне с обедом.

Женщины любую проблему решают на кухне, куда меня приволокли чуть ли не силком и ткнули носом в раковину — типа, мойте руки, дорогуша!

— Ты знаешь про наш тяжелый случай?

Я кивнула: если она про ссору отца с сыном, то да. Елена сунула мне в руки большое полотенце.

— Знаешь, похоже Бог создал женщину не из ребра Адама, а из мозговой извилины. Ее-то у мужиков и не хватает. Да что я тебе рассказываю! — она вырвала у меня полотенце и зацепила за крючок сушиться. — Ты и сама знаешь... Хотя иногда мне кажется, что Бог ещё кого-то создал из мужских мозгов, только Библия об этом, понятное дело, умалчивает. Дураки ведь в квадрате. Оба!

Она села к столу и кивнула на стул с противоположной стороны. Но сесть я не успела. На пороге возник Гриша. Главное, чтобы не начал возникать еще больше словесно.

— Мы с отцом возьмем малышню во двор. Когда нам к столу?

— Когда позову, — почти огрызнулась Елена.

— Так у вас тоже, выходит, служебный роман? — загремел створками седой «шкаф» за щуплой спиной сына, пусть, как и у него, в свитере.

Я снова открыла рот, чтобы молчать и дальше, и обрадовалась поддержке, оказанной моему бедру столом.

— Так же, это он про нас с ним, — скривила бледные блестящие губы Елена. — Я на него работала.

— Что, значит, работала? — почти что изумился Антон Сергеевич. — А сейчас не работаешь, что ли?

— Сейчас я на тебя пашу, — поднялась со стула госпожа Вербова. — Двадцать четыре часа в сутки. Валите с кухни с грязными руками. И... Гриша, возьми из шкафа Пашкину старую куртку для Любы. Куртка у нее, небось, розовая.

Я почему-то вспыхнула. Розовая, ну да... Ну и что? Она — девочка!

— У нас театральные роман, — выдал с опозданием Гриша, точно впервые был шокирован речью отца. — Мы играли вместе на сцене для чужих детей, когда поняли, что созданы друг для друга.

— Игрок! Иди за курткой, тебе сказали!

Отец так двинул сыну рукой в спину, что я очень удивилась, что Гриша не долетел до шкафа пущенной стрелой. Ну разве так можно... Ему не восемнадцать, чтобы вести с сыном себя так распушенно — Гриша взрослый самостоятельный человек. Да еще у меня на глазах, свинство...

— Сядь! — скомандовала Елена, когда мы остались одни на огромной кухне,

которая казалась в два раза больше той, что была в пушкинской квартире.

Темного дерева — под корицу, шкафчики до потолка, который был метра три, если не больше. Стол, за которым мы сидели, с мраморной столешницей служил, наверное, для скорых перекусов, потому что столовая помещалась у меня за спиной, а за ней были большие стеклянные двери, выходявшие, скорее всего на террасу, потому что я увидела, как все пятеро прошли мимо нас за стеклом. Любу держал за руку не Гриша, а старший мальчик, лет десяти.

— Не переживай. Когда Антон с детьми, я более спокойна за детей, чем когда они со мной. Он с ними, как дедушка, очень осторожен.

Какая у нее разница с мужем? Лет пятнадцать? Или больше?

— Я не переживаю, — соврала я, потому что не могла в чужом доме и на чужой кухне сказать правду. — Чем я могу помочь? — спросила, уже стоя на ногах.

— Сядь! — снова скомандовала Елена, и я снова села. — Сначала выпьем за знакомство!

— Сейчас даже часу нет... — пролепетала я.

— А тебе что, за руль? — усмехнулась хозяйка и встала, чтобы вытащить из шкафчика какую-то бутылку. — Собственного изготовления, настойка из черной смородины. Женское лекарство...

— Да я вообще не вожу... — выдала я с опозданием, заразившись Гришиной тормознутостью в разговоре со старшим поколением Вербовых.

— Серьезно? — Елена поставила бутылку на стол. — И как ты собираешься добираться в город из Пушкина?

Я молчала — неужели я должна перечислить весь доступный пушкинцам общественный транспорт?

— Мы же с Гришей работаем вместе, — выдала я спасительную фразу. Думала, что спасительную.

Елена поставила рюмку.

— Так дело не пойдёт, красотка! В Пушкине с ребёнком и без машины ты жить не сможешь. С Гришкой я это обсуждать не хочу. Я сама найму тебе инструктора. И у нас есть старый танк, на котором мы за грибами ездим. Пара новых царापин только украсит Хайлендер, а внутри безопасно. Научись ездить, заморочитесь с новой машиной. И никаких «но»!

Какие «но», я даже рта не раскрыла для вдоха, а внутри уже не осталось воздуха.

Что он сказал про меня родителям? Ещё до того, как так по-дурацки сделал мне предложение на лестничной площадке...

— Ну не идиот ли?

Я вскинула голову — неужели озвучила мысли? Нет, Елена смотрела на экран своего огромного Самсунга.

— Погляди!

Теперь на него смотрела я: на Любу, которая сидела вместе с мальчишками на украшенном огоньками багажнике.

— Похоже, у твоего ни одной извилины нет! Даже пунктиром! Но ты не бойся... Антон там...

Но Антон Сергеевич был уже здесь. Он чудом не снес стол, когда вдавил в него обе ладони, чтобы вперить в меня взгляд поверх очков:

— Вот скажи мне, ты — дура? Совсем дура?

Господи, что я такого сделала... Что Гриша наговорил отцу?

Глава 6.6 "Кто кому два сапога"

— Антон! — это закричала не я, а Елена Владимировна.

Я и не могла обратиться к нему по имени. Вообще я только, как рыба, могла хватать ртом воздух. Ноги отказывались разгибаться, и я не встала. Хотя и не смогла бы — Гришин отец совсем навалился на стол и, подскочи я, ужаленная его вопросом, мы стукнулись бы лбами. Определенно!

— Для тебя это нормально, да? А если к Ульяне побежит, тоже отпустишь?

— Антон!

Но Антон жену не слышал.

— Отстань! — махнул он рукой и смахнул бутылку.

Я просто чудом ее поймала: сработала материнская реакция ловить все, что падает: одушевленное и неодушевленное. Хотя сейчас бутылка с домашней настойкой казалась более душевной, чем хозяин дома. Он злился — явно — но лицо его при этом оставалось каменной маской: щеки цветом сравнялись с белой бородой.

— Я не с тобой разговариваю! — прорычал он жене, смотря на меня.

— Антон, что случилось?

Елена Владимировна подошла и резким движением руки развернула к себе мужа за плечо. Он встал в позу, но не закричал: по-прежнему рычал львом:

— Ничего! — и развел руками, чтобы избавиться от руки жены. — Ничего у нас не случилось! Не случилось ничего нового! У меня просто сын debil, а больше ничего! Абсолютно ничего!

— Антон! Не при Лизе!

— Не при ней? — Теперь он обернулся ко мне всем корпусом, а я, действительно как полная дура, продолжала сжимать двумя руками пойманную бутылку. — Да она такая же, как и он. Идиотка!

А его обе руки снова держали стол, точно желали поднять в воздух и обрушить мне на голову. Абсолютно пустую — я хоть и думала, не могла никак понять, что же такого мы оба натворили, чтобы настолько взбесить родителя. Это что, сообщение о свадьбе, на которую я не соглашалась, пришлось плохим новогодним подарком?

— Антон! — Елена Владимировна тоже забыла все другие слова, кроме имени мужа.

— Вот ты мне скажи, Елизавета, — он точно выплюнул мое имя через щербинку между передними зубами. — Тебе действительно не противно от сознания того, что твоим мужчиной крутит, как хочет, бывшая теща, нет?

— Боже, Антон! — на этот раз Елена Владимировна оттащила мужа от стола уже двумя руками и заставила смотреть себе в глаза: — Вот к чему ты сейчас Тамару приплел, вот к чему?

— Да потому что твой дебил поедет послезавтра встречать ее!

Елена Владимировна отступила на шаг и, закатив глаза, изрекла:

— И из-за этого весь сыр-бор?! Впрочем, как всегда в этом доме: много шума из ничего!

— Лен, ты себя слышишь?! — тряс он рукой уже перед самым носом жены. — Он заводит новую семью и едет встречать мать бывшей жены в аэропорт. Он вообще нормальный?

— И что? — уже почти смеялась хозяйка, пусть и немного нервно. — Тома должна такси, что ли, брать, когда у Гришки дороги двадцать минут от силы?

Антон Сергеевич с шумом отвернулся, хлопнув себя по квадратным бокам.

— Вы, бабы, идиотки, все до единой! И Гришка баба, а не мужик. Я один, что ли, в этом доме нормальный и вижу, что это ненормально?

Он стоял к нам спиной.

— Что я вообще в этом дурдоме делаю?!

— Не знаю, — хмыкнула жена, кусая губы, чтобы те не растянулись в улыбке. — Иди отсюда во двор. Гришка там один с тремя детьми! Имей совесть!

Он обернулся, резко, и полоснул нас обеих ледяным обжигающим взглядом:

— В этом доме только один человек не имеет совести, и это мой сын! Учти! — это он говорил уже мне и снова грозил пальцем. — Если она будет на свадьбе, меня там не будет. И никого из нас не будет!

— Антон, да хватит тебе!

Елена Владимировна заорала это так грозно, что будь у нее в руках скалка, она бы явно пустила ее в ход.

— Хватит! Ты обещал мне молчать. Обещал?

— Я ничего тебе не обещал! — еще громче заорал Вербов-старший. — Я радовался, что этот debil наконец одумался и закрыл дверь. А тут здрасьте, приехали... Две тещи нужны одновременно! Одной мало. Тьфу...

И он действительно сплюнул на идеально вымытый пол.

— Вон! — заорала еще громче хозяйка. — И только посмей испортить нам день!

— Плевать я хотел на ваш день! Этот идиот мне всю жизнь испортил!

— Не смей так говорить... — голос у Елены Владимировны пропал: его с трудом хватило на шепот; какой уж там крик!

Да и Антон Сергеевич решил уйти, оставив последнее слово за женой. Хотя, возможно, он по дороге еще раз сплюнул. И заодно шарахнул дверью, и я краем глаза увидела, как он, размахивая в гневе руками, прошествовал по террасе. В это самое время на столе передо мной появилась пустая рюмка, и я машинально передала хозяйке бутылку, нагретую моими влажными ладонями.

— Извини за этот цирк! — Елена Владимировна тяжело опустилась на стул и разлила темную настойку по рюмкам уже из положения сидя.

А я бы с радостью приняла положение лежа, под плинтусом...

— Я не обещаю, что это не повторится. Для него одно имя Тамары — красная тряпка на быка. Тебя ввели в курс всей этой истории?

Я кивнула и добавила, что все знаю про развод Гриши.

— Да при чем тут развод?! — Елена подняла рюмку, но тут же вернула на стол. — Тамара к разводу не имеет никакого отношения. Она имеет отношение ко мне. К моему фиаско в роли матери подростка. Значит, Гришка тебе ничего не рассказывал, — она отвела глаза. — Что ж, расскажу я...

— Не надо! — ко мне вернулся голос. В полную мощь! — Если Гриша захочет, он мне сам расскажет...

Хватит! Хватит перемывать бедному кости у него за спиной. Пока он развлекает мою дочь! Это свинство... Я не хочу знать, что он не хочет, чтобы я знала...

— Он тебе не расскажет. А если не расскажу я, ты так и будешь считать моего мужа деспотом и умалишенным. Это, конечно, правда... Мозги же Бог у мужиков забрал и нам отдал... Но мне, наверное, не досталось. Мне как-то ничего в этой жизни не досталось...

Ой, богатые тоже плачут... Вы, милочка, хотя бы дом свой видели?

Она снова схватила свой дорогуший золотой телефончик, стоимостью в половину моей зарплаты в хорошие месяцы. Не в последние. Не в фирме ее пасынка.

— Они уже на квадроциклах. Впятером. Но ты не нервничай, — это она хотела протянуть мне телефон, а потом передумала. — Я вот не смотрю и не нервничаю. Иначе никаких нервов не напасешься. Слушай, — она подняла свои огромные глаза на мои суженные. — Он что, только мне шлет фотки?

Мой телефон в сумке, а сумка на входе осталась. Я и сказала об этом хозяйке.

— Хочешь, смотри...

Она протянула мне телефон, но на экране вместо наших детей оказалась девочка — наверное, случайно пальцем провела, пока передавала мне телефон. Или не случайно — я знала, кто передо мной: Илона. Огромные отцовские глаза, непослушное волнистое каре почти до плеч, а на заднем плане доска и американский флаг. Наверное, школьное фото.

Больше машинально, чем намеренно я сунула телефон обратно Елене в руки.

— На Илону переключилось.

Нет, фотография Гришиной дочери попала на экран случайно — на лице Елены отразилось удивление и извинение, но она сказала другое:

— Хороша Маша да не наша... У нас теперь белокурый ангелочек будет, верно?

Я промолчала, но глаз не отвела. Елена положила телефон на стол, дав понять, что фоторепортажа с нашего двора не будет.

— Илона вся в бабку пошла, в Гришкину мать. Настя была хоть стой, хоть падай. Я всегда таким завидовала, как с картинки сошли и держатся так же в любой ситуации. А я что... Особь женского полу. Вот ты хороша... Серьезно, никакого сарказма. Сначала я реально испугалась, что он с тобой из-за ребёнка, — она повысила голос, хотя мы точно были в доме одни.

Точно? Дом вообще-то огромный! Целый полк гусар можно расквартировать!

— Про наш прошлый Новый год знаешь?

Я кивнула, испугавшись, что на меня сейчас ещё больше семейной грязи выльют. Спасибо, не надо. Я сама все узнаю о Грише и от Гриши. Без заинтересованных посредников!

— Вот и славно. Теперь я хоть понимаю, что парень на тебя запал, а не на Любу. Будь я мужиком, тоже б запала, — добавила Елена Владимировна с улыбкой и кратким, нервным, смешком. — И это отлично. Мать он в четыре года потерял, но сестра у Насти тоже была хороша. Гриша на женской красоте воспитывался. То и странно, что Ульяну

выбрал. Хотя тут я все испортила, конечно... И никогда себе не прощу. Ладно, — она снова подняла рюмку и кивнула на мою, которую я, поднимая для тоста, чуть не выронила. — За вас! Чтобы у вас все было хорошо!

Я пригубила вина — сладкого и терпкого одновременно, как наша с Гришей... Хм, наши с Гришей отношения. Любовь у нас только с большой буквы, и это женское имя. Хотя бы пока.

— Что он вообще тебе про отца рассказал?

Я смотрела на Елену Владимировну, на ее блестящие теперь уже от вина губы: что ответить? Нечего ответить... Гриша столько всего говорил, а в итоге ничего не рассказал, как выясняется. Или не захотел: пугать или расстраивать... Или на самом деле меня это просто не касается.

— Мне это важно, понимаешь? — говорила хозяйка, вжимая в мраморную столешницу локти. — Это мой муж, понимаешь? И сколько бы ошибок Антон не сделал, я его люблю и хочу, чтобы эта боль хоть к пенсии его отпустила. Ну и Гришка... Он тоже страдает, хоть и отшучивается вечно, так что это и в твоих интересах тоже, чтобы эти два дурака слезли с ножей.

Я сглотнула. Слюна оказалась кислой даже после вина. Улыбка у меня, наверное, была не слаще.

— Я только знаю, что после смерти матери Гришу воспитывал дед.

Да, именно это я и знала. Плюс то, что ребёнок оказался для отца обузой. Но этого в лицо этой женщины говорить нельзя. Она с мужем, похоже, два сапога пара. А другая бы с таким деспотом и не ужилась! Если только совсем какая-нибудь забитая мышка. Хотя вряд ли в мышинной шкуре она могла бы завлечь богатого папочку. И она довольно мила — странно, что принижает свои достоинства.

— А как она умерла, знаешь?

Я мотнула головой.

— Жутко нелепая смерть. Она уехала с сыном к родителям, как всегда делала летом. Ехала на велосипеде вдоль трассы. К счастью, одна. К счастью... — Елена Владимировна стиснула пальцы в замок. — На скорости у фуры открылась дверь и снесла Настю. Врачи говорили, что не мучилась. Хоть так...

Я смотрела на неё, она на меня. И я почувствовала, что у меня затряслись пальцы. С чего бы это? Дела давно минувших дней...

— Дед не смог вызвонить Антона. Позвонил в офис. Спросил, смогу ли я ему сообщить? Я по дури ляпнула, что смогу... А потом полдня ревела, а когда Антон к вечеру заглянул в офис, ещё минут пятнадцать говорила, что это у меня личное. Ты не думай, у меня

ничего с ним женатым не было. Это потом уже как-то все навалилось, когда он с похорон прилетел без сына. Говорил, не отдали. И я ему верю — здесь бабушка только могла бы с ним сидеть, а там тетка, дед, бабка, братья двоюродные... Да и вообще... — она выдохнула. Тяжело. Очень тяжело. — Благими намерениями, сама знаешь, куда выстлана дорога... Потом сказали, раз ты с девкой молодой живешь, то ребёнку там точно не место. Я даже в Кишинев ездила. Дед сказал — рожай себе сама. Но видишь, не родила. Антон говорил, что у него есть сын и другого ему не надо. Долго говорил. Предлагал мне развод и содержание, если мне так хочется ребёнка. Тогда я думала, ладно уж... Другие вон родить по другим причинам не могут, а живут как-то. Тем более я ни на день не сомневалась в Антоне. Он по бабам никогда не бегал. За ним много размалеванных дур бегало, когда бизнес в гору пошел. На мне непонятно чего он женился. Окружающие говорили, что я воспользовалась его депрессией и прибрала к рукам. Может, и прибрала... У меня у самой шарики за ролики заехали. Я восхищалась их семьей. По-доброму завидовала... Говорила себе, вот замуж выйду только если такого же, как Вербов, встречу. Прямо Державинский вариант. Знаешь, о чем я?

Я мотнула головой.

— В школе, наверное, не говорят про такое. Но в усадьбу Державина могла бы и сходить. Там даже детские елки устраивают. Короче, была у жены Державина юная подружка Дашенька. Все женихам отказывала и объясняла это тем, что идеал мужчины для неё Державин. Но, увы, второго такого нет. Тут по Омару Хайяму прямо, уж лучше быть одной, чем вместе с кем попало... Она в Ревель умотала, чтобы чужому счастью не завидовать. А потом жена умерла и Державин через полгода пришёл к Дашеньке с предложением руки и сердца, хотя был вдвое старше ее. Говорит, будь мне законным другом. Она и стала. Ему нужен был дома кто-то, кого можно было среди ночи разбудить и заставить слушать новые стихи или черновики государственных речей. А потом она увезла его в деревню на пенсию, выписала из Англии ткацкие станки и стала первой в России женщиной-предпринимателем. И как-то без детей общим бизнесом они и жили. И мы жили. Пока меня мать допекать не стала. Мол помрет твой муженек, а ты, дура, одна останешься, без детей и без внуков. Антон мне снова предложил развод. А я сказала — мне уже тридцать почти. Я могу воспитать подростка. Забери Гришу. Ты отец в конце концов, а не дед. Они там переругались в пух и прах. До сих пор не разговаривают. Антон судом пригрозил. В конце концов Гришка гражданин России. И начался кошмар. Полный... Я потерпела фиаско, и Гришка в четырнадцать лет убежал жить к Тамаре. Так там и остался с концами. Нет, пару раз, конечно, Антон притаскивал его за шкуру домой. Грозил Тамаре всевозможными карами, но мальчику было хорошо там, а не здесь. Я столько ночей проревела. И сына не обрела, и мужа потеряла. Антон ни мне, ни Тамаре простить не может. Ты не устала ещё? Я могу тебе в подробностях рассказать. Может, тогда и поймёшь, что она ему никакая не бывшая теща, а вторая мама. Вот он и за кошками бегает, и по магазинам, и от тебя убежит, чтобы встретить ее. И на свадьбу ее пригласит, а не нас, если Антон рогом упрется. Так ты уж прости, если мы своими дрызгами тебе праздник испортим. О, Гришка...

Она заметила его еще на террасе и замолчала. Он зашел, как выяснилось, за водой для детей.

— Гриш, я гитару привезла, — остановила его Елена Владимировна, когда он уже уходил с бутылкой из кухни. — Сыграешь? Споешь?

Он бросил на меня взгляд, потом только на нее.

— Не хочу, — ответил грубо и сухо. — Горло болит.

Это намек на то, что они с отцом все же переругались на морозце?

Елена Владимировна нахмурилась.

— Ты зачем сказал отцу, что встречаешь Тамару?

— Она позвонила при нем. Что я должен был сказать?

— Промолчать.

— Я не собираюсь молчать для вашего спокойствия. Попейте валерьянки. Оба! Лиза, хочешь пойти со мной?

Я перехватила взгляд Елены: умоляющий. Ее губы были плотно сжаты. Она не договорила. И я сказала, что нет. Лучше я не буду смотреть, что они там творят. И мысленно добавила: буду слушать, что они уже вытворили...

Глава 6.7 "Где ты была сегодня, Лизка?"

Так он действительно умеет петь... Еще и на гитаре играет. Так... Чего еще я о нем не знаю, но сейчас обязательно узнаю?

— Какая твоя любимая песня в исполнении Гришки? — вместо секретной семейной информации выдала Елена Владимировна.

Отвечать должна была я. О том, о чем не имела ни малейшего понятия. Мы ведь знакомы неделю. Ну да, сегодня ровно неделя, как... Неделя, как он напел вместе со мной в машине:

— Расскажи, Снегурочка, где была...

Елена Владимировна рассмеялась. Впервые не нервно. Я легко ушла от ответа, да? Скажите, что ДА!

— Я видела ваши фотографии с елки...

И она перестала смеяться. Вот же как... За нами, оказывается, шпионил не только Кирилл. Правда, надеюсь, только он с плохими намерениями. Я Вербовым понравилась, да? Или им наплевать на выбор взрослого мальчика, только бы он не общался с теми, кого не любит папочка?

Да получу я тут наконец хоть какой-нибудь ответ? Хоть на что-то... Или я зря отказалась от предложения ГАВа? Единственного за последние часы невинного — поиграть с детьми. Но тут, кажется, взрослые нас, таких же взрослых, снова заставляют стать детьми и чему-то и кому-то подчиниться. Кажется или так и есть на самом деле?

Я кусала губы, желая их всего лишь облизать. Выдавать какие бы то ни было слова мой язык был не в состоянии. От всей этой недельной гонки я чувствовала себя загнанной собакой, у которой язык свесился до пола.

— Хочешь чаю?

Это так заметно, да? Я кивнула, отодвигая чуть недопитую рюмку. Умная хозяйка, к счастью, не спросила, нравится мне или нет? В другое время и в другой компании я, быть может, и сумела бы насладиться домашним черносмородиновым вином. Но сейчас мне нужно было полбанки чего-нибудь покрепче, чтобы разобраться в их семейных хитросплетениях.

Елена Владимировна включила чайник и поставила передо мной жестяную коробочку нежного лавандового цвета, на которой были нарисованы розы и еще какие-то садовые цветы: на крышке на овале серой скатерти красовался белый силуэт чайника и было написано по-английски «сорок чайных пакетиков». Зачем я все это читаю? Еще и поднимаю к глазам: лучший английский чай. Эрл Грей. С бергамотом, то бишь.

— Это чай английской королевы, можешь не сомневаться, — улыбнулась хозяйка, поставив передо мной закипевший прозрачный чайник. Точно такой, какой был у Гриши в квартире. Вот кто его купил... Впрочем, Гриша этого и не скрывал. Чайник в купе с самопроизвольно открывающимся сиденьем унитаза...

Я снова нервничаю. Почему? Мне бы не чай, а горсть желтеньких таблеточек валерианы на блюдечке с голубой каемочкой...

Именно такое появилось передо мной. Чашка тоже королевская?

— Я купила это в Букингемском дворце. Возила мальчишек в осенние каникулы на мюзикл «Матильда». Люба английский подучит, тоже свезешь.

Его еще не подучила мама Любы. И не заработала на билет до Лондона. Или нас уже поставили на баланс семьи? Вместе с грибным танком, который мне предлагают научиться водить...

— Пашка потребовал в Тауэре купить ему замок с драконами, рыцарями и принцессами. Мне бы кто заранее сказал, сколько весит коробка... Мы ее с Лешкой еле до такси дотащили. А потом наш папочка попросил привезти ему из Лондона то, чего у него нет, но что ему очень необходимо, — она рассмеялась, тихо. — Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Я увидела в Букингемском дворце в витрине под стеклом и под замком бутылку виски. Меня раз двадцать переспросили, действительно ли я его хочу, потому что он тут для антуража... Понятное дело, на нем ценник такой, что все только любоваться ходят. Я сказала — да, хочу... Бабушка, божий одуванчик, ровесница королевы, не иначе, пошла за кем-то, чтобы бутылку достали... Но это было еще полбеды. Они бутылку унесли и потом принесли мне ящик, деревянный, набитый соломой, потому что эта бутылка именно так должна перевозиться по английской традиции. Рыцари и виски — нам пришлось покупать чемодан. А чай я положила в сумочку... Где ты была сегодня киска? У королевы у английской. Что ты видала при дворе. Видала дуру в серебре, — переделала рассказчица знаменитый стишок.

Мышь тут одна. Как раз в серебре — кофта у меня серая с серебряной нитью. Надо было ее надевать на встречу Нового года, а не красное платье. Вот и стала красной тряпкой для Вербова-старшего. Ну и младшего заодно...

— Бери пакетик, чего ждешь? Как не дома...

А будто дома — об этом говорил мой бегающий взгляд и против воли дрожащие руки.

— У бабы Лизы, как они называют свою королеву. Так что вы тезки.

Мои мысли бегут быстрее ее слов. Я столько всего надумать себе успею за этот вечер.

— Дать тебе бискотти? Разбавить итальянской страстью английскую чопорность?

Я кивнула. Юморить Гриша все-таки от мачехи научился. А не от второй мамы, наверное.

— А Гришку мы играть все же заставим. Обожаю, когда он поет... Дед его натаскал к двенадцати годам. Как профессионал играл. И пел... Вообще был классный пацан. Не знаю, что в него бес вселился. Он, кажется, со всеми в школе подрался. Даже с физруком. Дня не было, чтобы мне не звонили. Причем, бил со злостью. Не играючи. И Антон, дурак, ему дома пару раз двинул, а этого делать было никак нельзя. Первый раз он до вечера где-то прошлялся, а во второй домой вообще не пришел. Два дня. Мы даже в розыск подали к утру. А он в подворотне соседнего дома отсиживался. И в школу пошел на третий день. Два дня голодал. У него денег с собой не было. Соседка по парте чуть ли его не от голодного обморока бутербродом спасла. И домой притащила, только к себе. И он больше оттуда не уходил. Сказал, что его дома бьют и унижают его человеческое достоинство. На нас опеку натравили. За дело, я так и говорила Антону. Но ребенка домой мы вернули лишь по документам. Мы его когда силой притащили от Тамары, он сбежал, оставив записку, что едет в Кишинев. Прихватил всю наличку из дома, которую нашел. Только чудом, нашими молитвами, менты его с поезда сняли. Умудрился зайцем пролезть. Антону сказала — тронешь ребенка еще раз, возьму Гришку в охалку и вместе с ним уйду. В общем, он так год жил на две квартиры. Антон орал, а я тихо деньги Тамаре давала на еду и одежду. Гришка от нас ничего не брал. А потом Антон узнал про деньги... Сказал, ни копейки больше не давать. Пусть сами кормят или домой отправляют. А Тамара одна дочь растила. И когда Гришка узнал, что мы деньги за него давали, он и оттуда свалил. С Ульяной, вдвоем ушли. Им около пятнадцати тогда было. Сказал, что они снимут комнату, а он будет ходить с гитарой по электричкам и петь. Еле уговорили к Тамаре вернуться. Но с гитарой ходил. И ему денег давали. Он как цыганенок был. Только глаза выдавали русскую кровь. А потом Тамара позвонила и сказала, что Гришка в больнице. Официальная версия — ввязался в уличную драку. Он говорит, менты отметили просто так. Антон всю прокуратуру на уши поставил. Я сказала — жив и слава богу. Зубы мы ему, конечно, не спасли. Если бы сразу к врачу, вживили б, а так удалить пришлось. Но скажи, что ты не знала, что они у него не настоящие?

Я мотнула головой.

— Вот видишь. Не зря кучу денег отдали. Но ребенка не вернули. Да он уже и не был ребенком. Но это полбеда... Мы как-то это пережили. Он даже учиться начал. Финэк закончил. Ульяна тоже башковитая девчонка, Политех осилила. Я Антону говорила: у них все хорошо, порадуйся за детей... Но он не отставал. Тогда я ему и брякнула: роди себе другого и воспитай, как хочется. Так наконец появился Лешка, а Пашка случайный — я за Улькин живот беременный подержалась... — рассмеялась Елена, но снова горько. — И дохаживали мы с ней параллельно, — потом уставилась на меня и проговорила почти шепотом: — Антон Илону ему простить не может. Говорил, не переживай, мы с Ленкой ее воспитаем вместе с пацанами. Первая девочка в семье — Антон внучку на руках носил, он даже как-то примирился с Ульяной и Тамарой. А потом... Эта Америка и... Они нам о

разводе за новогодним столом сообщили. Мы-то думали, Ульяна как всегда на праздники приехала, а они бумаги по-быстрому решили оформить. Ну и приехали к нам как бы проститься. У Антона был шок, — Елена отвела глаза. — Знаешь, ему казалось, что Гришка его опыт на себя проецирует. Типа, не справится с ребенком. Потому Антон и помощь предлагал. Но я-то знаю, что Гришка просто не мог разлучить дочь с матерью, поэтому и отказался от ребенка. Антон орал, что он отберет внучку у Ульяны. Эти два дурака даже подрались. Елку на себя перевернули. Ульяна схватила Илону под мышку, вызвала такси и в аэропорт. Кажется, даже без чемоданов. Купила новый билет, боялась лишние два дня оставаться в Питере, и все — теперь она ребенка не отпустит в Россию никогда. Я не верю ни в какую ветрянку. Это Гришка для нас выдумал. Думает, мы дураки. Они и прошлым летом в Болгарии домик снимали для Тамары. И Гришка туда ездил. Мы столько всего наворотили, уже и не разгрести. Антон совсем загнобил бедного Гришку.

Мол, ответственности испугался. Не мужик, не отец и так далее и тому подобное. Гришка и заявил, что возьмет ребенка из детского дома. И ведь пошел туда. Я могла только молиться. Он никого не слышал. Даже Тамару. Он вообще закрылся. Даже про тебя ни слова не сказал.

Говорить было нечего и не о ком — хотелось сказать, чтобы хоть немного успокоить Ленку, у которой тряслись ресницы. Но я молчала. Гриша запретил говорить правду.

— И даже неделю назад не сказал. Ты же была рядом, когда я звонила. Ведь могли же к нам приехать. Могли... Антон вчера орал как ненормальный. На меня, потом на него по телефону... Сегодня Тамару добавили. И утка у меня точно сухая получилась, — вдруг рассмеялась Елена Владимировна неестественно весело. — Дурдом у нас полный. Добро пожаловать, Лиза. Смирительных рубашек на всех не хватает, так что держать этих мужиков, от мала до велика, будем голыми руками. И крепко-крепко. Чтобы не рыпались.

Она облизала губы и бросила себе в пустую чашку чайный пакетик. Мой уже давно превратился в чифир.

— Лиза, я ни о чем не хочу просить. Мне стыдно просить, — более твердо добавила Елена, наливая в чашку кипятка. — Я не хочу лезть в вашу семью. Но если это возможно, попытайся по-женски помирить его с отцом. Ну хоть чуть-чуть. Гришка добрый. Он любит отца. Он просто не умеет первым просить прощения. И Антон не умеет. Но ему шестьдесят, а Гришке тридцать. Ну кто-то должен быть умнее. Ну сколько можно кричать «сам дурак!» Ведь родные люди. Других нет. Другим мы не нужны. Мы вообще никому не нужны. Но если еще и внутри семьи грызться. Причем, было бы из-за чего... Прошое не изменить. Так давай мы еще и будущее кувалдой раздолбаем! Разве так можно...

Она вдруг бросила чашку, не донеся до рта, и закрыла дрожащими ладонями глаза. Я вскочила со стула, к которому, думала, приклеилась суперклеем. Елена не противилась, уткнулась мне в плечо, но поплакать ей не дало появление виновника слез.

— Это еще что такое? — Гриша спрашивал у меня, потому что только я подняла голову. — По кому плачем?

— По прошлому году, — отстранилась от меня Елена почти что с сухими глазами.

— А что по прошлому-то плакать? Надо за новый пить. Вы, гляжу, уже начали... А мне даже не предлагаете?

— Вам с отцом — виски. Королевский. Надо его приговорить... к распитию.

Она смеялась, поджав губы, но быстро отвернулась к плите, на которой закрытая в латке стояла, видимо, сухая утка.

— Руки мыть и за стол.

— Мыть нечем. Горячая вода дефицит. У вас водогрей погас. Еще утром, похоже... Я за спичками каминными пришел. Выдай.

Елена протянула Грише большой коробок.

— Заодно сауну включи.

— Кому?

— А ты догадайся...

— А что, кто-то простужен? Я, что ли? — все хлопал он глазами. — Я про горло пошутил. Я могу для тебя сыграть.

— Да, Гриша... — тяжело выдохнула Елена и постучала по его лохматой голове. — Ты не поумнел. Я зря надеялась...

— Слушай, можно без намеков? Я тупой и никогда это не скрывал. У меня и справка от врача есть о сотрясении мозга...

Он улыбался — и я не сводила с него глаз. Нет, зубы все на месте, на своем, пусть и не настоящие, но Гриша настоящий и теперь еще более чем...

— Для вас с Лизой сауна. Я уложу Любу вместе с мальчишками. Может, ты, конечно, хочешь весь вечер просидеть с отцом? Я не знаю...

— Нет, я лучше в баню...

— Дошло наконец, жираф ты мой ненаглядный.

И она вдруг притянула Гришу к себе, и он не сопротивлялся и не обнял, а сам прижался к пышной груди мачехи. И я вдруг представила его напуганным двенадцатилетним мальчиком, вырванным из дедовской семьи. Наверное, были моменты, когда он вот так же прижимался к Елене Владимировне... Но молодая мачеха не сумела удержать его в своих

ОБЪЯТИЯХ.

Глава 6.8 "Принцип "Дурак-сам-дурак" в действии"

Обед или уже почти ужин — за стол мы сели в пятом часу, хотя позвали всех еще в половину четвертого — прошел в чопорной английской атмосфере: вежливость и ничего, кроме вежливости, и я бы не удивилась, заговори мальчишки по-английски, но они в основном молчали, только изредка поглядывали в мою сторону. Туда же косился и хозяин дачи.

— Кто со мной играть в пинг-понг? — Гриша подорвался из-за стола первым.

Слова старшего брата подействовали на мальчишек командой «марш», и они лишь чудом не перевернули английский фарфор.

— Назад! — так орут обычно сорвавшимся с цепи... собакам. Но иначе бы мать не услышал никто. — Каждый тарелку в зубы и на кухню. У нас нет тут прислуги!

А там есть? То есть в городе? Или ограничиваются приходящей уборщицей?

Да какое мне дело... Вот никакого! В доме нет стерильной чистоты. К счастью, хоть один пунктик тут отсутствует. Это только в кухне пол блестел. Наверное, его заляпали во время готовки.

— Ты все?

Я не успела даже ответить, так ловко большой мальчик забрал у меня из-под носа тарелку, а следом и у Любы.

— Тогда и мою захвати, раз такой заботливый, — и Елена тоже протянула Грише пустую тарелку.

Отец тут же ушёл в кухню со своей. Сказал ли он что-то старшему сыну или нет, мы не слышали. Виски не пили, трубку мира не раскуривали — наверное, берегли на вечер. Как и ссору, очередную, хотя я очень надеялась, что на этот раз меня пронесёт...

После обеда мне дали передышку, разрешив остаться в комнате с замком. Кто в этом доме дракон? Кажется, тут все семейство взрывоопасное.

— Лиза, Люба ест запеканку или мне сырники сделать?

Видимо, Елена Владимировна, как и я, спасала творог. Говорить, что мы его уже ели с утра, невежливо.

— Лучше запеканку.

Не надо напрягать хозяйку еще больше. Да и Люба не скажет, что сырники были с утра. С утра ещё были улыбки, а здесь — вымученное праздничное настроение, хотя снизу все же доносились радостные вопли мальчишек: Лешка с Пашкой приезд старшего брата приняли на ура. Я глушила непроизвольную обиду на свое заточение мыслью, что сиди Гриша подле меня, это явно вылилось бы в недовольство со стороны хозяина дома. А сейчас у него не было возможности поругаться со старшим сыном, потому что того взяли в плен младшие сыновья.

Я не могла помочь Елене на кухне, потому что Люба, как настоящая принцесса, отказалась принимать участие в спортивных играх, и я не могла оставить ее одну.

— Я ее быстро перевоспитаю, — заявил Гриша мимоходом, желая, видимо, чтобы эта фраза каленым железом выжглась на моем сердце. Он по-прежнему считает, что мое воспитание однобоко, и Любе действительно не хватает рядом папы. Его право... Он это место застолбил.

Да, наверное... Люба слишком девочка. Для него... Он, видимо, не знает, что не все женщины в детстве были сорви-голова... Я не была или просто не помню разодранных колготок и коленок.

— Лиза, Люба умеет читать?

Я чуть не подпрыгнула от вопроса. Не знаю, что меня взбудоражило больше: низкий голос Антона Сергеевича или неожиданность его появления на пороге игровой комнаты. Или все же сам вопрос?

— Умеет...

Это тоже проверка моей состоятельности, как матери?

— Я с ней тогда почитаю, а ты иди на кухню к Лене.

Это меня освобождают, хотя я и не устала? Или все же Ленку? Или пытаются проявить заботу о девочке? Но грубо, по-директорски. Марш на кухню!

— Люба, ты хочешь почитать... — Мне пришлось поднять голову. Она сама поднялась, хотя я и не собиралась искать ответ на лице Антона Сергеевича. Да и какой ответ я могла найти в глазах, спрятанных за очками, в стеклах которых играли блики от ламп, которыми был усыпан потолок. — С Гришиным папой.

Секунда замешательства. С обеих сторон. Или даже с трех...

— Меня можно называть дедушкой...

— У меня уже есть два дедушки, — отозвался ребёнок растерянно, но все же раньше обалдевшей мамы.

Но Антон Сергеевич не растерялся:

— Буду третьим. Пошли!

И протянул руку. И Люба взяла ее, но не так свободно, как с Гришей. Заодно с опаской покосившись на меня. Но я кивнула — за эту неделю я по собственной воле зашла слишком далеко в отношениях с совершенно чужим мужчиной. За спиной горят мосты. Остается только идти вперед. И чем быстрее я войду в новую жизнь, тем всем будет спокойнее. Всем, но не факт, что мне. Мне будет труднее всех. Хотя моя история даже близко не стояла с тем, что выпало на долю Вербовых. Нам ли, Любаша, быть в печали...

— Извини, что так грубо, — этими словами встретила меня Елена, и я поняла, что помогать ей ни в чем не надо. — Антон без дела слонялся.

— Люба любит книжки, — ответила я совсем тихо.

— Вот и хорошо. Хочешь чаю?

Я мотнула головой. Мне хотелось уйти. Уехать в Пушкин... Как-то беспокойно прошло знакомство с будущей семьей. Будущей... Я села на стул, потому что положение было действительно хоть стой, хоть падай. Неделя... Это, конечно, не пять новогодних минут, но не намного больше.

О чем мне говорить с этой женщиной? Я и с ее пасынком не особо говорила. Больше целовалась. Вот и доцеловалась...

Елена Владимировна смотрела на меня дружелюбно, хотя и решила заполнить на меня анкету, от любимого цвета до любимого эстрадного исполнителя. Шутка. Она расспрашивала меня про семью. Настоящую. Ту, в которой я жила достаточно счастливо до своего решительного желания уехать покорять Питер. Рассказывать было особо нечего. Обычная семья: мама, папа, сестра и ее семья. И, честное слово, впервые я радовалась, что мне нечего рассказать. У меня обычная, то есть нормальная, семья.

— Моя королева еще жива?

Гриша не подошел с поцелуем, за что я была ему безумно благодарна. Мне хватило его взгляда, который читала не я одна, но и Елена Владимировна.

— Где твоя гитара? — решил отвлечь внимание мачехи коварный пасынок.

И только она ушла с кухни, вцепился в меня обеими руками.

— Впервые мне очень хочется, чтобы в этом доме меня быстрее послали в баню, — уложился он с речью в долю секунды, чтобы в следующую поставить жирную точку поцелуем. Или многоточие.

Я косилась на арку в страхе быть пойманной с поличным. Ну да, я украла у них

Гришу. На Новый год. И надеюсь, не один.

— Гриш, не здесь...

Я вывернулась, теперь за мои губы отдувалась шея.

— Ну что ты делаешь?

Я уперлась руками ему в грудь, чувствуя приятное и недопустимое сейчас тепло, которое сожжет меня огнем, продли он ласки хоть на секунду.

— Гитару настраиваю...

Он отступил от меня за секунду до появления мачехи — у него точно тонкий музыкальный слух.

— Минуточку тишины, — попросил Гриша, усаживаясь на стул с гитарой и телефоном, чтобы подкрутить колки. Мои нервы он натянул до предела. Только бы они не лопнули раньше времени. — Что сыграть?

— Мою любимую. Румынскую.

Гриша подмигнул мачехе:

— Я не могу петь ее при Лизе.

— Почему?

— Из-за содержания.

— Но мы-то слов не понимаем, — настаивала мачеха.

Гриша откинулся на спинку и качнулся на стуле:

— Но я-то знаю, о чем пою... Я почти женатый мужик, и мне нельзя такое петь...

— Гриш, ты можешь без подколов?! Спой уже что-нибудь... А то без ужина оставлю!

— А я его ещё не заработал? Я семь потов спустил с твоими детьми. Мне срочно нужно в баню...

И глянул на меня.

— Я все помню... Пой. Потому что я уже не помню, когда ты в последний раз мне пел...

Гриша начал с медленного перебора:

— Вы просите песен, их нет у меня, — запел он, прищуренно глядя на нас поочередно. — На сердце такая немая тоска, — он специально понизил голос до баса, и мне оставалось только гадать, того требует песня или это он просто смеется над нами. — Так скучно, так грустно живется, так медленно сердце холодное бьется, что с песнями кончить пора.

Он ударил по струнам и зажал гитару коленями.

— Григорий Антонович, за что же вы меня так не любите?

Вопрос Елена Владимировна задала слишком серьезно. Гриша поднялся и, не отпуская гитару, двинулся к арке, но проходя мимо, коснулся щеки мачехи своей. Теплой. Я знала, какая она теплая... Сейчас и всегда.

— В мою скучную жизнь вы вплелись так туманно, — пропел он тихо, но очень красиво. — Неожиданно радостна ваша тайная власть. Люба! — не только Елена Владимировна, но и я, хоть и стояла в дальнем углу кухни, подскочила от неожиданности. — Оставь деда в покое и иди к папе. Я не буду мучить тебя книжками!

Я шарахнулась головой о шкафчик — ну вот зачем, зачем... Принцип «Дурак-сам-дурак» в действии.

— Она уже зовёт его папой? — повернулась ко мне Елена Владимировна, когда Гриша исчез по направлению к гостиной.

— Они так решили, — выдала я правду. Немного горькую. Как поцелуй после коньяка. Он был. Когда Гриша отправлял меня на откровенный разговор со свекром. — Сами. Без меня...

Здесь все без меня решали. Но если что-то пойдёт не так, во всем обвинят меня. Тапки полетят со всех сторон.

— Интересно как...

Гриша вернулся с Любой в одной руке и по-прежнему с гитарой — в другой.

— Мы решили петь вместе. Кузнечика.

Я села на стул. Хорошо, что он был у шкафчика. Наверное, хозяйка доставала что-то с верхней полки.

Они решили. И они спели. Господи, у моей дочери нет ни слуха, ни голоса... Как же раньше я этого не замечала? Или это Гриша не попадал в ноты. Нарочно или из-за нервов. Все мы тут были на нервах. Они торчали из наших глаз обнаженными проводами: не подходи, убьёт. Особенно к Антону Сергеевичу. Как у него не треснули стёкла очков — загадка! Я все ждала, кто из них будет лягушкой, а кто кузнецом... Короче, кто кого сожрет

первым.

— Мыть руки. И за стол! — Елена Владимировна четко знала, когда наступает момент Икс.

И снова все было чинно, за исключением того, что Люба то и дело трогала меня, точно проверяла, на месте ли я. А потом, когда подали чай, вцепилась мне в руку и не отпускала до конца чаепития, будто детское сердечко чувствовало предстоящую разлуку.

Мое тоже болело, но по другую сторону сидел Гриша, и если он и не вцеплялся в меня руками, то взглядом тоже не отпускал. И не отпустит ни на шаг, даже если Люба сейчас, впервые в жизни, бросится на пол в истерике. Но она ушла с Еленой Владимировной и мальчишками и даже не обернулась на меня, предательницу.

— Доброй ночи, — кивнул сын отцу, а у меня все ещё стояли в ушах вопросы хозяйки по поводу завтрака.

Какой завтрак?! У меня ужин ещё стоял поперёк горла. Каша? Омлет? Да плевать... Я в себя и кофе не залью, даже если не сомкну ночью глаз. В баню! Пошли все в баню...

Но в баню послали нас, и мы пошли. Прямо-таки побежали...

Глава 6.9 "Позабыто все на свете"

Сауна оставалась единственным помещением в загородном доме Вербовых, где не было все, как в лучших домах Лондона — по всей вероятности, в силу того, что на Туманный Альбион не доставляют веники из русских березок. Им хватает местных розог, которыми мне хотелось отстегать Гришу за то, что засранец не позволил мне уложить ребёнка.

— Гри...

Я не успела договорить свою мысль, а он не успел ещё затворить дверь, а его губы уже закрыли мне рот. Поцелуй вышел жёстким и даже малость болезненным. Гриша никогда ещё не целовал меня с такой жадностью. Я даже отпрянула, смяв спиной чинным рядом висящие банные халаты стерильного бежевого цвета. Гриша оттащил меня от стены, не выпуская губ, а я двигалась вперед, не открывая глаз. Это доверие, да? Или желание забыть, где нахожусь и представить себя на необитаемом острове, где ни люди, ни обстоятельства не в силах помешать соитию двух жаждущих друг друга тел?

Я почувствовала за спиной стол и в ту же секунду оказалась на нем. Здесь было тепло, но без намека на соседство с сауной: жар шел не от нее, это взрывался градусник подмышкой. Руки Гриши ползли вверх, снимая и кофту, и бюстгальтер не расстегнутыми.

— Что ты со мной делаешь?

Я не делала с ним ничего, но позволяла ему делать со мной все. Все, что касалось одежды. На пороге сауны нужды в тряпках не было никакой.

— Гриша, не надо... Пожалуйста...

На этом столе пили чай. У противоположной стены стоял буфет с сервизом и розеткой для чайника. А внизу чернел встроенный крохотный холодильник.

— Лиза, нельзя оставаться хорошей девочкой с плохим мальчиком. Так по жизни не работает...

— Гриша, это дача... Я...

— Тебе стыдно? — его рука уже почти стащила с ног мою последнюю защиту. — Думаешь, кто-нибудь поверит, что в моем обществе ты грела косточки, пуритански завернувшись в полотенце?

Его пальцы искали ответ совсем не на языке. Да язык и не спешил его давать, а тело не жалело для Гриши горячих ответов.

— Это стол, на нем едят...

Я по театру знаю, что он помнит этот стишок. И его руки мгновенно вернулись мне на талию, чтобы перекинуть горячее тело на кушетку. Затем с трудом отыскивали мужскую

футболку. Я видела, как дрожат на его груди темные завитки, точно былинки на ветру, и такими же невесомыми сделались все мысли и все тело, когда мой желанный мужчина склонился к моей груди с очередным поцелуем.

— Лиза, мне быть аккуратным или можно ни о чем не думать?

Нашел время спрашивать? В страхе я сжалась так, что он лишь чудом не пролил свое добро. Во второй части марлезонского балета он всегда предохранялся, но видимо на родительскую баню не рассчитывал.

— Да что ты так дёргаешься?! Чего боишься?

Я не оттолкнула его, но вывернулась и свесила ноги с кушетки, чтобы стиснуть коленки, которыми еще мгновение назад крепко прижимала Гришу к себе.

— Лиза, Лиза... Мы же с тобой достаточно взрослые, чтобы не бояться последствий.

Я отвернулась, все ещё не в силах ворочать языком. Гриша устроился у меня за спиной, зажав рукой мой бедный живот. Подбородок его тем временем рыл окоп в моем плече, а волосы щекотали горящее далёкой зарницей ухо.

— Мы знакомы неделю... Ровно неделя сегодня. Забыл?

— Лиза, твоя дочь называет меня папой... Это намного серьезнее любого штампа, ты так не думаешь разве? — он откинул с плеча непослушную прядь и впился в кожу чуть ли не зубами. — Мы уже вышли из возраста максималистов, тебе не кажется? — теперь он пробовал на зубок мочку уха. — Мы умеем идти на уступки. Мои вместе уже двадцать пять лет. Думаешь, они никогда не ругались?

Я сжалась ещё сильнее, и руки Гриши скользнули мне на плечи, чтобы расправить их, и теперь моя голова нашла покой на его плече. Ноздри против воли раскрылись, точно розовые бутоны, вдыхая последствия спортивных игр с малышкой. Запах взрослого брата... Он завораживал, взывал к женскому естеству, глушил все страхи силой динамита...

— Я слишком много теперь про тебя знаю, — кричал в голос мой внутренний голос. — Слишком... Даже то, что ты бы никогда мне не рассказал...

Гриша не напрягся. Его руки еще нежнее стали гладить налившуюся желанием грудь.

— В моей жизни не случилось ничего, чего бы мне следовало стыдиться... Не думаю, чтобы Ленка что-то там приврала, выдавая страшные Гришкины секреты... Так и знал, что вас, баб, нельзя оставлять одних. Ведь звал же гонять на квадроциклах, звал... И ты бы продолжала свято верить, что я святой...

Он вжался губами мне в ухо: он по-прежнему тяжело дышал.

— Ты не святой, ты демон — простонала я, когда Гриша соединил на вершине моей груди свои большой и указательный палец. — Я даже знаю про твои зубы... — стиснула я свои, чтобы подавить рвавшийся наружу новый стон.

Гриша не замер, сразу рассмеялся.

— Ещё скажи, что поэтому у меня поцелуи ненастоящие... Ну, скажи...

Он развернул меня к себе, но не для ответа, а чтобы дать мне свой губами — мягкими, сочными, безжалостными — умело убеждающими меня в том, что до него я не знала настоящих поцелуев: тех, что вытягивают из тела душу.

— Лиза, я все ещё хочу тебя... — и этот голос может опускаться до баса не только в песне. — Почти бесконтрольно.

Я тоже давно утратила над собой контроль.

— Думаешь, я могу просто так сидеть рядом с тобой голой? — задавал Гриша глупый вопрос.

Я прижала ладонь к его вставным передним зубам. Мокрую от неконтролируемого больше желания.

— Я не хочу проверять твою выдержку, — воспроизводил мой язык какую-то древнюю запись. Со скрипом. Как старую пластинку... — И заодно мое тело. Оно меня уже один раз подвело...

Гриша тронул мою ладонь горячим языком, но я нашла в себе мужество не отдернуть руки, и он пробубнил в неё:

— Оно очень хорошо тебя подвело... Я не против повторения...

Я отдернула руку и чуть не съездила ей по наглой улыбающейся физиономии — ещё одним зубом меньше, ему не привыкать... У Ленки есть проверенный врач.

— Я уже выходила замуж по залету, — хрипело мое сознание, безжалостно задавленное желанием скорейшей близости. — Ничего хорошего из этого не вышло...

— Кроме Любы, я же сказал...

Он сжал в ладонях мои щёки, а я крепко-накрепко сжала губы. Из последних сил.

— Можем расписаться прямо завтра, и тогда мы ни о чем не будем знать наверняка...

Я вырвала лицо и все тело. Против желания, но инстинктом самосохранения. Но Гриша схватил меня за руку и прижался к ней губами. Теперь я стояла у кушетки голая, как

Маргарита на балу у Сатаны. Только и демон был голым и открыто демонстрировал свое безвыходное положение. У меня задрожали коленки, и я решила их согнуть. Но Гриша снова поймал мое лицо в ладони, не дав коснуться себя.

— Лиза, это не ответ на мой вопрос... И это не то, что я сейчас хочу. Это я могу и сам, а мне хочется с тобой... Ну... Детей надо растить скопом, а Люба при любом раскладе будет старше на шесть лет.

— Гриша...

Попытавшись встать с колен, я оказалась у него на коленях. Лицом к лицу, и все равно не могла прочесть, что говорили его глаза, как и он — не мог слышать доводы моего несчастного разума.

— Всего неделя...

— Лиза, — Гриша даже тряхнул меня, и во мне загудели оборванные нервы. — Мы с тобой уже повязаны... Любой. Она не может назвать ещё кого-то папой, понимаешь? Ты заключаешь со мной контракт. Минимум на восемнадцать лет, и тянешь со мной эту лямку, как бы тяжело порой не было. Я не сахар, как ты, наверное, поняла, но я не уйду от тех, кто меня любит...

— Ты от них сбегаешь! — почти выкрикнула я. Меня спасло лишь то, что голос пропал, оставив мне лишь хрип.

— Чтобы вернуться. Лиза, я вырос. Я знаю цену ответственности. И я хочу, чтобы у меня ее было как можно больше. И я хочу, чтобы мы сделали все возможное, чтобы приходиться в этот дом только с подарками и никогда — с протянутой рукой. И мы это сможем вдвоём. Мы вытянем эту гребаную фирму и мы вытянем нашу семью, слышишь? Я хочу с тобой только один общий документ и только один штамп в паспорте. И я безумно хочу общего ребёнка, пока я могу скакать вокруг теннисного стола. Посмотри на моего отца... В его возрасте я хочу лишь внуков на воскресенье. А сейчас — тебя...

И он снова повалил меня в мягкие подушки, которыми была завалена кушетка. Две упали на пол.

— Ты обещаешь быть осторожным? — сжала я малость уже шероховатые щеки.

— Буду стараться. Такой ответ тебя устроит?

Меня устраивал любой. Ответ. Но не любой мужчина, а только этот. Теперь я знала, почему ГАВ иногда кусается. Он просто не знает, что делают в этот момент его ненастоящие зубы...

А после жара сауны мне хотелось спать уже по-настоящему, без ласк и поцелуев, и я готова была свалиться прямо на кушетку, позабыв, что мы тут вытворяли час назад, но Гриша заботливо запахнул на мне халат, который я безжалостно распахнула, не посмотрев на его

все ещё голодный взгляд, ища холодного воздуха, которого не было даже над стаканом с ледяной водой. Я не стала мешать с квасом вино, а Гриша — дорожный виски. Бросив одежду в стиральную машину, которая находилась за стеной, он вернулся к кушетке и протянул мне руку:

— Думаю, все давно спят. Но если тебе нравится жить со мной половой жизнью, я могу расстелить в детской спальник...

Я с трудом оторвала от подушки гудящую голову:

— Ты издеваешься?

— Наша кровать за стенкой. Я чутко сплю. Я услышу, если Люба проснется, и принесу ее к нам. Ну... Ты сама дойдешь или тебя отнести наверх?

Я шла сама. В доме оказалось два этажа, но три яруса. Родительская спальня размещалась как бы в отдельном крыле, и дверь в нее находилась между пролетами лестницы. Дальше наверху была детская — закрытая, но Гриша все равно приоткрыл дверь, только что-то разобрать в темноте сумел лишь он один, а я просто поверила ему на слово, что Люба сладко спит. Я уже сама спала, но все же нашла в себе силы нацепить трусы и майку на случай экстренного подъема. Гриша же сказал, что одевается совсем по другой причине. Но когда он перетянул меня к себе на подушку, одежда не мешала нам чувствовать друг друга. Я слышала биение его сердца, и никакой другой музыки в его исполнении мне не было нужно. Я уснула... Почти мгновенно.

— Лиза, — Гриша нагнулся прямо к моему уху. — Ответь...

Я не слышала вопроса. Я с трудом в темноте разбирала его лицо. Который час? Что ему от меня нужно?

— Лиза, я принял звонок, чтобы не разбудить весь дом!

О, господи! Я спросонья и не увидела в его руке телефон. Мой телефон, который он вытащил из сумки, которую прихватил снизу, про которую совершенно забыла я.

Глава 7.1 "Последняя лепта"

Никогда еще мое «Алло» не выходило таким хриплым — даже в дни жесточайшей простуды.

— Вопрос отпал сам собой, — услышала я голос Кирилла. Ну, а кто еще мог разбудить меня среди ночи! — Могла бы вообще-то и сообщить, что бросила отца. Так сложно? Или теперь наплевать на все добро и забыть?

Я не могла справиться с языком, поэтому и позволила Каменцеву молоть своим. Сердце скакало в ушах. Телефон дрожал в руках. А одеяло на плечах удерживалось лишь руками Гриши, поэтому он прекрасно слышал все сказанное мне в ухо. И я с трудом удержала телефон, когда он попытался его отобрать.

— Почему ты мне звонишь ночью? — прохрипела я наконец.

— Какая ночь? Почти семь! — полетел из динамика плевков. — Я звонил тебе весь вечер, но твое королевское величество не снизошло до ответа. Отец в больнице. Увезли по скорой...

Я вытерла плевков ладонью, зажав ей рот. Рука дрогнула. И остальные вопросы задавал Гриша, и, на удивление, Кирилл на все их ответил, а я, бросившись вырывать телефон, была уверена, что услышу тишину. А вот Гриша так не думал, потому, спасаясь от меня, отпрыгнул аж к двери, от которой возвращался теперь очень медленно.

— Лиза, нет повода для паники.

Он опустился на колени, чтобы заглянуть мне в лицо, потому что я поднять головы не могла. На нее точно ведро надели, полное камней, и камни сейчас царапали мне уши и щеки, пытаюсь вывалиться на кровать. Гриша схватил мои руки, стиснул пальцы, которыми я только что чуть не разодрала себе лицо.

— Увезли с подозрением на инфаркт, но он не подтвердился. Состояние тяжелое, но стабильное. А вот у тебя нестабильное. Пожалуйста...

Он прижался к моим пальцам губами — до жути горячими, или это мои руки превратились в сосульки? Я подняла на него глаза и тут же получила свободу, потому что его пальцы тронули мои глаза — влажные. А потом мой нос тронул плечо — горячее, как и все тело, к которому я прижималась во сне.

— Хватит, нет повода... — Гриша гладил меня по волосам. — Ну нет повода... Бери одежду и дуй в сауну в душ. Я сварю кофе. И поедем в больницу.

— А Кирилл? — отстранилась я наконец, хотя хотела прижиматься и дальше и отмотать назад часы, которые стоили Александру Юрьевичу здоровья.

— Понятия не имею. Да и какая разница... Давай, Лиза. Сейчас нет времени на сопли! Соберись! — рычал он шепотом, стаскивая меня с кровати.

Так и дотащил меня до шкафа, в который бросил сумки с вещами, на полусогнутых. И я опустилась на четвереньки, не в силах удержать себя в присядку. Сердце так настойчиво рвалось наружу, что его не спрячет никакой свитер. Прижав одежду к груди одной рукой, другой держа соединенными полы банного халата, я почти на ощупь шла за Гришей, который о халате не подумал. Впрочем, он не подумал о нем и на кухне, где после короткого душа я нашла его с Ленкой. Так и стоял в одних трусах, бросив шмотки на кухонный стол.

— Лиза, о Любе не волнуйся.

Вместо доброго утра получила я от Елены Владимировны, которая вышла к нам в затынутом кушаком почти что под самой грудью фланелевом халатике и в домашних тапочках на босу ногу. Получается, Гриша варил кофе слишком громко.

— Все время на свете ваше. До конца каникул.

— Да я... — я ничего не могла сказать... Губы дрожали.

— До вечера уж точно, — прикусила свои хозяйка, а потом врезала пасынку между лопаток. — Проваливай с кухни в таком виде! Гриша, ну в самом-то деле! — толкнула она его еще раз, когда он вместо двери направился к кофейной машине. — Я разберусь с кофе!

А потом повернулась ко мне, чтобы разобраться уже со мной:

— Что тебе дать поесть? Запеканки немного осталось с ужина.

— Я ничего не хочу, — честно призналась я.

— Это я понимаю. Но твои хочу-не хочу меня не интересуют. Нам не нужны тут голодные обмороки.

Нам нужно было поесть и убраться из дома, пока Люба не проснулась. В этом Елена Владимировна уж точно была права. Объяснить ребенку, что мама скоро придет, будет намного легче, чем заставить эту маму отпустить... Мама, которая последние дни постоянно куда-то уходит. А тащить ребенка в больницу не вариант.

— У меня куча знакомых врачей. Если что, — выдала Елена на пороге. — Гриша, ты меня понял?

— Ленка, отстань! Без тебя тошно...

Меня же подташнивало от выпитого кофе, с которым не подружился творог. Гриша схватил меня за руку, как только вывел машину за ворота.

— Без паники, договорились? Мы все делаем без паники...

Я зажмурилась, когда глаза защипало.

— Лизка, не смей обвинять себя в произошедшем! А если Кирилл начнет это делать, я дам ему в морду. В больнице ему окажут первую медицинскую помощь...

Гриша хохотнул, а я — не смогла. И не могла простить себе, что за эти два дня ни разу не позвонила Александру Юрьевичу. Один звонок — спросить, как вы там? Этот звонок мог решить все. Почему я не позвонила? Ведь нашла же время написать маме, что мы на даче у Гришиных родителей и у нас все отлично.

— Что значит, она не родственница?

Гриша почти навалился на окошко регистратуры. А я наоборот отступила и потащила его к пустым стульям.

— Она права. Я никто и звать никак. Гриша, ну где подумать? У нас одинаковая фамилия. Я могла за дочь сойти...

Да, я так бы и сказала, если бы он не оттеснил меня в сторону.

— Знаешь, Лиз, дай Бог твоему отцу здоровья, — выдал он, чуть ли не испепелив меня гневным взглядом, а у меня и так уже дымился каждый нерв от предстоящей встречи. — С таким не шутят. Ты ему не дочь и он тебе не отец. И даже не свекор.

Ну да, точка. Жирная. Я вытащила телефон.

— Сейчас позвоню Кириллу.

— Дай это сделаю я!

Но в этот раз я не позволила Грише вырвать у меня телефон. Пусть поджигает пол у меня под ногами — плевать!

— Кирилл, меня к нему не пускают, — выдала я без всяких приветствий.

— И правильно делают. Ты бросила старика. Больного.

— Хватит обвинять меня! — закричала я и увидела, как на меня обернулись. А потом дала по рукам Грише, чтобы не лапал мой телефон. — Лучше приезжай!

А он уже ехал и приехал через полчаса, за которые Гриша влил в меня три стаканчика кофе из автомата, который я непонятно зачем у него постоянно просила.

Они поздоровались кивками, но Кирилл заговорил первым, сказав, что берет только меня. Впрочем, я и не думала — и Гриша не думал —, что нужен в палате. Однако знал другое, что мне нужен его поцелуй, но целовать не стал, просто тронул щеку горячими пальцами, убирая с лица волосы.

— Я сижу здесь. Жду тебя. Контролирую ситуацию.

Кирилл усмехнулся, но промолчал. Я пошла за ним, чувствуя в руке тяжесть паспорта, в котором значилась его фамилия. Дура! Надо было менять и себе, и ребенку. Предлагали ведь, а я отмахнулась — только лишняя морока. Но это была жизненная необходимость — я бы давно дышала полной грудью, а так фамилия Каменцева камнем висела у меня на шее.

— Тебе ни капельки не стыдно?

Я не подняла глаз на говорящего — точнее, не повернула головы: по коридору мы шли с ним уже нога в ногу. Это на лестнице он дышал мне в затылок, заставляя чувствовать спиной неприятный холодок. Когда-то это было совсем другое чувство, но то время давно кануло в Лету и сейчас своим желанием пристыдить меня Кирилл внес последнюю лепту в мое желание поскорее забыть все с ним связанное, даже мимозу на Восьмое Марта, которую я обычно хранила чуть ли не месяц. Как дура... Я вообще вела себя как дура. Влюбленная. Теперь я умнее — и с ним, и даже с Гришей — для спокойствия ГАВа я тоже научусь лаять и кусаться, как настоящая сучка. И даже буду рада, если Кирилл в полный голос констатирует сейчас мою новую собачью сущность.

— У меня своя жизнь. Это твой отец, и это ты должен за ним следить.

Я говорила не то, что думала, не то, что чувствовала, а что должна была сказать, чтобы наконец расставить все точки над всеми «і». На душе же у меня скребли все одиннадцать Гришкиных кошек. И шел мокрый снег. Он комками залепил глаза — и я незаметно жмурилась, чтобы высушить слезы. Я сильная. Я не имею права плакать.

— Вот значит как...

— Странно, что ты до сих пор не понял. Да, и не спросил даже, с кем Люба? Впрочем, тебя это не касается... И уж точно не интересуется, по всей видимости.

— И где же Люба?

Кирилл остановился за одну палату до нужной, и я понизила голос до шепота:

— Со своими новыми дедушкой и бабушкой, — проговорила я через силу довольно ровно.

— А старые — с глаз долой, из сердца вон...

Кирилл вскинул голову, но выше не стал. Особенно в моих глазах. И солиднее тоже. Если только противнее. Во сто крат. И как мне раньше могли нравиться блондины... Если белое смешать с черным получится серый мрак. Так и получилось — беспросветный мрак.

— Отец позвонил тебе. Не мне. Задумайся, Кирилл, — отчеканила я вместо ответа,

а Каменцев только сильнее задрал голову. Точно застегнутая на все пуговицы рубашка мешала ему дышать.

— Он никому не позвонил. Только в скорую.

Мое сердце сжалось на первых же словах Кирилла.

— Я просто заехал к вам вчера, — продолжал он. — Ты не ответила на звонок. Потом не открыла. Я трезвонил достаточно долго. Вернулся через два часа. Думал, что ты гуляешь со своим, а дед внучку пасёт. Потом увидел соседку. Она и сказала про скорую. Дозвонились до станции, потом до больницы. Сказали, никто не навещал, никому не просил звонить. Никому не нужен, — выдал Кирилл уже свою мысль и замолчал.

Я тоже молчала. Перебирала в голове все возможные причины, по которым Александр Юрьевич пожелал не уведомлять нас о болезни: они рассыпались в ладонях как свежесвыпавший снег. Я прекрасно понимала, что он просто не хотел нам мешать — никому: ни мне, ни сыну. Особенно мне, поняв, что я ушла в другую семью. Ушла или бросила. Без разницы, что я сделала, какими были мои мотивы и оправдания — это привело к тому, к чему привело. Александр Юрьевич в больнице, и узнали мы об этом совершенно случайно. Только лишь потому, что Кирилл не желал давать мне от себя любимого полную свободу. Ту, которую я официально имела. На бумаге, но не в жизни. Гриша прав: людей связывают не штампы, а другие люди. Если Любу я оторвала от Кирилла почти что безболезненно, то Александр Юрьевич будет связывать нас всегда.

— Отлично... — я сумела выдержать презрительный взгляд голубых глаз. — Иди первым. Если он пожелает тебя видеть. Я зайду в палату после тебя. Я уж точно не хочу, чтобы он видел нас вместе.

Кирилл ушел, а я вжалась в белую стену, чувствуя удушье от больничных запахов. Я виновата в том, что Александр Юрьевич оказался в больнице, потому что не сумела вовремя уйти, подарила идиотскую надежду, что у нас есть шанс снова быть полной семьей. И сейчас понял, что остался у разбитого корыта, и сердце старика не выдержало.

Мое тоже сжималось все сильнее и сильнее, и я разревелась. Так сильно, что ко мне подошла нянечка и предложила помощь. Нет, мне не нужна ни вода, ни таблетка. Мне нужно плечо. Гришино плечо, чтобы стоять на ногах на суше и держаться на плаву в море проблем — держаться верного курса может только он из нас двоих. Я уже ничего не могу. Я уже сделала неправильно все, что только можно.

— У отца капельница, — сказал Кирилл, вернувшись.

Он не выглядел обеспокоенным, и мне только оставалось гадать, держит он лицо или все хорошо. Не может же он ничего не чувствовать. Не может.

— Ты не спросил, когда будет обход?

— Уже был. Хочешь попытаться поговорить с врачом?

— Хочу? — почти возмутилась я. — Вообще-то это обязанность поговорить с врачом. Твоя обязанность. Ты — сын.

— А ты?

Вместо ответа между нами встала тишина — ледяная.

— А я никто. Тебе это наглядно продемонстрировали на вахте. Кирилл, ты понимаешь, что за ним нужен присмотр? Постоянный.

— То есть ты считаешь, что я должен жить с ним? И на работу не ходить?

— Отчего же? Он не лежачий больной. Он просто никогда не жил один. Ему надо готовить, за ним надо убирать. Именно это делала всю жизнь твоя мать, а потом я. Ты хочешь, чтобы я платила сиделке?

Да, я пришла к такому мнению — нам нужна женщина, которая заменит бабу Таню. Другого варианта нет. Только что делать с квартирой?

— А ты у нас теперь богатая? За все платишь?

Я сжалась — и внутренне, и внешне — нет, я не собираюсь ругаться. Я собираюсь помочь: Александру Юрьевичу и своей совести.

— Я давно за все сама плачу. Дай пройти. Меня ждут. Об остальном поговорим потом.

В палате было шесть человек. Воздух пах стариками. Кровать дедушки Саши стояла под окном, и я надеялась, что его не открывают зимой.

— Здравствуйте, Александр Юрьевич!

Я позвала тихо, заметив, что некоторые соседи спят. Кто под капельницей, кто просто так. Или дремлют. И я никому не хотела мешать.

Мой бывший свекр поднял голову и улыбнулся: никакого удивления моему появлению он не выказал. По всей вероятности, Кирилл предупредил, что я жду в коридоре.

— И зачем ты пришла? У тебя дела поважнее сейчас. А у меня все хорошо.

Ответил так быстро, словно выгонял. А я присела на край кровати, не найдя стула и взяла его за руку — вернее тронула пальцы руки, в которой была игла. Именно эта рука лежала вдоль кровати, и мне не надо было никуда тянуться.

— Я должна была убедиться лично, что с вами все нормально. И сказать об этом

Любе.

— Как она там? — почти перебил меня свекор.

— Хорошо. Там двое мальчишек чуть ее старше и боевая мама. Ей хорошо. Но она ждет платье от деда Мороза. Мы собирались завтра за ним заехать, — добавила я с горечью, извиняясь за свое не нарочно плохое поведение. — Ну как же вы так, Александр Юрьевич?

— Да вот, не знаю... Все лекарства принимал... А вот... Да, Лизавета, меня спас твой коньяк... Доктора со скорой мне дали выпить рюмочку перед дорогой...

Я снова сжала пальцы старика — все еще осторожно, но более чувствительно.

— Давайте, держитесь! Ради Любы. Ей нужен здоровый дедушка... Обещаете не болеть? — спрашивала я уже через надкусанные губы, стараясь сдержаться.

Он обещал, а я не сдержала данное себе обещание быть сильной. Расплакалась, как только вышла из палаты. Кирилла, к счастью, рядом не оказалось. Но я нашла, у кого спросить про встречу с врачом. Я даже врача нашла и со мной поговорили. Действительно ничего страшного: сердце сильное, давление высокое, подлечат и отпустят. Но одного оставлять опасно. Возраст. Сами понимаете...

Да, я все понимала, но не понимала, что делать и как быть... Чтобы всем стало хорошо. Такое возможно вообще на этой планете? Чтобы хоть кому-то было хорошо...

Глава 7.2 "Сами с усами"

— Его надо перевести в другую больницу. Ему нужна отдельная палата. Надо нанять сиделку...

Конечно, Вербовы лучше меня знали, что делать с отцом Кирилла и со всей моей ситуацией... Они только свои проблемы за столько лет не сумели решить. И их главная проблема молча сидела сейчас с краю стола, согнувшись в три погибели над остывшей послеобеденной чашкой чая, и вдруг Гриша вскочил:

— Уже поздно, нам пора!

— Куда? — вопрос задала Елена Владимировна, но готова была задать и я, но Гриша смотрел на молчащего и смотрящего исподлобья отца.

— Да я Любе пообещал забрать подарок из-под елки, да и завтра у нас дел невпроворот.

— Знаем мы ваши дела! — процедил сквозь зубы Антон Сергеевич, и даже я вспомнила, что завтра прилетает мать Ульяны.

— Любе лучше здесь! — отрезала Елена Владимировна, явно думая о том же. — Вы же в больницу ее не думаете брать?

— Я лучше знаю, что нам лучше! — огрызнулся Гриша.

Я понимала, что его надо взять за руку, но сидела слишком далеко, чтобы сделать это незаметно. Впрочем, как и другие, боялась обжечься. Воздух вокруг Гриши искрился и даже шелкал. Я вскочила. И со мной поднялся из-за стола хозяин дома, но вот его жена успела схватить за рукав джемпера.

— Если им будет нужно, они привезут нам ребенка, — выдала Елена Владимировна на одном дыхании.

— Конечно, конечно, — поспешила я заверить хозяев, кивая так, что голова могла и отвалиться.

Гриша стиснул мне руку только на лестнице — до этого я наступала ему на пятки, точно конвой.

— Нам нужно убраться отсюда, покуда за нас все не решили и не сделали. Мы сами со всем разберемся, верно?

— Гриша, разбираться не с чем...

— Лиза, я слышу тебя, — сказал он уже за закрытой дверью комнаты, где мы спали.

— Очень хорошо слышу, — а чтобы я не слышала его, закрыл мне уши ладонями. — Мы позаботимся об Александре Юрьевиче, даже если Кирилл откажется это делать. Я не хочу, чтобы у тебя болела об этом голова. Если ничего не образуется само собой, я все образую, — изрек он образцовую языковую глупость.

— Только не образывая Каменцева, ладно?! — сделала я Гришину глупость еще большей.

И он почти зарычал, когда затряс головой прямо перед моим носом.

— Ненавижу эту фамилию... Лиз, ты разрешишь мне дать Любе свою фамилию?

Во мне снова все сжалось против воли и здравого смысла. Здравый смысл как раз должен был быть на стороне Гриши.

— Гриша, это...

— Это правильно! — повысил он голос. — Когда в семье не путаешься в фамилиях — это правильно. Ты же не думаешь брать девичью?

— А ты?

Он зажмурился и засмеялся. Нет, не в голос — просто улыбнулся.

— Любовь Мороз, Елизавета Мороз... Неа... Не звучит...

Я провела ладонью по его щеке. Шершавой — с утра у него не было времени побриться.

— Не обижай своего отца, пожалуйста. Ради меня. А вдруг он был в чем-то прав? И потом... — я чуть поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать красный, но совсем не от помады, нос. — Твоя мать взяла фамилию твоего отца. Ради ее памяти, не меняй Вербова на Мороза...

Гриша сам нагнулся ко мне, чтобы потереться носом о нос:

— Уже поешь под Ленкину дудку? Вот и привози тебя в гости...

— Гриша, я возьму любую фамилию, если она будет твоей...

— Спасибо, Лиза, спасибо... — он осторожно коснулся моих губ, чтобы не оцарапать. — Собирайся, пожалуйста. Я хочу, чтобы Люба легла спать вовремя, а то... — и он нагнулся к моему уху, чтобы пропеть: Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...

Мне хотелось врезать ему по щеке, но я пожалела свою руку и толкнула нахала в грудь кулаком.

— Гад!

— Который бог?

Я ударила его снова, и он рухнул на кровать, увлекая меня за собой.

— Скраб для лица заказывала? — стиснул он руки у меня за спиной.

— Гриша, не смей! — пропищала я и вырвалась до того, как он потерял щекой о мою щеку.

Он так стресс мне лечит? Своими дурацкими шуточками? Или у самого все лампочки разом перегорели?

Прощались с родителями чинно. Но не совсем по-английски. Меня поцеловали. И Любу тоже. Конечно, этими «мы» была лишь королева-мать, но ведь именно Елена Вербова правит в этой семье. В данный момент уж точно.

Мы уехали, провожаемые недовольными мальчишками. Любаша тоже казалась обиженной. На хозяина загородного дома я решила не смотреть — целее психика будет. Но вот не заглянуть в пустую комнату свекра не получилось — в ней стояла елка. И шкаф с одеждой. Я подождала, когда Люба откроет свой подарок, а потом попросила их с Гришей уйти в соседнюю комнату, чтобы я могла спокойно собрать вещи в больницу.

Спокойно не вышло — руки тряслись, и я против воли вспомнила, как полгода назад доставала из этого шкафа пакетик с заготовленной свекровью одеждой для своих похорон: наша бабушка Таня была настроена слишком пессимистично с самого начала болезни. Словно чувствовала, когда мы верили в выздоровление. Хотели верить. Сейчас я судорожно копалась в сложенной мною же одежде свекра, не в силах отогнать от себя мысль, что велик был шанс собирать сейчас один единственный комплект — в гроб. И это произойдет, если я оставлю Александра Юрьевича на попечения сыночка. Вернее, этой Юли. Кирилл прав — он не может бросить работу, но и жить втроем они не смогут, даже если захотят. Да и Александр Юрьевич, чувствуя себя обузой, уйдет от нас намного быстрее. Но как быть?

Я остановилась на пороге своей бывшей — боже, ведь бывшей — комнаты, прижав пакет к груди. Он шуршал, но эти двое меня все равно не заметили: они водили куколок по деревянному домику, подарку того, кого хотелось забыть.

— Чего смотришь? — наконец обернулся Гриша. — Думаешь, забрать или не забрать?

— Вас, если только... — улыбнулась я через силу. — И елку...

— Кстати, — Гриша поднялся. — Елку мы можем забрать. Она не осыпется и простоит у нас до Крещения уж точно. Хочешь?

Это он спрашивал уже у Любы, и та захлопала в ладоши.

— Тогда пошли снимать игрушки. Мам, дай нам коробку...

Мам? Гриша впервые так меня назвал — но, кажется, даже не обратил на это внимания. Мам... Просто мама. Не твоя мама. А — их общая теперь?

В большой комнате копошились очень громко, и я, снова против воли, вспоминала, как еще недавно Люба наряжала там елку вместе с дедом. Как хорошо, что он жив. Как хорошо... И не дай бог его сыночек думает иначе...

— Гриша, я завтра одна поеду в больницу. Мне врач выписал пропуск. Когда тебе в аэропорт?

— А я возьму с собой Любу, — ответил он тут же. — Поедем с кошками играть и... Лиза, ты не будешь против, если я заберу к нам мою поддиванную принцессу? Может, одна Глаша перестанет дичиться людей?

Я кивнула: это его квартира, это его кошка... Кошки. Он может забрать их всех, меня не спрашивая.

— У меня никогда не было кошек, — улыбнулась я, и мне вдруг действительно захотелось, чтобы по дому ходила серая хозяйка. Глаша просто обязана быть серой. — Мы держали только собак.

— А у деда кошек полный двор. Мы не отличали своих от чужих. Одни заходили в дом, другие нет... Кто-то только таскал в дом пойманных птичек. Вот это был неприятный момент, — про птичек Гриша сообщил шепотом мне на ухо, чтобы не травмировать ребенка.

Я усадила их за стол пить чай. Погрела в тостере старый хлеб. Сделала горячие бутерброды. Надо хотя бы выяснить, что Гриша любит на завтрак, обед и ужин. Что любит он. В действительности. А не то, что ест по необходимости. Но это тоже не при ребенке. В обед завтра будет суп, и он будет есть его так же покорно, как за столом у своей Ленки. Обед будет ранним. Я не отпущу их голодными, чтобы они ели на стороне пельмени.

Гриша ушёл с елкой, обещая вернуться за нами самое большое через два часа. За эти два часа он посоветовал собрать ещё пару мешков с вещами... Один чемодан. Нет, два. С которыми мы ездили в Ижевск.

— А дедушка будет жить один? А кто его тогда кормить будет? — спросила Любаша совершенно взрослым голосом, когда положила в чемодан свою пижаму.

И я взяла и вынула ее: так не пойдёт. Мы точно сбегаем.

— Будем приходить и готовить ему еду, — сказала я, судорожно раскидывая те немногие вещи, от которых мы могли безболезненно отказаться, чтобы создать на пустых

теперь полках желаемый объем. — И ты будешь ходить с дедушкой за булкой и на площадку играть. Как всегда.

Как прежде. Но как прежде уже не будет. Никогда. А как по новому — ума не приложу. А что творится сейчас у Гриши в голове, страшно подумать. Об этом я думала и думала, пока собирала с ковра иголки от уехавшей обратно в лес елки. Теперь она нарядная на праздник к нам пришла... Но много радости, увы, не принесла. Как же так? Ведь встретили новый год все вместе. Почти все... По-семейному.

Люба зевала, но уже был вечер, и уложить ее спать не представлялось возможным. Бедная уже который день без дневного сна. Вынужденно повзрослела.

— Гриша, Люба зевает, — сказала я в телефон. — Мы ходим в магазин. Купим немного продуктов.

— Только не тащи ничего. Прошу тебя. Лучше сидите в магазине. Я за вами заеду.

Пусть будем по-твоему. Все по-твоему, потому что пока я чувствую, что ты прав. Не умом — сердцем, которое начинает учащенно биться от одного звука твоего голоса.

Только по дороге в Пушкин Люба все равно уснула, надышавшись хвойного аромата. По салону валялись иголки — у Гриши не было времени пропылесосить машину.

— Люба, не спи... — принялся тормозить ребёнка Гриша, припарковавшись у дома. — Кто будет ёлку наряжать? Я один не справлюсь.

Кое-как он привёл ее в живое состояние. Они шумели в гостиной, я — на кухне, то и дело оборачиваясь к окну, у которого теперь жила ёлка. Пусть не под ней, но я нашла для себя ещё один подарок. Пусть без цветной обертки, но многозначный — большой передник, чтобы я почувствовала себя полновластной хозяйкой хотя бы на кухне. Холодильник тоже понял, что власть сменилась, и скоро его станут закрывать коленкой.

— Нравится? — позвал меня Гриша к дивану, и я на ходу вытерла влажные руки о передник, потому что полотенце было уже абсолютно мокрым.

Мне нравилось все, а главное — Люба, вооруженная беспроводным пылесосом. Он смотрелся в ее руках гудящей игрушкой, но на ковре не осталось зелёных иголок.

— А теперь мы пойдём пылесосить машину, пока батарейка не кончилась, — заявил Гриша и отдал команду одеваться.

Люба подчинилась с улыбкой и горным козленочком поскакала к двери. Я осталась в квартире одна и, усевшись в кресло, тотчас вызвала номер мамы. Надо показать ей лесную красавицу и меня живую и здоровую.

— Еще не знаю, что мы будем делать, — ответила я на вопрос про выписку Александра Юрьевича. — На Кирилла надежды нет. Никакой.

— А ты не боишься, что твой Гриша сбежит от всех твоих проблем? — заявила мама совсем не с праздничным лицом. — Ты вот только о Каменцеве печёшься. Давай-ка ты о себе хоть немного подумаешь? У тебя мужик без году неделя, а ты все на него повесила, даже отца бывшего мужа...

— Мама, ты просто не знаешь Гришу... — заулыбалась я, но она перебила мою улыбку:

— Ты его тоже не знаешь как бы. Ты так не думаешь?

— Нет, мам, не думаю. Все, прости, звонят...

И шумно выдохнув, я бросила телефон на столик, проверив, включён ли звук. На всякий пожарный случай. В дверь, конечно, никто не звонил. Гриша откроет сам. Только у него есть ключ. Елена Владимировна хотела отдать мне свою связку — чтобы я не переживала, что свекровь нагрянет с ревизией. Но Гриша сказал, что доставка фермерского молока не должна страдать из-за такой ерунды, и он завтра же сделает второй ключ.

После ужина Гриша наполнил вторую ванну, шепнув, что воды хватит и на первую, если я хочу полежать в пене. А я просто хотела полежать. Хоть на диване. Это Люба ни в какую не желала ложиться спать. Шёл одиннадцатый час. И я даже не стала противиться присутствию в ванной комнате Гриши. Он даже облачал Любу в пижаму и на руках нёс в кровать, а я с белой завистью смотрела им вслед, хотя соглашалась дойти до кровати своими ногами, только бы уже лечь спать.

— Мама, посиди, — позвала Люба, когда Гриша закончил читать для нее сказку.

Он покачал головой — расстроено — и вышел, прикрыв за собой дверь. Я присела на кроватку и начала гладить руку дочки, как утром — руку ее бабушки. Но Люба тут же поднялась с подушки и прижалась ко мне, ткнувшись носом в грудь, совсем как Гриша, когда стоял передо мной на коленях. Но с ним я испытывала радость, а сейчас мной овладела горечь от сознания того, как жестоко последние дни я обходилась с маленькой принцессой. Вокруг все новое: и вещи, и люди, а мамы нет. У мамы слишком много дел, ей не до дочки... И завтра я снова уйду... в больницу.

— Люба, все хорошо. Давай спи. Завтра рано вставать.

— Почему? — подняла она ко мне личико с огромными печальными глазами.

— Потому что у нас с тобой много дел. У нас с тобой.

Она легла обратно на подушку, и я снова принялась ее гладить. Через полчаса, не раньше, я тихо ушла, осторожно прикрыв дверь. На лестнице никого не оказалось. Внизу тоже не горел свет. Я заглянула в спальню на маяк ночника. Гриша спал. Поверх одеяла. В одежде. Но я побоялась его будить. Разделась и скользнула под одеяло, едва сумев дотянуть его до колен. Сон испарился. Я лежала и слушала дыхание спящего. Она было ровным. Это

значит, что Гриша счастлив? Во сне и наяву...

Глава 7.3 "Для полного счастья не хватает кошки"

Я долго не могла уснуть и задремала как раз в тот момент, когда Гриша толкнул меня в плечо.

— Люба плачет.

Я чуть не грохнулась на пол — так спешила выбраться из-под одеяла. Она не пошла нас искать. Лежала в кроватке и плакала. В подушку. Как взрослая женщина. Тихо. Чтобы никто не услышал. Она не знала, что ее новый и единственный папа очень чутко реагирует на детей. Это свою женщину он проспал. А я — свою дочь.

— Люба, что случилось?

На этот раз она не только ткнулась носом мне в грудь, но еще и обвила мокрыми от слез ручонками мне шею.

— Я хочу домой... Хочу домой, — всхлипывала Любаша тихо.

Что делать? Что говорить? Как убеждать? Сказать, что это и есть теперь наш дом...

— Лиза, ляг с ней. Она же спит... — навис надо мной Гриша, чтобы коснуться поцелуем моей склоненной макушки и заодно стащить на пол Льва. Или наоборот. Неважно.

Теперь я действительно могла вжаться в стенку спиной и прижать плачущего ребёнка к груди. Кровать большая — можно и ноги вытянуть. Или протянуть, если плач не прекратится.

— Любаша, Любаша, Любаша...

— Лиза, дай ей заснуть.

Гриша сидел на полу, вдавив подбородок в поднятую к носу коленку, и гладил мне ноги, успокаивая то ли меня, то ли себя. Я замолчала и через какое-то время Люба действительно уснула.

Гриша тяжело выдохнул и поднялся с пола.

— Я принесу плед с дивана.

Думала, он ляжет рядом на пол, а это он меня решил укрыть и ушёл в спальню, не попытавшись увести меня с собой. Я еще долго лежала и пыталась не думать — ни о ком и ни о чем. Только давалось это с большим трудом, но сон все равно взял свое, а разбудил меня сильный кофейный аромат. Чашка находилась чуть в стороне от моего лица — наверное, на

тот случай, если я в испуге подскочу с подушки. Только кого мне было пугаться: спящей дочери, зарождающегося дня или стоящего у кровати Гриши.

— Бери чашку, чего ждёшь?

Пробуждения! От сказки — от которой, к счастью, никто не заставляет меня просыпаться.

— А ты?

— А я буду тобой любоваться. Это меня взбодрит куда лучше кофе! — добавил он уже наглым полупшепотом, намеренно держась за блюдечко, чтобы я, пожалев кофе, не начала применять к нему физические методы воспитания.

Кофе уже не обжигал: видимо, к утру я спала довольно глубоко и пришлось долго меня будить. Тело затекло — позы за всю ночь я так и не сменила. С трудом подняв себя в сидячее положение, я с ещё большим трудом заставила губы оторваться от чашки.

— Так не пойдёт, — теперь лукаво шурилась я. — Мы обещали друг другу все делать вместе. Я глоток — ты глоток.

— Если только твои губы подсластили кофе. Я люблю его переслащенным.

Честно? А я к девятому дню знакомства этого еще не знаю... Но зато убедилась опытным путем, что одной чашки на двоих нам хватило, чтобы начать утро с улыбки. Мы вместе дождались, когда проснётся Люба — мне очень хотелось, чтобы дочка даже на одну секунду больше не почувствовала себя брошенной.

— Доброе утро! — я все же успела сказать это раньше Гриши, а Любаша в ответ лишь захлопала пышными ресничками.

От ночных слез не осталось и следа. Подушка, которую ночью пришлось перевернуть, высохла. Люба снова улыбалась. Даже утренняя каша не смахнула с лица улыбки. Внучка только поинтересовалась, кто в больнице сварит кашу для дедушки Саши. А потом помогала мне делать его любимые бутерброды. Гриша все это время сидел без дела на барном стуле и с улыбкой наблюдал за нами. Может, это и было его самым важным воскресным делом? И будет в наступившем году?

— Я вызвал тебе такси, — заявил он, когда у меня все было готово. Все, включая суп.

— Через сорок минут, как договаривались? — перегнулась я через гранитную столешницу к его наглой физиономии. — Будешь платить за простой, потому что я не уйду, пока вы не съедите суп. Он сырный. Имейте совесть. Оба!

Гриша по-прежнему улыбался.

— Это первое и самое важное правило — есть все, что я ставлю на стол. — Ясно?

— Зачем же ставить на стол то, что мы не хотим есть? За что так нас не любить?

— Заботиться о вашем здоровье — это самая большая составляющая материнской любви.

Сейчас меня больше заботило здоровье Александра Юрьевича, потому что тут мой суп был бессилён. Старик встретил меня улыбкой, а я все ещё улыбалась, вспоминая разговор Гриши с Любой. На вопрос ребёнка, кого они едут встречать, он ответил — бабушку.

— Твою? — резонно уточнила Любаша.

Гриша мотнул головой.

— Нет, твою.

— Моя бабушка в Ижевске. Я только что с ней говорила.

Да, я показала маме внучку, чтобы она знала, что ребёнок, хотя бы днём, чувствует себя на новой территории полноправной хозяйкой. Во всяком случае про пылесос знает точно лучше меня. Современные молодые ведьмочки на мётлах уже не летают!

— И что? Будет у тебя ещё одна бабушка, — продолжал между тем подбивать ведьмочку на очередной шабаш наш местный демоненок. — Я не зову ее мамой, но она мне как мама.

— А как ты ее зовёшь?

— Тамара Ильинична. Это сложно произнести, так что зови ее просто — бабуля. Это здорово, когда столько бабушек, верно ведь?

Да? Только вот папа должен быть один, верно? — это уже спрашивал Вербова мой взгляд. Такой же растерянный, как и у Любаши сейчас. Но я не лезла — поздно. Мы уже попали под новогодний снегопад из новых родственников.

— Ты за нас не волнуйся, — проговорил Гриша, сунув мне в руку пока что единственную связку ключей. — Дверь я захлопну, а возвращаться в пустую квартиру мы не хотим. Я вообще подумал, да ну его второй ключ... Я хочу наконец-то звонить в звонок и ждать, когда мне откроют дверь...

Я поцеловала его коротким, но обещающим короткую разлуку поцелуем и шагнула за порог, гордо неся голову от сознания выполненного долга — суп был съеден обоими и заодно плескался в баночке в сумке, потому что был любимым блюдом дедушки Саши.

— Лиза, помощь какая-нибудь нужна? — спросила Лия, когда я позвонила ей из

такси.

— Мне — нет, а вот Вербову понадобится много твоей помощи, потому что он по уши погряз в моих проблемах.

— В своих, ты хотела сказать, — рассмеялась в ответ Лия, и я стиснула зубы. У Степановой язык как кавказский нож. — Ты ужин готовила или вас можно пригласить в гости?

А... решила подлечить нанесенную рану?

— Когда? Сегодня, что ли? Нет. Они поехали за кошкой...

Я сначала собиралась сказать — тещей, бывшей, а потом решила, что Лия подруга мне, но совсем не своему боссу.

— Тебе кошки для полного счастья не хватает?

— Это для Любы.

Ну не скажу же я, что это для самого Гриши. Для его полного счастья. Для его спокойствия — скорее всего. Он и перед кошкой чувствует вину за ее забитость в кошачьей стае. Или видит в ней себя маленького. И я стану заботиться о Глаше так же хорошо, как и о Грише. Пусть только он меня научит. Всему. Всему тому, что сделает его жизнь спокойнее и счастливее. Зря говорят: счастливая жена, счастливая семья. В семье все должны быть одинаково счастливы. Иначе это не семья, а клетка в зверинце. Я уже в такой пожила.

— Приходите тогда завтра, — не унималась Лия. — У нас еды на всю неделю наготовлено. Не нести же мне ее на планерку. Кстати, в пятницу она будет? Или мы гуляем до понедельника?

— Будет, будет, — теперь уже улыбалась я в полный рот. — Он сбежит от Любы на северный полюс к пятнице. Это Вербов еще не знает, что такое папа на полную ставку.

— А я думала, вы местами поменялись — он с ребенком будет сидеть, а ты — на работу. Я была бы не против... Или ты усмирила его буйный нрав?

Лия хохотала. Нет, уже просто ржала надо мной в голос. И я не сдержалась, совершенно не думая, что думает сейчас обо мне таксист. Плевать! Смех — самый безопасный выход адреналина, а во мне его ох как много скопилось!

— Я спрошу у него, хочет он тебя видеть до пятницы или нет, — наконец сумела выговорить я нечто членораздельное.

Сейчас мне важнее было спросить Александра Юрьевича про его самочувствие, не заикаясь про Кирилла, который явно не соизволил потратить на отца еще и воскресное утро.

— Это Люба сама делала, — переложив я в тумбочку бутерброды, краем глаза наблюдая, как немного порозовело бледное лицо старика при имени внучки. — А мандарин сейчас съешьте, при мне.

И я почистила фрукт, сунув кожуру в сумку.

— Дочка, что ли? — послышалось кряхтение с соседней кровати, докуда явно не долетали наши слова, иначе бы спросили, почему я с отцом на вы.

— Дочка, — ответил Александр Юрьевич громко для глухого соседа, и я сжала пальцы своему бывшему свекру.

Нет, не бывшему и не свекру, а просто дедушке Саше. Сколько бы дедушек у Любы не было, а в действительности она знает только одного — Александра Юрьевича.

— Я не знаю, во сколько завтра приду. Я вам позвоню.

— Не надо приходить. Здесь все хорошо. И кормят вкусно.

— Я приду, — сказала я твердо и ушла, но не совсем твердой походкой.

Коленки против воли тряслись. Наверное, от сознания того, что мы еще на один день ближе к выписке и к возвращению деда в пустую квартиру.

Я боялась заводить эту тему с Гришей сама, как боялась и того, что он первым выдвинет какие-то идеи. Потому перед ужином заговорила про Лию. Однако Гриша тут же перестал улыбаться.

— Общаться с твоими подругами я еще не готов, — отчеканил он, и я даже вздрогнула от холодка в его голосе. — Я не мешаю бизнес с личным.

Я кивнула. У нас не служебный, у нас театральный роман, я помню...

— И вообще я пригласил в гости Тамару Ильиничну. Завтра она еще будет спать, а вот в Рождество приедет к нам. И тогда мы не поедем на дачу. Впрочем, у нас теперь есть отмазка — кошка. Кстати, где Глаша?

Я пожала плечами. Люба — тоже. Глафира оказалась не просто серой, а с черными подпалинами, и найти ее лучше до выключения света во всей квартире. Гриша первым делом полез под диван, а Люба — под лестницу, а я вернулась к составлению грязной посуды в посудомоечную машину. Я наполняла ее с самого утра и вот наконец заполнила полностью. Теперь предстояло впервые ее запустить, но сама я боялась сделать что-нибудь не так. Надо звать...

— Гриша!

Но позвала я его совсем не за помощью с кнопками, а потому что не смогла

задвинуть нижнюю корзину — из блестящего темного нутра посудомойки на меня глядели блестящие глаза Глаши.

— Как она туда забралась?! — ахнул Гриша у меня за спиной.

— Меня больше интересует, как ты ее оттуда будешь вытаскивать.

Да, Грише приходится вытаскивать нас всех из очень непростых ситуаций и мест.

— Ты теперь, смотри, не запусти вместе с ней стиралку. Сомневаюсь, что Ариэль отмоеет Глафиру до белой. И мультиварку не включай. Мы с Любой точно не будем есть суп с котом.

Да, тяжело будет ГАВу сохранить чувство юмора с тремя бабами в одной квартире. Но сам виноват — сам нас сюда привез.

Глава 7.4 "Баба Тома"

Одиннадцать дней с Гришей, второй день с Глашей — первый день со второй Гришиной мамой. Я взглянула на накрытый Любой стол и села на стул — все же ездить в гости легче, чем принимать у себя даже одного... Вернее, одну — гостью. Слишком важную, которой Гриша решил не вызывать такси, а привезти самолично. Ну что ж... Так даже хорошо. Я выдохну и вдохну перед встречей с очередной Любиной бабушкой. Или моей второй свекровью? Двух выдержать очень сложно. Особенно, если одна из них баба в самом расцвете сил и зовут ее Елена Владимировна.

— Баба Тома... — так назвала Тамару Ильиничну Люба, когда вернулась домой с Глашей.

Баба... Она никого так не называла — только бабушка. Видимо, повторила то, что ей сказали, и два слова слились в одно: имя, просто имя нового персонажа в театре ее жизни. Все действительно походило на театр: только на сцене за три часа может пройти целая жизнь.

У меня меньше чем за две недели изменилось все — я даже себя не узнавала в зеркале. Какой-то нездоровый блеск в глазах. Или наоборот — это признак здоровья, женского. Я светилась, как лампочка, которую подзарядили за ночь крепкие мужские объятия. Прошлую ночь Люба проспала, не просыпаясь. К счастью! Но мы с Гришей все равно не решились ни на что большее — только поцелуи. Ничего... Некоторые вон по несколько месяцев только и делают, что целуются... Ну, те, у кого не падает занавес через десять минут после начала спектакля!

Я еще раз подошла к зеркалу, которое висело над полкой, венчающей в гостиной электрокамин. На мне то самое злополучное синее платье, молния на котором требовала срочного мужского вмешательства — как и моя жизнь. Хорошо, что вмешался ГАВ. И хорошо, что он оказался совсем не ГАВом и даже не Морозом. Он больше не лаял и не вымораживал. Он стал для меня настоящим вербным воскресеньем... Малые и немалые сроки минули с происшествия в подсобке, и я действительно чувствую себя другим человеком. Возрожденным. К жизни и к решениям жизненных проблем. Но сегодня я не хочу о них думать. В ушах и на груди горят аленькие цветочки. И в груди тоже тепло. В кой-то веке.

Может, я могу... Может, стоит... Может, надо сказать про это тепло Григорию Антоновичу? А то, пусть и в дурацкой форме, но он-то уже признался мне в любви, а я ответила, что для чувств еще слишком рано. А кто установил эти сроки? Это не отгрузка товара, это то, что никогда не покидает склад, это то, что нужно навечно запереть в сердце — как клад, который не каждому дано отыскать. Я тоже не верила, что у меня когда-нибудь снова... Нет, впервые! Будет полная семья. Еще и с кошкой!

— Люба, ты видела Глафиру?

Я не могла звать ее Глашей... Даже дворовые кошки порой выглядят лучше королев! Теперь у нас будет такая бесконечная игра — найти кошку в пустой комнате. Зато ребенок при деле. Всегда. И не скучает.

— Тебе прислать Динку? — услышала я в телефоне голос Лии. — В пятницу у нее нет экзаменов.

Господи! Вот Степанова обо всем успевает подумать с полным домом народа, а у меня

всего трое по лавкам, а я даже не задумалась про пятницу.

— Не знаю. Мне надо поговорить с Гришей.

— Ты теперь на каждый чих получаешь от начальства резолюцию? — тут уже в голосе Лии послышалась злость. Она со всей душой ко мне. Думала, я обрадуюсь, а я...

— Лия, он тут няню какую-то нашел. Я просто... Прости. Я, конечно же, хотела бы, чтобы это была твоя Дина, но ей ехать в Пушкин...

— Дина один раз только была в Пушкине, да и то провела все время в очереди, чтобы пробежать мимо Янтарной комнаты. А ты эту янтарную комнату вообще не видела...

Тут она права. Я последние пять лет вообще, кажется, ничего не видела.

— Лия, спасибо. Но я действительно должна узнать, не решил ли Гриша эту проблему за моей спиной.

— А сейчас он тоже за твоей спиной стоит?

Лия насторожилась, что ли? Да будешь тут нервничать после всего того, что мы с ней о Гришке наговорили друг другу!

— Нет, он за мамой поехал. У нас семейный рождественский ужин. Мне уже плохо, Лия. Вот честно...

— Не проси тебя жалеть, не буду, — рассмеялась подружка. — Ты сама в это... — она сделала паузу. — Варенье влезла. Теперь пляши! Под его дудку!

— Знаешь, он хорошо играет... И не на дудке, а на гитаре. Так что плясать под его музыку — одно удовольствие.

— Вот и говорю — пляши. Пляши от обстоятельств. Динка всегда приедет, только свистни. И янтарную комнату посмотри обязательно. Когда из своего дворца вылезешь.

— Спасибо...

Я снова подошла к зеркалу и снова расчесала волосы, до блеска. Я уже вся блестела. От нервов. Да что же это такое в самом-то деле!

Тамара Ильинична оказалась мне по плечо. Нет, я утрирую, конечно, но смотреть на нее пришлось сверху вниз из-за дурацких туфель, которые я надела, чтобы не выглядеть в тапочках еще большей идиоткой, чем уже была с букетом из оголенных нервов. Гриша очень заботливо забрал у нее пуховик, в рукав которого она судорожно запихивала берет и пуховый платок, нервничая не меньше моего. Мне бы сказать — положите берет на полку — но слова потерялись и руки стали немного влажными, и я судорожно вытирала их о бока перед объятиями, которые получились немного скомканными. Но не в силу нежелания обеих сторон, а потому что мы как-то уж очень надолго застряли в прихожей.

На помощь пришла Люба с кошкой, которая шла только к ней на руки. Вот и тема нашлась — как я справляюсь? А пока никак — Люба даже лоток сама чистила. Мне бы справиться с нервной дрожью — и с рукой Гриши, которой он подпер арку моей спины. Расслабиться не получалось, хоть я и ругала себя на чем свет стоит. Когда сели за стол, я вжалась спиной в стул, ища твердую опору, но Гришина рука уже оказалась на его спинке.

Принимать участие в общем разговоре получалось с трудом. Я все порывалась вернуться за чем-нибудь на кухню, но Гриша всякий раз удерживал меня на стуле и приносил все сам. Все то, чего нам и не нужно было за столом.

Наконец перешли к чаю и к тому, за чем собственно Тамара Ильинична приехала.

— Мы с Гришей долго говорили про вашего дедушку, — сказала вдруг гостя, чуть с запинкой, потому что явно подбирала правильное слово, которым можно было назвать

Александра Юрьевича, никого не обидев.

Сейчас можно было говорить открыто, потому что Гриша намеренно увел Любу наверх поиграть. Две женщины за столом могут спокойно выработать план действий, если они заранее обрисованы мужчиной. Так он считал? И так и оказалось.

— Я живу одна и это меня нисколько не напряжет, — добавила мать Ульяны к общему плану, на который у меня не нашлось никаких слов.

Тамара Ильинична собиралась забрать Александра Юрьевича к себе, отдав ему отремонтированную комнату внучки.

— Я понимаю, что он будет против. Старикам тяжело привыкать к новым условиям, но вариантов же у вас нет? Тяжба с квартирой не закончится и добьет его. Ты тоже не можешь ездить навещать его. У тебя работа и дочь. И Гриша. Отправлять к нему сиделку или кухарку — это будет выглядеть так, будто ты хочешь от него отмахнуться.

Я как представила себе чистюлю Александра Юрьевича в квартире с десятью кошками, так и утратила сразу последнюю возможность говорить и соображать. Тут явно кто-то не понимал ситуации: хозяйка кошек или все же Гриша?

— Гриша не хочет, чтобы ты нервничала, — продолжала Тамара Ильинична. — Что будет с квартирой, то и будет. Отдайте ее Кириллу. Выкупите свое спокойствие. И пусть дальше сын с отцом сами решают, что к чему. Ты просто выйди из этого порочного круга и забудь. Я бы и с Любой могла сидеть, но мы живем в разных концах города, но на каникулы я буду брать ее к себе без вопросов. Вопросы тут могут только у Вербовых возникнуть... — добавила она тут же с грустной улыбкой и отвела сонные глаза, которые с трудом держала открытыми.

Гриша и сказал, что она к нам всего на пару часов, потому что встала в четыре утра из-за разницы во времени.

— Лиза, ты не думай, что я это только ради Гриши делаю. Это и мне нужно. Я там, — Тамара Ильинична махнула рукой, но я поняла, что речь идет об Америке, — не нужна. Там муж-американец и... Да Бог с ним... Я даже не понимаю, что Илона говорит. Даже когда она пытается сказать это по-русски. Вы теперь моя единственная семья, и я хочу быть нужной. Просто хочу быть нужной. У деда очень тяжелый характер?

Я пожала плечами — вот никакого понятия не имею!

— Ничего. Мы с Софочкой с ним справимся. Она тоже одна живет. Вот и будем его попеременно воспитывать. С двумя бабами он точно не справится.

Я улыбнулась — когда-то справлялся и с большим количеством, а сейчас в окружении кошек будет помалкивать.

— Я должна с ним поговорить. Это очень неожиданное предложение, и я честно не знаю, как он на него отреагирует.

У меня у самой и давление подскочило, и сердце ходуном заходило.

— Гриша, это сумасшествие! — сказала я, как только Вербов закрыл дверь, проводив мамочку до такси.

Я с трудом назвала его по имени. Он сейчас выглядел, как Вербов, которого я знала три месяца, потому что повел себя как начальник-самодур.

— Лиза! — он прекрасно понял, о чем я собираюсь говорить, и крепко-крепко взял меня за плечи. — Вся твоя жизнь после развода — одно большое сумасшествие. А клин клином вышибают, как говорится. Одну дурь другой в надежде, что минус на минус даст в итоге плюс. Ну что ты так на меня смотришь? У тебя разве есть другое решение?

Нет, решения у меня не было, а Кирилл, который ни мне не позвонил, ни к отцу не пришел, ничего не собирался решать. Или же ждал решения от нас, чтобы принять его в штыки. Но тут-то он ничего не мог сделать.

— Твой Александр Юрьевич будет под присмотром, а это самое главное. А потом... У меня есть идея... — но идею сожрала кошачья улыбка, и Гриша так и не озвучил ее.

— Какая? — увернулась я от поцелуя, который в полумраке прихожей сам напрашивался на мои губы.

— Узнаешь! — чмокнул меня Гриша в нос. — После планерки. Если не сбежишь.

— Знаешь, — я отстранилась, но не сумела или не захотела разорвать кольцо рук, сцепленных у меня за спиной. — Все-таки первое впечатление самое правильное: ты гад, да еще какой...

— Ты не меньшая гадина, — Гриша понизил голос почти до шепота. — Два сапога пара. Сегодня я укладываю Любу, а ты укладываешь меня... Понятно?

— Я должна сказать — Йес, сЁр? — почти не улыбнулась я.

— Ты ничего не должна говорить. Ты должна делать все молча.

— Ты тоже делаешь все молча.

— Лиза, я делаю. И это работает. В девяноста девяти случаях из ста. Один процент я оставляю Глаше — кошки независимые дуры. Не будь кошкой.

Да как я могу быть кошкой, когда живу с собакой? Гав!

Глава 7.5 "Я тебя люблю"

— Извините, это последняя коробка?

Это была последняя капля моего терпения: я закрыла за грузчиками дверь и опустилась прямо на пол, не в силах дойти до кухонного стула, чтобы дождаться прихода уборщицы. Все нанимаемые Гришей люди отличались отменной пунктуальностью. Я уже познакомилась с Оксаной Михайловной в пятницу, когда та пришла посидеть с Любой. Она оказалась очень приятной женщиной, не старше моей матери, и мне было ужасно неловко, что она моет наши туалеты.

— Лиза, прекрати! — огрызнулся Гриша. — Это ее работа. Она получает за нее деньги. Я предлагал ей те же деньги, но сидеть только с ребенком. Она сказала, что будет и убирать квартиру, чтобы мы никого больше не нанимали. Все. Точка. Это мы больше не обсуждаем. И вообще, мы не свиньи. У нас, кажется, чисто дома, и носки я самостоятельно доношу до стиральной машины, которая их сама же стирает.

— Я чувствую себя ужасно...

— То есть ты хочешь, чтобы я сам мыл туалет? Потому что тебе это делать я не позволю. Ясно?

Он не позволил мне даже поговорить с дедом Сашей. Заявил, что у баб все и всегда на эмоциях. В палату он пошел один. Вышел через пять минут и сказал — порядок. У него во всем был порядок. Это только кошачьи игрушки, которые совсем не интересовали взрослую кошку, валялись по всему дому, пока Глафира блаженно лежала на кровати рядом со Львом. Она же женщина!

Люба дома вместе с Диной собирала с ковра иголки, сыплющиеся с новогодней красавицы. Новый год казался мне уже старым — так быстро нас закрутил водоворот житейских хлопот. Нужно было собрать все личные вещи Александра Юрьевича. Я очень боялась, что что-нибудь да пропадет, если сюда явится Юля. На новом месте дед сам разберется со своими ценностями.

— Не забудь фотоаппарат! — это он сказал мне за день до выписки.

И этот день наступал завтра. Сейчас я осталась помочь Оксане Михайловне с уборкой. Впрочем, в квартире нужно было только протереть пыль, скопившуюся за последние дни. Я держала все в чистоте, как и велела покойная свекровь.

— Пожалуйста, Елизавета, дайте мне делать мою работу! — возмутилась женщина. — Я вас прошу! Я не беру просто так деньги!

Господи, ну почему...

— Оксана Михайловна, это неправильно. Вы — учитель, вы должны учить, а не убирать.

— Я — женщина. Я могу и убираться дома. Вы же не свиньи, я же не хлев драю.

ГАВ, наверное, всех работников под себя ищет — не прошибешь!

Фотоаппарат я положила в рюкзак и вручила его Александру Юрьевичу прямо на выписке.

— Ты говорила с Кириллом? — спросил он меня после «спасибо».

— Нет, и не хочу говорить. Не хочу форсировать события.

Я сказала Каменцеву, что Александр Юрьевич поживет какое-то время у нашей знакомой, которая за ним присмотрит. Я сказала — какое-то время. Не навсегда. И я не дала Кириллу ключей, да он и не спросил про них. Официально в квартире прописаны трое —

дед, он и Люба. Будем платить коммуналку. Без проблем. Нерешенные проблемы, конечно, никуда не деваются, но когда на первый план выступает вопрос здоровья, они меркнут. Они решатся когда-нибудь и как-нибудь. Сейчас намного важнее, чтобы между Александром Юрьевичем и Тамарой Ильиничной не вышло недопонимания. Она варит ему суп, и всего-то. Он не лежачий, у него есть пенсия, он в магазин ходит. Ему даже не надо напоминать теперь про таблетки. Сам помнит. Ему просто нельзя давать повода нервничать.

— Знаете, Динка согласилась вести для вас Инстаграм, — сообщила я деду уже в машине, буравя злым взглядом кончик наглого носа водителя.

Гриша со своими идеями меня не на седьмое небо, а на тот свет отправит! Он решил создать не котокафе, а котофотоателье.

— Мужик не может сидеть без дела, — заявил он чуть ли не с пеной у рта. — Мы должны быть постоянно заняты. Таким нас создал Бог.

Ну да, еще и без одной извилины. А кого-то вообще без мозгов!

— И делать мы должны то, что любим и то, что у нас хорошо получается.

Они решили переделать большую комнату в квартире Тамары Ильиничны под студию. Гриша и художника пригласил, и свет студийный купил, и вообще свихнулся на этой идее фикс.

— Все будут при деле. Даже кошки. Разве это не прекрасно?

Это сказочно, мой милый сказочник! И первая фотосессия была назначена уже на завтра. Позировать, понятное дело, должна будет Люба. И Дина. Та напросилась сама. Впрочем, она всегда с белой завистью лайкала наши с Любой портреты.

— Пусть работают, — рычал ГАВ тихо. — Я даже буду платить этой девчонке зарплату. Я хочу спокойствия в семье. Хоть немного в кой-то веке. А спокойствие можно достичь только полной занятостью всех ее членов... Черт, Лиз, я не то сказал... Нет, ну ты поняла, — Гриша уже ржал в голос, и я вместе с ним. — Он точно должен быть занят делом, иначе проблем не оберешься. Ну, скажи мне, что ты довольна? Все складывается, как нельзя лучше!

— Постучи по дереву...

И он наклонил ко мне голову. Пришлось постучать ему по кумполу. А что делать? Мне не хотелось, чтобы кто-то там позавидовал нашему счастью и разрушил его. Ведь у нас только-только все начинает налаживаться!

Гриша подхватил меня на руки и начал дико озираться в поисках места, куда бы меня кинуть...

— Боишься, не удержишь? — нагнулась я к его носу.

— Не боюсь... — ответил он коротким поцелуем. — Ты волосами запутаешься в моей щетине.

— Ты выбрит.

— Но если ты будешь меня футболить, я перестану бриться, и будет хуже только тебе...

Он наконец-таки споткнулся о диван. Не надо было так рано выключать свет.

— Подожди... — остановила я его руки, которые уже потянулись к застегке бюстгальтера. — Я не сказала тебе самого главного...

— Это уже сказала Елена Владимировна, транслируя мысли Антона Сергеевича. Так что я без тебя знаю, что я дурак. Но знаешь ли, дуракам везет. С кошками, женщинами и безумными идеями. У деда великолепные портреты... Он еще будет нас по ресторанам водить. Вот увидишь...

— Ты все о деньгах, дурак!

— Я о семейном счастье... О чем ты, я не знаю...

— А я о том, что люблю тебя...

Наши губы почти касались друг друга, и ушам не нужно было напрягаться, чтобы разобрать натужный шепот. И темнота хорошо скрывала пламя, охватившее наши уши от любовного пыла. Гриша молчал — словно собирался переспросить. Нет, он не ослышался. Я это сказала. Я наконец-то решилась это сказать. Не собиралась именно сегодня, но вот же — сошлись звезды и наши тела на одном диване, в одной точке во Вселенной. Больше минуты прошло в полной тишине. Мы точно не дышали.

— Я верю, — вынырнул Гриша первым из пучины нахлынувших на нас чувств. — Не хочу верить, а действительно верю. Спасибо, Лиза. Но даже если бы ты не сказала этих слов, я их все равно чувствовал. Спасибо тебе за это.

Я прижалась к его губам, желая, чтобы поцелуй продлился Вечность. И если Вечность когда-нибудь закончится, то я все равно буду любить его. За все, что он сделал, за то, что он зубами растегнул мой кокон, в котором я себя заживо похоронила. А потом зубами выгрызал мое счастье у жестокой действительности. Нет, я люблю его совсем не за это, а просто за то, что когда-то Анастасия Мороз сказала Антону Вербову — да, и родила ему сына Гришу. И я люблю всех людей, даже тех, кто когда-то делал Грише больно, потому что иначе он не вырос бы в того человека, в которого вырос. В мужчину, которого хотелось целовать без остановки, чтобы он не сказал какую-нибудь очередную глупость.

— Лиза, а давай поженимся 8 марта?

Я с трудом приподняла голову над смятой подушкой.

— Почему именно 8 марта?

— Чтобы мне только три раза в году надо было дарить тебе цветы: в день свадьбы, в день рождения и...

— Четырнадцатого февраля? — попыталась уловить я ход его мыслей.

— Нет, не люблю обязательку — не дарю цветы, когда их дарят все. Я просто ошибся с числом. Четыре раза... В Любин день рождения и... Или пять раз...

Я сжала его щеки.

— Я только один раз еще красный пиджак надела!

— Будешь работать из дома. Я сам поговорю с твоим гадом-начальником. Сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться. Можно, я на тебе потренируюсь?

Он сел на диване и поправил ворот мятой футболки. Затем, отыскав в вазе зажигалку, запалил свечу. Одну из трех. И бросил зажигалку обратно, но рука из вазы вылезла не пустой. Пальцы сжимали крохотную коробочку, и я сглотнула сладкую слюну. Нет, на колени Гриша не встал — настоялся уже передо мной вдоволь. Просто протянул мне ее закрытой.

— Без комментариев. Я и так много говорил последнее время.

Я так же молча открыла ее — нет, на темном бархате лежало не кольцо с бриллиантом. Это было кольцо с несколькими бриллиантами и еще одно кольцо побольше, просто золотое. Мы теперь все делаем вместе.

— Паркер я так и не купил. Ну, согласна отказаться от 8 Марта, феминистка в кубе?

— Ради тебя? — шурилась я на пламя свечи, которую Гриша поднял со стола, будто собрался проводить надо мной какой-то древний обряд.

— Ради меня, конечно. И ради еще кого-нибудь, очень на меня похожего. Согласна?

— Согласна, — захлопнула я коробочку, и Гриша бросил ее обратно в вазу и вернул свечу на стол, задув.

— Я люблю вас, Елизавета Аркадьевна, безумно... Потому что я — дурак, у меня даже справка имеется про сотрясение мозга. Но, кажется, ты поставила мои мозги на место.

— Я очень на это надеюсь, — прошептала я ему в губы до поцелуя, длинную в Вечность. — Даже не надейся, у меня безопасные дни...

— Я никуда не спешу... Чем больше попыток, тем лучше...

Только попытка удержаться на диване провалилась — хорошо, без треска, и мы просто мягко приземлились на ковер. Как хорошо, что обе наши кошки спят наверху, охраняемые игрушечным львом. А у меня тут лев настоящий, но, к счастью, ручной... Мне остается быть его самой любимой кошечкой, и я не уступлю это место даже Глафире. И даже тому, кто будет напоминать мне и его, и меня саму.